

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»**

На правах рукописи

Арсакаева Хапта Салтмуратовна

**РЕЧЕВЫЕ ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ ВЕЖЛИВОСТИ В ЧЕЧЕНСКОМ
ЯЗЫКЕ**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

**Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук**

Научный руководитель -
доктор филологических наук,
профессор А.И. Халидов

Грозный – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА, «ВЕЖЛИВОСТЬ» КАК ЕЁ ОСНОВНАЯ КАТЕГОРИЯ	13
1.1. Этикет как феномен духовной культуры этнос	13
1.2. Речевая культура (речевой этикет) как составная часть этикета	21
1.3. «Вежливость» и «невежливость» в межличностном и межэтническом общении	29
1.4. Основные понятия культуры речевого поведения, формулы выражения вежливости.....	41
Выводы к первой главе	58
ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ ЭТИКЕМЫ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ	60
2.1. Обращения в чеченской лингвокультуре	60
2.2. Приветствие	78
2.3. Прощание	93
2.4. Compliment как особая форма похвалы.....	98
2.5. Поздравление и пожелание	105
2.6. Благодарность	112
2.7. Извинение и прощение	115
2.8. Сострадание и соболезнование.....	120
Выводы ко второй главе	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	129
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	137
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	154
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	156

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации обусловлена важностью исследования принципов и правил речевого поведения в обществе, которые с течением времени изменяются, подвергаются переоценке и поэтому должны находиться постоянно под пристальным вниманием ученых. Особенно актуализируется эта тема, когда ценности изменяются не в лучшую сторону, следствием чего становится «декультуризация» общества, отражающаяся, в первую очередь, на речеповеденческой культуре. Этому фактору уделяют внимание многие гуманитарные науки и, в частности, лингвистика. В настоящее время переосмысливается взаимосвязь языка и культуры, особое внимание исследователями уделяется отражению в языке особенностей менталитета, выявлению национально-культурного компонента семантики. Отсюда следует, что изучение этикета и основной формы его проявления – языка и, следовательно, речевого этикета будет актуально всегда.

Актуальность исследования связана и с тем, что сейчас появились новые коммуникативные сферы (социальные сети, электронная почта и др.), для которых описание и формулирование правил речевого этикета представляется особенно важным, а изменения в речевом поведении наших современников, особенно подрастающего поколения, требуют внимания и в плане воспитания в нормах традиционной речевой культуры.

Объектом исследования в нашей работе являются формулы чеченского национального вида речевого этикета, имеющего свои средства выражения в виде специальных лексем, словосочетаний или даже предложений – этикетных паремий.

Предмет исследования – коммуникативные функции типичных для чеченской речевой культуры формул вежливости, выявление и анализ их прагматического и семантического потенциала в контексте культурологии и межкультурной коммуникации.

Исследование проводится с экстраполяциями к речевым этикетным формулам других этносов – не только русского, но и других кавказских народов, что связано с убежденностью в том, что в каждой культуре совмещены общечеловеческие

и этнонациональные начала, и это единство находит свое отражение в языке, причем особенно явно в речевом поведении – как межличностном, так и в общении между сообществами различных культур.

Состояние изученности проблемы. Тема речевого поведения людей и используемых при этом средств, прежде всего – языка, в том или ином аспекте поднималась и обсуждалась учеными с глубокой древности, но собственно научной проблемой, заслуживающей специального внимания и исследования, она становится, видимо, с работ В. фон Гумбольдта. Проблемы речевого общения людей обсуждались в тех или иных аспектах отечественными и зарубежными учеными – языковедами, психологами, позднее психолингвистами, среди которых следует выделить В. фон Гумбольдта, Г. Штейнталя, А. Мейе, Ш. Балли, Б. Бернштейна, А.А. Потебню, Л.В. Щербу, Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, М.М. Жирмунского, А.А. Леонтьева, Л.П. Якубинского, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Н.И. Формановского, В.И. Карасика, Р. Ратмайра и др.

Труды, исследующие вопросы, связанные с речевым этикетом нахско-дагестанских языков, появились в конце XX в начале XXI вв. Традиционные формулы речевого этикета нахско-дагестанских этносов впервые стали предметом исследования в статьях А.Г. Гюльмагомедова [1988], Д.С. Самедова и др. [2002], [2012], М.К. Халимбековой [2012], З.М. Маллаевой [2012], М.Я. Хачукаевой [2018], Р.Ш. Халидовой [2023] и др.

К сожалению, на материале чеченского языка и в целом чеченской лингвокультуры, культуры поведения (этикета), эта тематика привлекла внимание только в последние два-три десятилетия, и на сегодняшний день мы имеем только несколько специальных работ о правилах чеченского этикета, в которых, к тому же, мало обращений к лингвистической стороне изучаемых вопросов [Ахмадов 2002; Берсанов 2012; Хасиев 2016]. Можно назвать также отдельные статьи разных авторов и небольшие издания со скромным для монографий объемом, число которых ненамного превышает приводимый нами список [Хасбулатова 2007; 2018; Арсакаева 2018а; 2018б; 2019; Ахмадова, Хасбулатова 2012 и др.]. Об этике поведения чеченцев пишут, как правило, только связывая его с современностью, этические

нормы в прошлом почти не исследованы, можно назвать лишь одну специальную работу З.И. Хасбулатовой [2018]. В то же время, этикету других народов, даже малочисленных в сравнении с чеченским, посвящены довольно объёмные монографические исследования ([Гимбатова 2007; Бгажноков 1978; Лугуев 2006] и др.). Поэтому есть основание считать, особенно если иметь в виду собственно лингвистический анализ материала, что исследование речеповеденческих норм и традиций чеченского народа только начинается, а это означает, что для тех, кто к этому будет приступать, достаточно много нерешенных или только вводимых в научное обсуждение вопросов.

Исходя из обоснованных выше актуальности и состояния изученности темы, которой посвящена наша диссертация, мы поставили перед собой в работе следующую **цель**:

– выявить, классифицировать и всестороннее описать формулы чеченского речевого этикета в своем основном проявлении – в категории вежливости с определением вложенного в них лингвокультурологического, этнолингвистического, психолингвистического и др. содержания, определить общие с другими, прежде всего русской этической культурой, идиоэтнические (этнонациональные) компоненты, интерпретировать их в плане значимости в исследовании проблем межкультурной коммуникации.

Для достижения сформулированной выше цели в работе поставлены следующие **задачи**:

– определить основное содержание концепта «вежливость» в чеченском этническом сознании, выбрать рабочее определение вежливости как коммуникативной категории;

– выявить общее и различное в представлениях о признаках вежливости-невежливости в чеченской речевой культуре и в культурах других народов, особенно контактирующих с чеченцами, в том числе и русского;

– определить корпус чеченских этикетных речевых формул (этикем);

– провести лингвокультурологический анализ отобранного языкового материала и описать его национальные специфические особенности;

– сравнить коммуникативное поведение чеченцев-билингвов и русских в однотипных ситуациях, в том числе – поведение чеченцев в общении на русском языке с русскими или носителями иных языков и культур, говорящими на русском языке;

– определить наиболее частотные этикемы чеченского языка, соотнося их с предпочтительными и частотными русскими этикемами, и проследить, как они соотносятся с социальными отношениями, культурными ценностями, особенностями национального сознания, типами культуры двух народов, находящихся в постоянных тесных контактах.

Гипотеза исследования состоит в том, что, в принципах и правилах речевого поведения носителей разных языков и представителей разных культур не просто наблюдаются общие черты в содержании и часто даже языковом оформлении формул вежливости – этикем, эти общие черты доминируют, являются основными и обязательными для них, особенно если это языки и культуры непосредственно и на протяжении длительного времени контактирующие. И это не зависит в значительной степени от генетических связей и структурных признаков, а также того, на каком уровне культурного прогресса находятся их носители.

Научная новизна работы заключается в том, что она является первой попыткой систематизации формул речевого этикета в чеченском языке с опорой на опыт её систематизации в русском и других языках, в которых этикетные формулы исследованы основательно или, во всяком случае, шире и глубже, чем в чеченском, и получили детальное описание в широком круге специальных работ. Чеченский речевой этикет исследуется в плане определения и классификации состава этикетных формул, которые мы для большей ясности считаем возможным называть этикемами.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что освещаются малоисследованные, а частью и обсуждаемые впервые аспекты речевого поведения чеченцев-билингвов и обусловленных билингвизмом явлений совмещения в речевом поведении чеченцев компонентов, общих с русским и арабским языками, и этнонациональных черт, не обнаруживающих явных сходств с ними ни в

семантическом отношении, ни в отношении своего языкового оформления. Результаты исследования могут найти применение в дальнейших теоретических исследованиях проблем речевого этикета и развития лингвистических дисциплин в общетеоретическом плане, и на материале конкретных языков и культур.

Практическая значимость диссертации – возможность использования ее материалов и выводов в преподавании курса этики в школе, в проведении воспитательной работы с учащимися, в проведении вузовских спецкурсов и спецсеминаров по теории речевого этикета, теории речевых актов, в составлении учебных пособий и методических разработок по культуре речи, межкультурной коммуникации, составлении словарей и разговорников по речевому этикету. Несомненна значимость материалов проведенного исследования в терминологической работе, лексикографической и переводческой практике (особенно при составлении двуязычных словарей по речевым этикетным формулам).

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, разрабатывавших проблемы коммуникации с разных точек зрения в различных областях науки – психологии, социологии, социолингвистики, культурологии, этнографии и собственно лингвистики. Такие исследования, к какому бы аспекту изучения коммуникации они не относились, невозможны, например, без опоры на труды психологов, внесших основополагающий вклад в теорию коммуникации, особенно межличностного общения. Таких, как В.М. Бехтерев, В.Н. Мясищев, Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.А. Бодалев, Е.П. Ильин и др. Лингвистические (лингвокультурологический, этнолингвистический, психолингвистический, лингводидактический) аспекты изучения вербального общения носителей разных языков и межличностного общения носителей одного и того же языка трудно представить без опоры на труды таких отечественных ученых, как А.А. Потебня, Л.П. Якубинский, Л.В. Щерба, М.М. Бахтин, А.А. Леонтьев, М.М. Жирмунский, Е.М. Верещагин, М.В. Сергеевский, Б.А. Ларин, В.Г. Костомаров, Н.И. Формановская и др. В исследовании речевого взаимодействия людей в различных сферах деятельности и в повседневном общении важными источниками являются работы современных авторов: И.А. Стернина, Н.И. Формановской, Е.В. Сидорова,

Г.Г. Почепцова, В.И. Карасика, Е.В. Ключева, В.В. Богданова и др. Научный уровень работы в этой области повышает и обращение к трудам зарубежных исследователей коммуникации в разных аспектах, преимущественно в психолингвистическом, лингвокультурологическом, из которых можно выделить таких исследователей, как Р. Уолтерс, Н. Миллер, Д. Доллард, Дж. Тибо, Г. Келли, Дж. Хоманс, Дж. Остин, Х. Маршалл.

Обозначенный объект исследования – чеченский речевой этикет, а также многоплановость поставленных для достижения цели задач обусловили выбором нами комплексной **методики**. В диссертации применялись общенаучные **методы** – индукция, дедукция, анализ и синтез, при этом исследуемый объект требовал применения ряда специальных методов: аналитического наблюдения; сопоставительного метода; метода лингвокультурного анализа и культурологических интерпретаций; системного описания. В сборе и обработке материала использовались опрос и классификация исследуемого материала по различным признакам, соответствующим аспектам его рассмотрения.

Практическим материалом для исследования и анализа этикетных формул чеченского языка послужили тексты, извлеченные из художественных произведений чеченских писателей и публицистов, фольклорные произведения. В качестве материала исследования использованы также формулы чеченского речевого этикета, зафиксированные в повседневном речевом общении автора, а также информация, полученная от жителей горных чеченских сёл и районов. Всего проанализировано более 2000 примеров из разных источников, которые, конечно, не могли быть включены все в диссертационную работу ввиду ограниченности ее объёма.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Категория вежливости в чеченском языке – категория универсальная, получающая свое словесное выражение в речевой культуре в виде системы речевых формул – приветствий, пожеланий, поздравлений и т.д.

2. В своем конкретном выражении этикемы, однотипные по цели и ситуациям, в которых они возникают, могут семантически различаться и быть по-разному оформленными.

3. В абсолютном большинстве чеченские этикемы являются исконными и имеют сложную (составную) структуру. Однословных приветствий, а также прощаний и пожеланий у чеченцев практически нет. В русской речи билингов-чеченцев прослеживается тенденция к расширению употребления русских однословных приветствий типа *«Здравствуй!»*, *«Привет!»*, *«Пока!»*.

4. Всякая категория, лексическая, грамматическая или какая-либо иная, подразумевает корреляцию по признаку выраженности того или иного признака, и в этом плане категории вежливости противопоставлена категории невежливости. Обе эти категории присутствуют в чеченской поведенческой культуре, однако исследуемый материал показывает, что словесное выражение невежливости в чеченском речевом этикете представлено значительно меньшим объёмом соответствующих «антиэтикем», характерных для грубого, вульгарного, вплоть до агрессивного, общения коммуникантов, и преимущественно – для общения межличностного, а не межкультурного. Это не значит, что грубость вообще не характерна для речевого общения чеченцев, речь идет о своеобразии речеповеденческой культуры, избегающей острых моментов в общении, употребления обидных или оскорбительных слов и выражений, за которые может последовать ответственность, в том числе общественное порицание, занимающее особое место в вайнахской этике и являющееся серьёзным сдерживающим фактором для престаупающих нормы приличия.

5. На речевую культуру чеченцев, в частности и особенно в этикемах вежливости, определенное влияние оказывают, с одной стороны, религиозно окрашенная арабская культура, с другой – речевая культура русского народа. В первом случае это влияние в сфере межличностного, бытового общения, во втором – в основном официального и межкультурного общения, которое в силу сложившихся объективных условий осуществляется на русском языке.

6. В чеченском языке можно выделить и уже вполне освоенные этикемы-заимствования или кальки с арабского или русского языков. Из арабского языка – это обычно прямые заимствования, из русского языка – кальки, и здесь в основном речь идет об этикемах, употребляемых в официальной сфере и в межкультурной

коммуникации, а также в особо значимых случаях, таких, как повышение в должности, день рождения или юбилей отдельных лиц, учреждений, получение награды и т.п.

7. Сравнение чеченского речевого этикета с русским или иных национальностей свидетельствует, что у носителей разных языков и представителей разных культур возможны параллели в лексическом составе и даже оформлении этикетных выражений, особенно если это народы и языки, с которыми чеченцы контактируют тесно и давно.

8. Определенной зависимости, взаимообусловленности между наличием или отсутствием у того ли иного народа письменной культуры и длительных культурных традиций (с пониманием культуры в широком плане) и сложившейся у народа культуры общения, судя по всему, нет. Ярким свидетельством этому может быть и высокий уровень речеповеденческой культуры чеченского народа, у которого письменность, если отсчитывать с начала 1920-ых годов, появилась сравнительно недавно. Национальные традиции чеченцев в части вербальной коммуникации, включая и нормы общения с носителями других языков и культур, характеризуются высоким этическим уровнем, основаны на уважении личности как таковой и на учете всех особенностей коммуниканта (коммуникантов). Этим можно объяснить, кстати, практическое отсутствие, во всяком случае, минимальность использования в речевом поведении чеченцев, не только ненормативной, но вообще грубой, вульгарной лексики, в частности, соответствий свойственным для речевого общения европейцев формулам фамильярного приветствия и т.п.

Положения, которые легли в основу настоящей работы, были **апробированы** на научных семинарах, проводимых на кафедре чеченской филологии Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, на научно-практических конференциях различного уровня, в том числе международного в г. Грозный с 2018 по 2023 гг.

Основная концепция, положения и выводы исследования отражены в 9 научных статьях, в том числе статьи – в журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ: «Гуманитарные и социальные науки» (2018,

№ 6, с. 81-94), «Мир науки, культуры и образования» (2019, № 2 (74), с. 524-527; «Успехи гуманитарных наук» (2019, № 10, с. 140-145).

Цель и задачи исследования, обозначенные нами, определяют **структуру и объём** диссертационной работы.

Структура и объём диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, подразделяемых на параграфы, с выводами по каждой главе, заключения, списков использованной литературы и источников.

Во введении формулируются основные цели и задачи исследования, а также определяются методы, используемые для решения поставленных задач; формулируется основная гипотеза и основные положения, выносимые на защиту, а также актуальность и научная новизна исследования.

Первая глава «Речевая культура как составная часть культуры этноса, «вежливость» как её основная категория» носит теоретический характер, здесь исследуются теоретические вопросы этикета как феномена духовной культуры этноса, речевой культуры (речевого этикета) как составной части этикета и «вежливости» ~ «невежливости» в межличностном общении. Содержание первой главы, носит характер теоретико-методологического введения ко второй (исследовательской) главе, посвященной исследованию конкретного лингвокультурологического материала – формул выражения различных «скриптов» категории вежливости в чеченской лингвокультуре.

Вторая глава «Основные этикемы категории вежливости в чеченском языке» носит исследовательский характер. В данной главе подвергнуты анализу все основные формулы приветствия, поздравления, благодарности, извинения, прощания и др. В главе специально рассмотрены и другие наиболее употребительные и значимые элементы речевого этикета в рамках категории вежливости, с подробным системным рассмотрением используемых при этом этикетных формул, обнаруживающих и общие, и различные признаки в разных языках. Это комплимент, благодарность, извинение и просьба о прощении, соболезнование. В качестве характерной черты чеченского речевого этикета отмечается присутствие в большинстве «скриптов» апеллирования к Богу (Аллаху), и это особенно

характерно для пожеланий, поздравлений, извинений и просьб о прощении, особенно – соболезнований. Вторая особая черта этических коммуникем чеченского языка – это то, что практически во всех из них наряду с основным значением (поздравление, благодарность, соболезнование, др.) присутствует второе значение – пожелание.

В конце каждой из глав формулируются выводы, полученные в ходе анализа эмпирического материала. В Заключении обобщены основные результаты настоящего исследования.

Основная концепция и содержание работы изложено на 157 страницах (из них 21 стр. – библиография, список словарей и источников материала).

ГЛАВА I. РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА, «ВЕЖЛИВОСТЬ» КАК ЕЁ ОСНОВНАЯ КАТЕГОРИЯ

1.1. Этикет как феномен духовной культуры этноса

Каждому образованному человеку известны понятия «этика» и «этикет». Все знают, что это связано с поведением, проявляющимся во взаимоотношениях людей, имеют свое представление о том, что этично и что неэтично. И многие эти два понятия отождествляют. Удивляться тут нечему, так как слова эти однокоренные и, следовательно, должны иметь одно семантическое (лексическое) ядро. В том, что лексически это близкие слова, убеждает не только наличие одного корня, но и реальная семантическая близость.

Этика – термин, которым обозначается наука, философская дисциплина, восходит к греч. *éthiká*, производному от *éthos* «обычай, нрав, характер». Предмет ведения этой дисциплины – принятая в обществе (этническом, социальном) мораль, нравственность. Пальма первенства во введении термина «этика» в научный оборот, по всеобщему мнению, принадлежит Аристотелю. После него этим термином пользовались, внося свой вклад в выявление философского содержания и развитие этических представлений, все видные философы всех времен. А другое, однокоренное слово – это *этикет* «(франц. *étiquette*), установленный порядок поведения где-либо (напр., придворный Э.)» [Советский энциклопедический словарь 1979: 1573].

Как видим, семантическое ядро этих двух терминов – это то, что в обоих случаях речь идет о поведении человека в рамках того, что в обществе считается приличным, только в первом случае с особым упором на мораль, во втором – на соблюдение приличий в поведении. И разница в том, что этика – это наука, а этикет – свод правил, которые необходимо соблюдать в данном обществе, социальном или ином кругу людей.

К нашей работе, её теме и рассматриваемым в ней вопросам отношение имеют оба понятия, но самое непосредственное отношение, конечно, имеет понятие «этикет».

В любом обществе, даже в социальной группе, большом и иногда небольшом коллективе есть свод правил поведения, которого придерживаются представители данного этноса, общества, группы, коллектива. Уважения остальных членов этого человеческого объединения заслуживает и добивается тот, кто эти правила соблюдает. А тот, кто намеренно и часто нарушает эти правила, подвергается общественному порицанию или даже осуждению.

Нередко высказывается мнение, что этикет – это понятие, применимое к установленному своду правил в каком-то особо утонченном обществе со своими даже не правилами поведения, а манерами – наподобие этикета французского двора, вообще высшего общества. Но то, что изначально это слово появилось именно в этом смысле, еще не говорит о том, что этикет – это свод правил поведения в высшем обществе, «свете». Хотя к такому пониманию склоняют и толкования этого термина в известных словарях, как, например, у С.И. Ожегова, согласно которому этикет – это «установленный порядок поведения, форм обхождения (в дипломатических кругах, при дворе монарха и т.п.)» [Ожегов 1982: 810]. Почти такое же определение понятию «этикет» дают и другие словари, выделяющие «двор монарха», «дипломатические круги», и только непереносное «и т.п.» позволяет считать, что сфера действия этикета весьма широка и охватывает практически все сообщества, группы, коллективы, в которых придерживаются определенных правил поведения, обязательных для этого сообщества, а их несоблюдение считается проявлением невоспитанности, невежества, отсутствия не только внешней, но и внутренней культуры. Соблюдать приличия, вести себя надлежащим образом, так, как принято в обществе определенной культуры поведения, людям ведь приходится не только на дипломатических приемах и в светском обществе: абсолютное большинство в таких кругах и не вращается, и это не значит, что их взаимоотношения, даже в повседневной жизни, без каких-либо особых знаменательных или иных событий, не регулируются достаточно строгими правилами. Есть, скажем, правила поведения, общения на траурных процессиях, церемониях, похоронах; существуют установленные правила поведения в научных и учебных учреждениях и заведениях; есть

установленные правила поведения в студенческих общежитиях, в отелях и т.д. В связи с этим рассматривается несколько видов этикета.

В первую очередь это – *светский этикет*, сохраняющий свою актуальность и в наше время. Он реально существует не только в монархических странах, как об этом обычно пишут. Если бы светский этикет был связан только с монархическими дворами, у нас в стране нигде, включая высшую власть в федеральном центре и в субъектах Федерации, это понятие не было бы нужно. Но если у нас выходят книги под названиями «Светский этикет» (с указанием в аннотации, что «для широкого круга читателей» (см. [Холгова 2022]). «Этикет. Полный свод правил светского и делового общения. Как вести себя в привычных и нестандартных ситуациях» [Белоусова 2013], другие книги с подобными названиями, предназначенные для широкого пользования (см., напр., [Современный этикет и хорошие манеры 2002; Этикет. Умение жить и вести себя дома, в семье и в обществе 1996; Этикет 1999; Этикет. Краткая энциклопедия 2011], а далеко не полный список литературы, предназначенной для широкого общего пользования, составляет 30 названий только отечественных изданий за последние четыре года, понятно, что сфера действия светского этикета шире и распространяется, во всяком случае, на крупные города. В Чеченской Республике, в которой межличностное общение и общение в широком кругу на различных мероприятиях, церемониях и т.д. проходят в основном на чеченском языке и в рамках устоявшихся народных традиций, светский этикет в привычном понимании, если и актуален, то в незначительной степени. А для современного русского этикета являются устаревшими, ненужными этикетные формулы, которые для светского круга считались не только нормой, но и обязательными еще сто с лишним лет назад, такие, как «Ваше высочество!», «Ваше превосходительство!», «Ваше сиятельство!», «Господин!». Редко кто даже из представителей старой интеллигенции использует в обращении к другим и «Любезный!», «Сударь!», «Сударыня!». Впрочем, обращение «Господин!» в общении на русском языке и, особенно среди самих русских «реанимируется», постепенно опять входит в норму. Что касается чеченских речеповеденческих традиций и формул, чеченцами подобные обращения не использовались во взаимном общении и раньше, они могли

присутствовать в русской речи чеченцев в соответствующих коммуникативных ситуациях, следовательно, почвы для реанимации их в наше время нет.

Другая разновидность этикета, занимающая важное место в жизни большинства людей, которая имеет значение для их повседневного поведения, а не только на важных мероприятиях, – это *служебный*, или *деловой, этикет*. Это установленные для данного рода профессиональной деятельности нормы поведения, в том числе и особенно речевого, которые могут быть дополнены правилами, сложившимися в конкретном профессиональном коллективе (институте, учреждении исполнительной или законодательной власти, судебном или ином органе и т.д.). В соответствии с этим различаются служебный, деловой этикет *общепрофессиональный* и *узкопрофессиональный*. В зависимости от национального состава коллектива, учреждения общепрофессиональные речеповеденческие правила могут «корректироваться» в зависимости от национальных обычаев, традиции, возможно, и религиозной принадлежности большинства. В учреждениях Чеченской Республики, включая образовательные, допускается, например, обращение к старшему или руководителю без отчества даже в том случае, если общение ведётся на русском языке. Обращение на «Вы», как отмечалось выше, является менее обязательным, чем в коллективах с преобладающей русской национальной принадлежностью. Вместе с тем, есть и общие правила, соблюдение которых желательно или обязательно в общении как на русском, так и на чеченском языке. Нельзя, например, с ходу излагать суть своего обращения (сообщения, просьбы, возможно, и требования), не предварив это извинением типа «Простите...» или вопросом типа «Можно вас попросить?..». Это же требуется и тогда, когда коммуникант обращается к другому на чеченском языке: «*Бехк ма биллалахь...*», «*Цхъа хаттар дан мегар дарий?..*». И, кстати, вовсе не обязательно, чтобы адресат озвучил свое согласие-разрешение, задавший такой вопрос сразу после него переходит к конкретному вопросу или совершает то или иное действие.

Дипломатический этикет – это совокупность правил, в соответствии с которыми строятся дипломатические контакты, разнообразные международные, межгосударственные встречи, переговоры и приемы, как правило, на высшем уровне.

Следовательно, это нормы поведения для должностных лиц соответствующих органов власти, осуществляющих международную деятельность или координирующих международные связи государства, его органов. Это составная часть дипломатического протокола, особо важного и строгого, когда речь идет о высших должностных лицах. Особенность дипломатического этикета в том, что его нормы «не имеют юридической силы, но являются безусловно обязательными в международных отношениях» [Хейрандиш, Джоландан, Хосейни 2021: 182]. Другая особенность дипломатического этикета – в том, что он в наименьшей степени лишен национальной окраски. Многие из соблюдаемых в соответствующих случаях протокольных норм дипломатического этикета идентичны в разных странах, что вполне объяснимо, так как они применяются в международных контактах на высшем или высоком государственном уровне. И при этом «одна из характеристик протокола – учет традиций, культуры, обычаев и национальных особенностей стран» [Там же], оказывающийся особенно важным в отношениях и встречах дипломатов и политиков стран с традициями, радикально отличающимися, например, от европейских. Строго обязательным дипломатический этикет не является в отношениях между национально-государственными образованиями внутри одной страны, например, в рамках Российской Федерации. Тем не менее, в наше время руководители и политики регионального уровня все шире участвуют в международной жизни, поэтому знание общепринятых правил поведения на межгосударственных встречах необходимо и им. Особо специфических национальных правил и применяемых в международных встречах этикетных формул, видимо, не существует (нет отдельно взятых немецкого, русского, датского дипломатических этикетов), а если они и соблюдаются в сношениях между странами с близкими традициями, это не распространяется на международную деятельность в целом. Эта разновидность этикета развивается только у народов со своей суверенной государственностью и традициями межгосударственных отношений, поэтому почвы для рассмотрения каких-либо речевых формул, связанных с ним, в чеченском и многих других языках нет.

Многие авторы как отдельную разновидность выделяют *военный этикет*. Имеется в виду свод правил, которым подчиняются военные и при исполнении

своих служебных обязанностей, и в общественных местах, особенно в общении с гражданскими лицами. В первом случае эти правила сведены, в целом, к Уставу вооруженных сил: общему и к уставам несения службы в разных родах войск и т.д. Этикетом это, впрочем, можно называть в какой-то степени условно, так как это правила, жестко регламентирующие несение военной службы и взаимоотношения, в том числе общение, военнослужащих в зависимости от звания, должности, требующие неукоснительного исполнения и исключаяющие варианты. Например, на приказание командира следует отвечать только «Есть!» или «Слушаюсь!», но не допускается «Хорошо», «Сделаю». Попытки создания соответствующих военному этикету речевых формул были предприняты в период правления в республике псевдосепаратистского режима, создавшего свои воинские формирования.

Универсальным, охватывающим общение всех членов общества независимо от социальных, профессиональных или иных различий, является *общегражданский этикет*. Под ним понимаются правила поведения в общественных местах частных лиц. Универсальность означает здесь, что определенных правил должны придерживаться все граждане, что от соблюдения этикета не освобожден никто, но могут быть некоторые различия в коммуникации частных лиц между собой в зависимости от социума, к которому они принадлежат. Именно этот – общегражданский – этикет в его речевом проявлении мы рассматриваем в этой работе. Вместе с тем, необходимо признать, что абсолютно универсальных, годных для всех людей независимо от их национальности, страны происхождения или проживания, каких-либо других факторов, обстоятельств, видимо, все-таки не существует, хотя представить это таким образом иногда пытаются. Как это сделали, например, Ари Турунен и Маркус Партанен в своей недавней книге, рассчитанной, видимо, для мигрантов, заполонивших Европу, чтобы убедить их в том, что есть правила поведения, одинаковые для всех людей, и они, мигранты, должны их соблюдать, если хотят влиться в европейское сообщество (см. [Турунен, Партанен 2019]).

Есть еще и другие разновидности правил поведения, которые одни причисляют к общегражданскому этикету, другие выделяют в качестве отдельных видов этикета. Это, например, установленные правила прощания с усопшими, включая

принятые при этом формулы выражения соболезнования. Существуют профессиональные правила поведения учителей, педагогов вообще, научных работников, врачей. Видимо, там, где речь идет о профессиональных правилах поведения, уместно понятие «профессиональный этикет» (врачебный этикет, этикет научной среды, этикет педагогов и т.д.), а поведение на похоронах, свадьбах и т.д. следует рассматривать как разновидности общегражданского этикета.

В современной науке появилась и иная классификация видов этикета, которая основана не на сферах его использования в общении и вообще взаимодействии, а на том, в чем в поведении человека в обществе он проявляется. Такую классификацию мы находим у И.А. Стернина в его книге «Русский речевой этикет». С его точки зрения, «этикет включает в себя этикет внешнего вида, речевой этикет и этикет поведения» [Стернин 1996: 3]. Это те три вида этикета, которые можно считать этикетными требованиями к каждому человеку, независимо от того, к какой социальной группе он принадлежит, кем является по профессии или должности, к какой национальности относится и т.д. От этикета внешнего вида зависит, например, как к человеку отнесутся еще до того, как он заговорит. Опрятность, вообще хороший внешний вид создает о человеке благоприятное впечатление, и, наоборот, небрежность не настраивает на общение с таким человеком. Те виды (разновидности) этикета, которые мы рассматривали выше, у И.А. Стернина все входят в этикет поведения (это дипломатический, международный, военный, морской и т.д. «специальные» этикеты и этикет повседневного поведения – общегражданский). Лингвистов интересует, в первую очередь, речевой этикет.

Понятие «этикет» есть и в чеченском языке. А.Е. Карасаев в своей части «Русско-чеченского словаря» приводит как заимствованное чеченским языком слово тоже «этикет», но тут же толкует двумя словами – *гиллакхах цавохар* «ненарушение этики, соблюдение этикета», хотя вполне можно было, не заимствуя искусственно *этикет*, просто перевести это слово одним – *гиллакх*. А.Г. Мациев переводит это слово *гиллакх* как «1) приличие ... 2) обходительность, вежливость, любезность» [Мациев 1961: 114], но можно было и одним словом «этикет». *Гиллакх* – ёмкое понятие, включающее в себя все стороны поведения человека, в том числе

и речевое поведение. У чеченцев есть пословица, в которой дана лаконичная оценка *Гиллакх*: *Дикачу Гиллакхо лайх эла вина, вочу амало элах лай вина* [Чеченский фольклор 1991: 191] «Хорошая манера общения из холопа сделала князя, плохой нрав из князя сделал холопа». Лучшая похвала для человека у чеченцев – это такая его характеристика: *Гиллакхехь стаг ву (зуда ю) иза*. «Обходительный (вежливый, умеющий себя вести мужчина он (женщина она))».

Речевой этикет существует как сложная система нормативных предписаний, которые определяют выбор коммуникативного поведения людей в рамках той или иной лингвокультуры и в межэтническом (межкультурном общении). Ситуаций, в которых употребляют те или иные этикетные формулы, много, поводов их создавать и воспроизводить сколько угодно и они настолько разнообразны, что, наверное, охватить их и исчерпывающе описать и исследовать практически невозможно. Все это разнообразие в последнее время концентрировано в общем понятии *лингвокультурный скрипт*, которое создано на основе компьютерной лексики. Самое простое и вместе с тем удачное определение скрипта в культурологическом понимании можно найти у А. Вежбицкой, писавшей, что «культурные скрипты – это общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя – мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению» [Вежбицкая 2002: 34]. В лингвокультурном контексте *скрипт* – это детальный «сценарий» коммуникативного поведения человека, включающий в себя и сознательное, и подсознательное в этом поведении, который построен в соответствии со сложившимися нормами культуры, в первую очередь, этноса, а также определенного социума. Под скриптами, по существу, понимаются все мотивы, поводы, события, действия, требующие вербального участия общающихся людей – коммуникантов, и оформляемые, как правило, стереотипными, характерными для той или иной этнокультуры лексемами и фразами, «организующими», «цементирующими» речевой акт: обращение, приветствие, прощание, похвала, комплимент, укор, порицание, осуждение, поздравление, соболезнование и др. Каждому «скрипту» характерны свои этикетные формулы, которые частично носят универсальный,

международный характер, но во многом характеризуются этнической специфичностью: «Этикет является международным, поскольку соблюдается более или менее одинаково во всех странах. В то же время этикет каждой страны (традиционный) может иметь свои и довольно существенные особенности, что обусловлено историческими, национальными, религиозными и другими традициями и обычаями» [Манджиева 2009: 4]. И такое положение подтверждается анализом «скриптов» различных лингвокультур, в том числе и русской и чеченской.

1.2. Речевая культура (речевой этикет) как составная часть этикета

Речь играет в поведении и вообще в жизни человека роль, которую трудно переоценить, и в этом смысле, безусловно, прав, Делл Х. Хаймс, почти полвека назад писавший, что «роли речи в человеческом поведении всегда отдавалось должное в антропологической теории, хотя подчас о ней забывали на практике [Хаймс 1975: 42]. На практике о речи могли забывать, наверное, в чисто лингвистических изысканиях, когда исследователь, увлекаясь строем языка, строя классификации языковых единиц, категорий, явлений, не всегда обращал внимание на то, что в реальном своем употреблении, т.е. в речи, эти единицы, категории не всегда подчиняются общим правилам, не всегда укладываются в выстраиваемые нами схемы. Но вряд ли роль речи может быть забыта, игнорирована, когда мы рассматриваем её в таком контексте, как её место в придании определенной формы такому важному в поведении человека явлению, как этикет.

Этикет – понятие, как показано выше, емкое, и оно, несомненно, прямо связано с культурой. Мы постарались показать, что в широком смысле этикет связан со всеми сторонами жизни человека. Это означает, что в какой-то степени этикетное значение может иметь все, что делает человек: мимика, жесты, различные иные движения и позы человека, даже молчание в определенных ситуациях. Этикетное значение может иметь даже одежда человека. Этикет, которого придерживается, во всяком случае, большинство народов, предписывает человеку, например, чтобы на траурную процессию, тем более на похороны он не являлся в пестром одеянии, или легко одетым, тем более в спортивной одежде. Этикет требует от человека

выполнения определенных правил даже тогда, когда они ему не нравятся, если это касается общения с другими людьми, так как он должен иметь в виду, как к его поведению могут отнестись другие люди, придерживающиеся определенных общих правил. Особенно серьезное внимание этикету уделяют, конечно, в деловом мире. Соблюдение этикета может помочь в делах, а пренебрежение им может закончиться и чередой неудач и крахом того дела, которым человек, пренебрегающий общими правилами, занимается или собирается заниматься. По тому, как человек знает этикет, соблюдает его, судят о нем самом, его воспитании, общей культуре, деловых качествах. Это культура поведения, и одним из орудий, даже основным орудием культуры поведения является язык. Следовательно, составной частью этикета является речевой этикет.

Если язык и человек неразделимы и человек воспитывается в той культурной среде, которая с языком неразрывно связана, то правы те философы и теоретики языка, которые считают, говоря словами Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, что «человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем и т.д., а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей. Воспитание ребенка проходит через воздействие национальной культуры, носителями которой являются окружающие люди» [Верещагин, Костомаров 2005: 25]. Если человек родился от чеченца и чеченки по крови в далекой Аргентине, но по каким-то жизненным обстоятельствам был лишен родительского воспитания и был окружен только аргентинской этноязыковой средой, он вырастет, естественно, аргентинцем. И даже при живых родителях влияния на его воспитание, становление с их стороны может оказаться мало, чтобы предотвратить это. Чтобы этого не случилось, он должен с рождения слышать звуки родного языка, его круг общения должен быть непосредственно связан с этим языком. Именно поэтому С.Г. Тер-Минасова обращает внимание на то, что для воспитания в духе той или иной национальной культуры человек должен быть, в первую очередь, «окружен» этим языком с самого рождения: «Человек родился и с первой минуты слышит звуки своего будущего родного языка. Язык знакомит его с окружающим миром, навязывая ему то видение, ту картину, которую «нарисовали» до него и без него. Одновременно через язык человек

получает представление о мире и обществе, членом которого он стал, о его культуре, то есть о правилах общежития, о системе ценностей, морали, поведении и т.п.» [Тер-Минасова 2008: 135].

С другой стороны, коммуникативное поведение представителей каждого народа отличается какими-то своими особенностями. Давно замечено, например, что американцы – в высокой степени индивидуалисты и для них высшей ценностью являются права личности, её неприкосновенность. В отличие, скажем, от англичан, американцы не склонны к чопорному деловому этикету, не стремятся возвысить себя над другими, ведут себя непринужденно, но достойно, предпочитая неофициальное общение, не доводимое, однако, до фамильярности и развязности. Если американец и постарается выделиться, то демонстрацией своих деловых успехов, особенно успехов в бизнесе. Несмотря на то, что основа американской нации – выходцы из Англии (Великобритании), сами англичане в Европе от американцев отличаются. В первую очередь – тем, что немногословны, сдержанны в общении, замкнуты. Многословие у англичан считается вообще признаком дурного тона. Тот, кто этих особенностей английского характера не знает, первое время, общаясь с англичанами, испытывает явный психологический дискомфорт, ощущение того, что с ним не хотят контактировать и делают это через силу. У французов уже давно главным в их коммуникативном поведении считается галантность. В противоположность англичанам, они любят поговорить, считают одним из не только положительных, но украшающих человека качеств красноречивость. Итальянцы также многословны, как французы, но более эмоциональны и в общении весьма активно используют невербальную «форму» – жесты, мимику. Какие-то свои особенности коммуникативного поведения обнаруживает каждый народ. И в немалой степени это связано с тем, что этнические культуры предполагают регламентированное поведение, создающее, в том числе, свойственный этносу, жителям той или иной страны, региона речевой этикет.

Регламентированное поведение необходимо человеку и для того, чтобы его воспринимали в обществе как личность, которую характеризует культура поведения, и, если он занимается каким-то делом, особенно в бизнесе, для того чтобы

приобрести авторитет и тем самым добиться доверия и уважения, ему необходимо всегда это иметь в виду. И во многом это оказывается связанным со знанием или незнанием правил речевого этикета. Если человек беседует уверенно и непринужденно, при этом строит свою речь логически выверенно и грамотно, соблюдая принятые в языке, на котором ведётся общение, нормы, он этого, скорее всего, добьётся.

Сам термин «речевой этикет», являющийся основным, одним из ключевых терминов в нашей работе, появился в науке сравнительно недавно. Определений речевого этикета довольно много, но обычно придерживаются того, которое находим у А.Н. Щукина: «*«Речевой этикет* – это социально заданные и национально-специфические правила речевого поведения, реализующиеся в системе устойчивых формул и выражений, принятых в предписываемых обществом ситуациях «вежливого» контакта с собеседником» [Щукин 2007: 285]. Речевой этикет определяют по-разному и исследователи, и составители справочно-энциклопедической литературы, но все они сводятся к предельно лаконичному определению, которое находим в одном из словарей, согласно которому это «совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующих сферах и ситуациях общения» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011], с добавлением при этом, что «речевое поведение регулируется социальной иерархией, национальной культурой и этикетом, ритуалом, воспитанностью языковой личности, постоянной практикой, контролируемой сознанием» [там же].

Считается, что впервые этот термин ввел в научный оборот В.Г. Костомаров в статье 1967 г. [Костомаров 1967]. Через некоторое время появляется учебное пособие А.А. Акишиной и Н.И. Формановской [1978]. Год от года с этого времени увеличивается число работ, посвященных уже не только русскому речевому этикету, а этикету многих народов, в том числе народов нашей страны. К настоящему времени в отечественную науку вошло терминологически и начало развиваться понятие речевого этикета. Это понятие уже прочно вошло в научный оборот. На материале разных языков выполнено довольно много работ, в том числе диссертационных исследований, по этой тематике, но это не значит, что в тех языках, в

которых речевой этикет не исследован в той или иной степени, отсутствует сам речевой этикет.

Специальных исследований, посвященных речевому этикету чеченцев, нет, хотя написано об этом немало. В той или иной степени вопросы чеченского (или общевайнахского) речевого этикета рассмотрены авторами популярных книг или учебников вайнахской этики, но в исследовательском плане именно речевой этикет почти не затронут, хотя здесь мы располагаем обширным и представляющим несомненный научный интерес материалом, сопоставимым с любым иным национальным речевым этикетом и дающим ясное представление не только о самом этикете, но и об этических ценностях чеченского народа, уходящих в глубь веков. Надо полагать, великий русский писатель Л.Н. Толстой не без оснований писал, что «чеченский язык – один из красивейших языков, если им владеешь в достаточной мере». Однако целенаправленно чеченский речевой этикет, с выявлением, классификацией и обстоятельным анализом соответствующих ему этикетных речевых формул, исследован в минимальной степени, поэтому нам приходится в основном в своем исследовании опираться на работы, выполненные на ином языковом материале.

В основе речевого этикета (и вообще этикета) у чеченцев, как и у других народов, лежит уважение к людям. Именно на уважении построен этикет и других народов. У многих народов уважение в нормах этикета социально обусловлено: даже обращение к человеку зависело и зависит от того, какое место на социальной лестнице собеседник занимает, какой у него чин, ранг, титул, обладает ли он крупным состоянием, насколько он известен в народе, крае. Отсюда, можно в этом особенно не сомневаться, появилась «форма вежливого обращения» *Вы* и обращения типа «Ваше сиятельство», «Ваше благородие», «Ваше высокоблагородие», «Ваше высочество», «Ваше величество» и т.д., и они были вынуждены следовать таким нормам речевого этикета, так как их несоблюдение могло принести и большие неприятности. Понятно, что такие обращения появлялись и удерживались в речевом этикете только в обществах, государствах, в которых было сословное деление на богатых и титулованных, с одной стороны, и бедных и занимающих низкое

положение в обществе – с другой. Подобного сословного деления в обозримом историческом прошлом у чеченцев, как известно, не было, а отсюда – не было и соответствующих обращений и этикетных формул, в которых подчеркивалось бы неравенство, содержалось бы принижение самого себя в угоду тщеславия другого. И в этом смысле совершенно прав М. Ахмадов, который в своем учебнике «Чеченский этикет» особо выделяет его главный, определяющий компонент – уважение к человеку, основанное на его личностных качествах, а не на социальном или материальном положении [ас-Сирджани Рагыб аль-Ханафи 2012]. То, что такие обращения и иные этикетные формулы встречаются в исторической художественной литературе у чеченских писателей (А. Айдамирова, Ш. Окуева и др.) в различных случаях устной или письменной коммуникации героев, персонажей, как правило – дворян, офицеров и т.д., не говорит о том, что они были характерны для чеченского языка, речевого этикета чеченцев. Это стилизация речи персонажей и героев такими формами, которые самому чеченскому языку не были свойственны и не стали его принадлежностью и после, или просто буквальный перевод на чеченский язык речи персонажей не на чеченском языке. Но и при этом «форма вежливого обращения» в речи персонажей в переводе на чеченский язык не появляется: употребление местоимений во множественном числе и глагола во множественном числе в обозначении действий одного лица в чеченском языке возможно лишь в случае выражения множественности, эта форма никак не может ассоциироваться с единичностью, поэтому «Ваше высочество» – это «*Хьан локхалла*». А вот примеры употребления особо «высоких» этикетных формул как таковых, с переводом или, при невозможности перевода, в том же звучании, имеют место. Имеются в виду примеры, подобные приводимым ниже (из романов А. Айдамирова «*Еха буйьсанаиш*» – «Долгие ночи», «*Лаьмнашкахь ткъес*» – «Молния в горах»):

«*Хьан Локхалла, ахь урокаиш ялор оьшуш вац со!*» – *оьгІазвахана, балдаиш де-гоиш кхоссар йира Экельна.* – «**Ваше высочество**, в Ваших уроках я не нуждаюсь! – рассердившись, с дрожащими губами сделал выпад Экельн» [Айдамиров 2006].

«Господин полковник! Дехар ду хьовьга вайн массеран а юкъярчу гьуллакхан дуйхья...». – **«Господин полковник!** Просьба к вам ради нашего общего дела...» [Айдамиров 1989].

При необходимости использования непереводаемого слова «господин» во множественном числе оно не всегда оформляется в значении множественности прибавлением чеченского суффикса *-ш*: – *ХIаъ, гoспoдa, хIара нoхчийн сих-сиха вайн Iедална дуйхьялбийларан бахъанаш тайп-тайпана дуййцу наха, – долипра инарлас...* «Да, **господа**, о причинах частых выступлений чеченцев против нашей власти люди разное говорят, – начал генерал...»

Хьомсара дамаш, гoспoдаш! Баркалла шуна сох къахетарна,.. «Уважаемые дамы и господа! Спасибо вам за то, что вы меня желеете... [Там же: 1989].

Необходимо отметить, что в переводных или стилизованных текстах чеченским авторам приходится вкладывать в речь своих героев, персонажей и не характерные для русских, например, формулы, как, скажем, приветствия русских офицеров, когда вместо русского «Здравия желаю!» или «Здравствуйте!» мы видим в устах чеченцев обращенные к русским приветствия *«Ассалам Iалайкум!»* или *«Марша вогIийла!»*. Но обычно в исторической прозе авторы предпочитают вкладывать в уста своих персонажей-чеченцев приветствия на русском языке, адресованные русским, в том звучании, в котором они были характерны для невладельцев или плохо владеющих русским языком, как, например, в том же романе А. Айдамирова: – *Дарасти, инарла!* – *элира цо можа, яккхий цергаш гучу а йохуш «Здравствуй, генерал!* – сказал он, показывая желтые большие зубы» (А. Айдамиров, *Лаьмнашкахь ткъес*).

В самом русском речевом этикете, кстати, обращение на «вы/Вы» к одному лицу сложилось не сразу. Долгое время в феодальной Руси и царь, и бояре по отношению к своим холопам, и холопы по отношению к царю, боярину обращались исключительно на «ты», и это воспринималось вполне как должное, в чем легко убедиться, обратившись к исторической прозе о событиях даже XVIII в. «Вежливое» *Вы* в русском речевом этикете появилось с того времени, когда стало распространяться просвещение, в высшие и даже средние слои населения страны стали

проникать формы этикета, не в малой степени складывавшиеся под влиянием утонченных манер, проникавших с Запада. Окончательно эта форма закрепились в русском этикете в XIX веке. Причем особо следует отметить, что эта форма не обязательно была связана с сословными и иными социальными различиями. В XIX веке в дворянских семьях и нередко в интеллигентских считалось не только приличным, но и чуть ли не обязательным так обращаться друг к другу даже в кругу семьи: на *Вы* друг к другу обращались супруги, так же должны были обращаться к родителям дети, даже родители нередко обращались на *Вы*, употребляя при этом глагол во множественном числе, даже к детям, не достигшим совершеннолетия. При этом господа (дворяне с разными дворянскими титулами, офицеры, просто богатые люди) эту форму не использовали в обращении к крестьянам, рабочим, тогда как для вторых такое обращение к господам было обязательным. Что касается чеченского языка, то в нем, при отсутствии в самом языке употребления соответствующих форм в «вежливом» значении, они встречаются в текстах исторической прозы, в которых обычно на чеченский язык переводится то, что вообще подлежит переводу. Если, например, обращение к кому-либо, имеющему определенное звание, чин, титул, наращивается каким-либо эпитетом, при его переводе на чеченский язык мы видим такие примеры: – *Ас хIун де ткъа, къинхетаме госуларь?* «А что мне делать, милостивый государь?» [Айдамиров 1989]; *Хьомсара госуларь!* «Уважаемый государь»; *Хьан локхалла!* «Ваше высочество» и др.

Национальные особенности этикета проявляются, видимо, прежде всего, в сфере речевого этикета, а в этой сфере особо выделяются главные формулы вежливости: приветствие, прощание, извинение. Исследовав вопрос этнических особенностей этикета, А.Г. Балакай приходит к выводу, что «национальная специфика проявляется в предпочтении тех или иных средств в схожих коммуникативных ситуациях; в использовании синонимичных этикетных единиц в различных этикетных ситуациях (иными словами, в различии функционирования этикетных единиц в языках); в наличии национально специфических грамматических конструкций, не имеющих аналогов в другом языке» [Балакай 2001: 286].

Необходимо особо отметить, что в речевом этикете практически во всех культурах поведения есть запретные темы – табу, которые не обсуждаются и, естественно, по этим темам нет каких-либо устоявшихся формул вежливости. Их можно было бы отнести к категории «невежливости», если бы они вообще были элементами речевого этикета, допускали или рекомендовали их употребление в речевом общении. Однако эти темы вообще отсутствуют в речевом общении, считается необходимым их обходить, не делать темой беседы.

У чеченцев явно *табуированных* тем и вопросов для обсуждения нет, но все же с мужчинами лучше не затевать разговоры об их детях, супруге, потому что по правилам чеченского этикета обсуждение каких-либо качеств, состояния супруги и детей не приветствуется, а исключения делаются лишь в случаях, когда кто-либо из них тяжело заболел или случилась какая-то беда. Это, однако, не значит, что в общении чеченцев вообще наложено табу на упоминание членов семьи и проявление интереса к состоянию их здоровья или делам, если коммуниканту известно, что у собеседника в семье были какие-то неприятности: кто-то попал в ДТП, случилось другое происшествие и т.д. Более того, в начале речевого акта считается и допустимым, и даже необходимым не ограничиваться одним приветствием и вслед за ним задавать вопрос о здоровье собеседника, членов его семьи, не конкретизируя без необходимости, не выделяя кого-либо, и интересоваться, если были какие-то неприятности, как сейчас обстоят дела: *Ассалам Иалайкум! Могаши Иай? Довзалехь хьал-де муха ду?* «Ассалам алейкум! Здоровы ли? Как дела в семье?».

1.3. «Вежливость» и «невежливость» в межличностном и межэтническом общении

Говоря словами А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко, «сегодня науки о культуре переживают своеобразный бум. Издаётся множество культурологических исследований и учебных пособий. Культурология уверенно институционализуется как академическая наука и учебная дисциплина, а само слово культура является, пожалуй, самым многозначным и наиболее часто употребляемым в области гуманитарного

знания» [Пелипенко, Яковенко 1998: 7]. Действительно, «культура» – понятие ёмкое, и культура общения – лишь одна из многих составляющих этого семантически обширного понятия. Достаточно обратиться к одному из многих словарей русского языка, чтобы убедиться в этом. Так, в академическом 4-томном словаре русского языка приводится 7 значений слова «культура» [Словарь русского языка 1985], и, как ни странно, ни одно из этих значений не подходит под то, что мы вкладываем в понятия «культура общения», «культура речевого общения». Не особенно в этом плане помогают и словари иностранных слов, в которых обычно приводятся значения, закрепившиеся за словом в языке – источнике заимствования, и эта система дополняется «наращенными» в русском языке значениями. В «Новом словаре иностранных слов» мы находим 8 значений, толкования существенно не отличаются, но здесь, однако, появилось понятие «культура речи» – «владение нормами литературного языка» [Захаренко, Комарова, Нечаева 2006]. Это уже ближе, конечно, к тому, что является объектом и предметом рассмотрения в нашей работе, но всё же явно не вбирает в себя все разнообразие оттенков, связанных с общением людей, причем не обязательно зависимых от конкретного языка, на котором происходит вербальная коммуникация, и от каких-то определенных норм, сложившихся в том или ином языке. Иногда, кстати, в реальных человеческих контактах в речи коммуникантов могут быть нарушены орфоэпические, грамматические, иные нормы, если это письменная речь – орфографические нормы языка, но сами высказывания по уровню соответствия принятым этическим нормам могут быть и проявлениями высокой культуры речевого общения. И, наоборот, составленные в соответствии со всеми собственно лингвистическими нормами языка, безупречные в орфоэпическом/орфографическом, грамматическом отношении тексты нередко оказываются нарушающими этические нормы, грубыми, даже оскорбительными для коммуникантов.

Об отсутствии в известных толкованиях слова «культура» чётко сформулированных значений, имеющих непосредственное отношение к тому, что мы имеем в виду в терминах-словосочетаниях «речевая культура», «культура речевого общения», писала С.Г. Тер-Минасова, которая, отметив, что для этого многозначного

слова в европейских языках выделяется примерно 7 значений, таких, которые указаны, например, в первом из названных выше словарей русского языка, уточнила, что из них «нам важны первые четыре (три последних – специальные сельскохозяйственные, бактериологические и т.п. термины)» [Тер-Минасова 2008: 12], и они для рассмотрения вопроса речевого поведения людей не представляют интереса. А для того, чтобы разъяснить, что вкладывается в представление о речевой культуре, С.Г. Тер-Минасовой и другим авторам приходится писать объёмные научные работы, показывающие, в чем эта речевая культура проявляется. В одно какое-то определение эти понятия явно не укладываются. Но отдельным авторам удается предельно лаконично разъяснить, какое место в понятии «культура» занимает язык, каково вообще соотношение языка и культуры. Вполне удачно это смогли сделать, например, авторы книги, посвященной тексту как явлению культуры, к которой в подтверждение своих утверждений и выводов обращается и С.Г. Тер-Минасова: «Первое место среди национально-специфических компонентов культуры занимает язык. Язык в первую очередь способствует тому, что культура может быть как средством общения, так и средством разобщения людей. Язык – это знак принадлежности его носителей к определенному социуму» [Тер-Минасова 2008: 75].

Изучение языка как знака принадлежности его носителей к определенному социуму, этносу особенно важно «в современных исторических условиях, когда малые народы с их языками, к сожалению, обречены на относительно скорое исчезновение в связи с необратимыми процессами урбанизации и неуклонным сокращением сельского населения, которое традиционно являлось естественной опорой этнической культуры и формой этнического существования» [Тер-Минасова 2008: 5]. Чеченский язык вряд ли можно отнести к малым этносам в нашей многонациональной стране, но процитированное в определенной мере относится, видимо, и к чеченцам. При все более усиливающемся влиянии русского языка на чеченский язык происходит, с одной стороны, постепенное вытеснение самого чеченского языка из повседневного общения даже в однонациональной среде. И, в частности, это происходит также с используемыми чеченцами речевыми этикетными формулами. В последнее десятилетие прослеживается явление, когда, с одной стороны,

чеченцы (в основном речь идет о молодежи) не совсем хорошо разбираются в традиционных для народа речевых этикетных формулах, даже путают их, в другой стороны – все чаще используют этикетные формулы других культур: в основном речь идет об этикетах русских типа «Привет!», «Пока!». Известны, например, случаи, когда подростки при встрече со старшим в вечернее время или даже в ночное приветствуют словами *Иуьйре дика хийла!* «Доброе утро!» или *Де дика хийла!* «Добрый день!», считая, что это такое же вневременное приветствие, как русское «Здравствуй!». С учетом этого тоже важно, чтобы традиционные для чеченцев, свойственные их этике поведения речевые формулы были выявлены, проанализированы, систематизированы.

Пока это считалось проблемой малых народов, она не особенно волновала исследователей, общественных и политических деятелей, но в наше время начали понимать, что опасность нависла и над национальными языками и культурами, принадлежащими крупным нациям. На это обращают внимание авторы, напоминающие об известном с давних пор факте, что «будучи неотделимыми от национальных культур, языки проходят вместе с ними через те же перипетии судьбы. В наши дни подобная ситуация стала еще более сложной. Если в прошлом проблема выживания касалась главным образом языков зависимых и отставших в своем развитии стран и народов, то теперь она затрагивает и развитые европейские страны. Это вызывается растущей экспансией английского (американского) языка, который все больше становится универсальным средством общения» [Буряк, Жданкина 2015: 297]. Именно поэтому в наше время важно осознавать, что проблема выживания актуализируется и для русского языка, над которым нависли угрозы не со стороны других языков и культур страны, как пытаются представить отдельные авторы, а с одной стороны, буквально захлестывавшей страну до недавнего времени американизацией и вестернизацией духовной жизни, в первую очередь, русского народа, и невразумительными, мягко говоря, реформами в образовании и даже нормировании языка, о чем неоднократно писали многие авторы, в том числе и А.И. Халидов (см., напр., [Халидов 2016; 2017]. Никакого «давления» на русский язык со стороны какого-либо из языков России, равно как и на русскую культуру со стороны их

культур, не наблюдается, напротив, русский язык и культура все сильнее влияют на другие национальные языки и культуры, причем и те, и другие, и особенно русский язык, это давление испытывали с последние два-три десятилетия со стороны западной масс-культуры, влияние которой, будем надеяться, значительно ослабнет или будет сведено на нет после сложных событий последних двух лет, одна из положительных тенденций которых – осознание того, что суверенитет культурный и языковой не менее важен, чем политический и экономический.

Возвращаясь к конкретному материалу – единицам речевого общения, отметим, что все формулы, которые мы используем во взаимном общении, – это, безусловно, коммуникемы, единицы общения, но это не единицы общения в том смысле, что это каждое из сообщений в отдельности, а те единицы, которые как-то цементируют речевой акт, придают ему своеобразную окраску. Сам термин «коммуникема», введен в научный оборот сравнительно недавно. Вряд ли можно уверенно сказать, кто его ввел первым. Что касается употребляемого нами при этом термина «коммуникема», можно только не сомневаться, что разделяемое многими представление о коммуникеме основано идеях В.В. Виноградова, писавшего о ней, например, следующее: «Такого рода нерасчленённые экспрессивные однословные предложения, естественно, не обрастают другими словами или членами, так как формы синтаксической связи здесь не имеют для себя даже морфологической опоры. По отношению к таким предложениям вообще неприменимо понятие «члены предложения» [Виноградов 1954]. В таком ключе сформулировал определение коммуникемы В.Ю. Меликян: «Коммуникема – это коммуникативная непредикативная единица синтаксиса, представляющая собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимая, характеризующаяся наличием модусной пропозиции, нерасчленённо выражающая определённое непонятное смысловое содержание (т.е. не равное суждению), не воспроизводящая структурных схем предложения и не являющаяся их регулярной реализацией, лексически непроницаемая и нераспространяемая, по особым правилам сочетающаяся с другими высказываниями в тексте и выполняющая в тексте реактивную, волюнтаривную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции» [Меликян, 2004: 76]. В

начавшемся речевом акте мы сообщаем друг другу многое, говорим в таком случае предикативными единицами, которые, как правило, являются членимыми синтаксическими структурами – предложениями, а в этом акте у нас есть такие единицы, которые сообщения как такового не содержат, следовательно, предикативностью как таковой не обладают, но являются необходимыми вербальными компонентами коммуникативного акта, без которых он потеряет то, что мы называем культурой общения. А эта культура важна была всегда, во все времена, и она, конечно, не оставалась неизменной.

Мы живем в особое время, когда на глазах одного поколения происходят радикальные изменения не только в политике, судьбах стран и народов, в общественно-политическом устройстве держав, в незыблемости которого вряд ли могли сомневаться еще четыре десятилетия назад. Изменения происходят, и весьма существенные, в сознании людей, в их отношении друг к другу, в их взаимном общении. И в этом смысле заслуживает внимания оценка, данная этим изменениям одним из известных исследователей проблем коммуникации Г.Г. Почепцовым, рассуждающим о том, что «в современных условиях резко изменилось отношение к коммуникации. В обществе жесткой иерархии, каковым являлся Советский Союз, главенствовала только монологическая коммуникация и не было нужды в риторических ухищрениях. При распространении диалогичности, многоголосия, права на истину, которое зависит не только от иерархического уровня начальственного кресла, ситуация резко меняется. Новое коммуникативное пространство порождается равноценными независимыми друг от друга участниками» [Почепцов 2001: 12]. Вряд ли можно быть настолько уверенными в резком различии ситуации с характером коммуникации в советский и постсоветский периоды в нашей стране, но то, что три с лишним десятилетия назад преобладала монологичность и в наше время преобладает диалогичность, вряд ли подлежит сомнению. На первый план действительно выдвигается взаимное общение людей и в этом общении особенно значимым стало понятие культуры общения, требующей, в первую очередь, высокой речевой культуры коммуникантов. В исследовании же этой культуры особое место занимает наука, объектом которой является язык.

Любой человеческий язык – это отражение культуры, принадлежащей народу, который на этом языке говорит. Во всяком человеческом языке отражаются, с одной стороны, окружающий носителей этого языка мир во всем своем многообразии, с другой – самосознание народа, его характер, традиции, мораль, в нем находит свое отражение мироощущение этноса, которому принадлежит язык, т.е. все, что мы называем духовной жизнью народа. Язык и культура едины, они, наверное, и появились у каждого народа одновременно, а это значит, что с изменениями в культуре происходят изменения в языке и наоборот, более того, с исчезновением одного исчезнет и другое. Важным же и обязательным компонентом культуры является, несомненно, культура общения (в широком смысле), которая в первую очередь существует и проявляется как речевая культура, культура речевого общения.

Понятие «культура» вбирает в себя не только то, что создано человеческим трудом – материальные (технические) средства и духовные ценности в виде научных достижений, открытий, произведений искусства, литературы, если несколько шире – еще и политические теории, философские учения. Но культура в широком смысле как исторически обусловленный постоянно развивающийся комплекс форм, принципов, способов и результатов творческой деятельности людей, как «совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении» [Ожегов 1982], вбирает в себя не только то, что сотворено руками и разумом человека, но и то, как он себя ведёт и в отношениях с себе подобными, и в отношении к «населенцам» этого мира, включая окружающую среду и природу. И если посмотреть с этой стороны, то еще вопрос, у каких народов и обществ культура выше: у тех, кто на далеких заброшенных островах живет в полном согласии с природой, довольствуясь тем, что она дает, и не посягая на жизнь и спокойствие других людей, или у тех, кто кичится высокими достижениями во всех областях науки, техники, искусства и сильно отстали в культуре общения, подменяя истинные ценности аморальностью, политическим и всяким иным лицемерием, насилием и т.д. И нередко оказывается, что небольшие народы без грандиозных достижений во многом другом в этом главном – в культуре человеческого общения

и отношения к природе, окружающей среде – оказываются не ниже, а выше «гегемонов».

Когда мы говорим о культуре общения, о речевой культуре, мы имеем в виду, прежде всего, вежливость, а не любое поведение в общении. Обращаем на это внимание потому, что иногда пытаются обосновать мнение о том, что предметом рассмотрения науки о культуре общения является и «невежливость», которая проявляется в грубости, скабрёзости, вульгарности, оскорбительности и т.д. Ничего подобного! Всё это – за пределами и речевой культуры, и культуры вообще. Отсутствие вежливости, такта в общении, в какой бы форме это общение не проходило – устной, письменной, вербальной или невербальной, – свидетельство отсутствия культуры, представления о том, что прилично и неприлично. Причем в конкретном языковом оформлении одни и те же по лексическому составу этикетки, обороты речи могут быть и вежливыми, и иронично-унизительными. Яркий пример – нейтральное чеченское приветствие *Хьо воглуш ву?* – букв. «Ты идешь?», употребляемое обычно младшим при встрече с (обычно) старшим, и то же с другим словопорядком *Хьо ву воглуш?* «Это ты идешь? / Это ты, что ли, идешь?», которое может быть понято и как выражение удивления, что идет именно этот человек («Неужели это ты?»), и как снисходительное или презрительное отношение (Всего лишь ты идешь?). В языке много способов и средств, даже если ограничиться вербальным общением, с помощью которых можно передать множество оттенков и «вежливости», и «невежливости». Но чтобы в них разобраться, необходимо понимать, что это за категория – «вежливость», а исходя из этого знания, уже выяснять, каковы проявления вежливости и какими способами и средствами, прежде всего – языковыми, обладает человек высокой или должной речеповеденческой культуры.

Вежливость – категория, достаточно хорошо изученная в нелингвистических научных дисциплинах и в значительно меньшей степени – лингвистических. Слово исконно русское, производное от имени прилагательного «вежливый», которое имело, скорее всего, другое значение, не совпадающее с тем, в котором употребляют в наше время. Некоторое время после своего возникновения слово означало «знающий, сведущий, образованный, ученый». Но с течением времени значение

изменилось. Сейчас оно употребляется в значении «соблюдающий правила приличия, воспитанный, учтивый» [Ожегов, Шведова 2009: 72]. И это значение сформировалось у слова сравнительно давно: по предположениям ученых, не позже XVI в. Такое толкование слова «вежливый» находим, например, у В.И. Даля: «Ныне вѢжа и невѢжа относятся не до учёности или познаний (в значении неучёного говорится невѢжда), а до образования внешнего, до светского обращенья, знания обычаев и приличий» [Далгат 1888: 210]. С точки зрения Е.А. Земской, высказанной не так давно, категория вежливости применительно к русскому речевому общению почти не изучалась [Земская 1994: 130], эту категорию стали изучать сравнительно недавно и основные работы, ей посвященные, немногочисленны: это работы Н.И. Формановской, Е.А. Земской, И.А. Шаронова, В.И. Карасика и др. Между тем, «среди факторов, определяющих правила функционирования языка, значительную роль играет понятие вежливости... Настало время рассматривать понятие вежливости как специфическую категорию коммуникативно-прагматического характера, регулирующего речевое поведение человека» [Там же: 310]. Само понятие «вежливость» появилось в науке, конечно, очень давно, оно находится в научном обороте еще с античности и изучалось с позиций разных направлений. В первую очередь и с самого начала – в философии, но это рассматриваемая в соответствующих разных аспектах категория и лингвистики, и социолингвистики, и этнолингвистики, психологии и психолингвистики, межкультурной коммуникации, антропологии, культурологии и др. То, что этой категории придают такое важное значение и стараются всесторонне изучить ее, Н.И. Формановская коротко объяснила тем, что «наличие коммуникативной вежливости – необходимое условие для эффективного общения. Именно с её помощью мы демонстрируем присущую нам культуру поведения» [Формановская 2001: 67]. Это своего рода всеобъемлющая категория, характеризующая и определяющая поведение человека во всех своих его проявлениях: вербальном и невербальном, в общении с разными категориями коммуникантов, в разных ситуациях, общении устном и письменном, с помощью языка (речи) или жестов, мимики и т.д. и т.п. Иногда коммуниканты даже не осознают, что их речевое поведение, которое им кажется чуть ли не безукоризненным, на самом деле является,

так сказать, не совсем вежливым. Например, этикетная ситуация, кто бы в ней не участвовал и какую бы этническую разновидность этикета не представлял, должна строиться по принципу последовательности. Это означает, что применение одним из общающихся одной этикетной формулы предполагает обязательно реакцию на нее со стороны собеседника, ответ: на приветствие следует отвечать приветствием, на просьбу – согласием или отказом, на обращение – откликом и т.д. «Несоблюдение принципа последовательности вызывает однозначно негативную реакцию собеседника и расценивается как грубость» [Русский речевой этикет 2005: 23]. Реакция на обращение, в принципе, может быть и невербальной: например, согласие можно выразить кивком, также кивком у представителей некоторых этнических культур можно заменить вербальное приветствие. Но это явно не свойственно этикету чеченцев: если тебя спросили, приветствовали словесно, так же словесно нужно на это отреагировать.

В речевом поведении человека выделяются, конечно, и иные, кроме вежливости, категории. Все более популярным становится разделение вежливости и невежливости как, в сущности, двух полярных категорий коммуникативного поведения, о чем могут свидетельствовать даже названия некоторых отдельных работ и сборников статей, посвященных этим категориям (см., напр., [Земская 2004; Кастлер 2018; Хесед 2013]). Категория невежливости характеризуется не меньшим разнообразием форм своего проявления, среди которых наибольшее беспокойство должна вызывать, конечно, агрессия, характерная и для межличностного общения, и межэтнического, межгосударственного. Агрессия в общении приобретает такие масштабы, что она стала самостоятельной областью научных исследований, которой посвящаются сборники статей, в том числе материалы конференций, монографии, диссертации (Проблемы исчезновения национальных языков и культур., напр., [Агрессия в языке и речи 2004; Речевая агрессия в современной культуре 2005; Щербина 2006]), даже дошло до необходимости создания специального словаря агрессивной лексики [Жмуров 2011].

Особый интерес представляет исследование категории вежливости в плане межкультурной коммуникации, выявления общих и специфических вежливых

форм в двух языках, особенно таких тесно контактирующих, как чеченский и русский. Говоря словами С.Г. Тер-Минасовой, «...существенные особенности языка и тем более культуры вскрываются при сопоставлении, при сравнительном изучении языков и тем более культур» [Тер-Минасова 2008: 33]. Обращает на себя внимание то, что С.Г. Тер-Минасова в трех строчках повторяет «тем более». Видимо, таким образом она подчеркивает «особую неявность, невидимость культурного барьера на уровне одной культуры» [Там же: 33]. Подтверждением правильности такого представления являются результаты проведенного нами сопоставления, показывающего, что семантически кажущиеся идентичными этикетные формулы нередко расходятся с точки зрения культурной составляющей их семантики. Это можно объяснить тем, что языковая картина мира, характерная для носителей разных языков, содержит в себе некий сплав общечеловеческих ценностей и национальных компонентов, практически не вступающих в конфликт, когда они совмещаются в речевом поведении одного человека и редко, если «встречаются» в речи контактирующих носителей разных лингвокультур.

Взаимосвязь языка и культуры относится к числу научных проблем, которые давно интересуют ученых и исследованы достаточно глубоко и всесторонне. Данной теме посвящено много работ с привлечением фактического материала, охватывающего если не все языки и культуры, то их абсолютное большинство. Вместе с тем, разные языки и культуры в таком аспекте исследованы неравномерно. И в связи с этим надо отметить, что в таком аспекте рассмотрения объектов и предмета своего исследования мы не имели возможности опираться на фундаментальность культурологических и языковедческих проблем, связанных с культурой межличностного общения и межкультурной коммуникацией носителей чеченского языка, которые к настоящему времени являются билингвами. В поиске необходимых источников для своего исследования, особенно исследований лингвокультурологического плана на материале чеченского речевого этикета, мы установили, что наша наука сильно отстает в исследовании данных вопросов. Фактически лингвокультурологическими вопросами, особенно на материале речевого этикета, до недавнего времени практически никто не занимался, а в последние годы, после того как

отдельные ученые стали интересоваться этой проблематикой, достигнутые результаты можно оценить как скромные. Проблемы чеченского этикета в большей степени все еще интересуют не филологов и даже не исследователей, а писателей, журналистов, общественных деятелей, но прежде всего, ученых-этнографов. В этом плане следует отметить работы этнографа З.Х.-А. Берсановой, которая, не ограничиваясь этнографическим аспектом, исследует чеченский этикет и в лингвистическом плане. Прежде всего, следует отметить её кандидатскую диссертацию, в которой исследован этический кодекс чеченцев «*нохчалла*» в историческом плане (XIX в. и более ранний период) [Берсанова 1999].

Говоря о том, что проблемы чеченской этики слабо исследованы, мы, конечно, не имеем в виду, что им не уделялось внимание до недавнего времени. Дело в том, что тот небольшой список работ, которые мы можем привести, характеризуется преимущественно этико-философским подходом к проблеме (см. [Бетильмерзаева 2017; Ахмадова, Хасбулатова 2012]), или посвящались проблемам народной педагогики с освещением и вопросов этического воспитания в семье (см. [Арсалиев 1999; 1998; 2007; Мусханова 2012]), к собственно лингвокультурологическому рассмотрению вопросов этики и этического воспитания исследователи только начали приступать и здесь можно назвать лишь ограниченный круг работ, рассматривающих этническую ментальность чеченцев в лингвистическом плане (см. [Арсакаева 2018а; 2018б; Буралова, Хамутаева 2018]). С удовлетворением нужно здесь отметить то, что в определенной степени компенсирует малоисследованность речевого этикета чеченцев в лингвистическом плане то, что в качестве объекта и предмета своих исследований его избрали и ученые других регионов, рассматривающие чеченский этикет и специально, и в контексте с речевым этикетом других народов (см., напр., [Robins 1971; Павлова 2012; 2013]). На такой расширенной источниковой базе, тем более – имея возможность привлекать теоретически глубокие исследования по разным аспектам изучения русского языка в свете межкультурной коммуникации, мы имели, возможность на должном уровне исследовать коммуникемы вежливости чеченского языка, сравнение которых с русскими должно привести к

важным для чеченской и русской лингвокультурологии и выявления особенностей и тенденций (чеченском-русской) межкультурной коммуникации.

В выборе темы и определении цели и задач своего исследования мы исходили и из того, какое значение придается этому не только этнографами, но и руководством республики в лице главы ЧР, который, говоря о необходимости составления свода поведенческих норм, имел в виду, в том числе и особенно нормы речеповеденческие [Кадыров 2018]. Руководствуясь этим, мы исследовали достаточно обширный материал коммуникем чеченского языка, уделяя особое внимание тем, которые выражают категорию вежливости. Другие коммуникемы в работе подробно не рассматриваются, но они имеются в виду. Речь идет, в первую очередь, о таких разновидностях вербальных коммуникем, которые тоже входят в сферу речевой культуры народа (имеются в виду различные формулы выражения агрессии, иного негативного отношения), но не они, как известно, характеризуют речевую культуру народа. В изучении языка, культуры, речевого поведения любого этноса в первую очередь заслуживают внимания, без сомнения, позитивные проявления, а они представлены в категории вежливости. Сама эта категория довольно сложна, проявляется в языке по-разному и по-разному представлена в речевом общении, поэтому остановимся в следующем параграфе на классификации самих формул выражения вежливости, без которой, собственно, не может быть проведено само исследование.

1.4. Основные понятия культуры речевого поведения, формулы выражения вежливости

Важность общения для человека трудно переоценить. Точно так же, как он не может существовать без воздуха, для человека невозможно существование без того, чтобы делиться с другими людьми своими радостями и переживаниями, рассказывать о достижениях и неудачах, выражать свое отношение к ним. В этом общении, важнейшим средством является слово, о котором выдающийся русский советский педагог В.А. Сухомлинский писал: «Словом можно убить – и оживить – и излечить, посеять смятение и безнадежность – и одухотворить» [Сухомлинский 1990: 141], – писал В.А. Сухомлинский. О безграничных возможностях слова

чеченский поэт Мусбек Кибиев высказался так: «*Дош доцург дош дац*, «Без слова нет смысла», *Дашал доккха хIумма дац...* «Нет ничего важнее слова...» *Тухий, дашо стаг во дашо, Тухий, иза дакъазавоккху...*» «Слово делает человека золотым, также слово обезличивает человека...» (цит. по: [Берсанов 2012: 69]).

Люди общаются друг с другом не только вербально – словами и составляемыми их сочетанием высказываниями/предложениями, но невербально – жестами, мимикой, интонацией, причем эти средства в акте общения сочетаются: высказывания, употребляемые в коммуникации, сопровождаются какими-то жестами, мимикой лица и т.д. Но слова, в целом язык, понимается, значимее. Поэтому каждый народ трепетно относится к тому, как происходит межличностное речевое общение, подчеркивая весомость слова. И не случайно, что свои представления народ образно и лаконично передает в кладезе мудрости – пословицах, таких, как, например, приводимые ниже чеченские пословицы:

Гиллакх дезаш волчунна генахь дац «Вежливость близка для тех, кто ее любит»; *Даггара аьлла дош дагах летта* «Искреннее слово врежется в сердце»; *Хазчу дашо лам башийна* «Красивое слово растопило гору»; *Дош атта ма ло, ткъа дел-лехь, чекхдаккха* «Не давай слово слишком легко, если дал, сдержи»; *Дош, ойла а цхьаь хила еза, ша хIинца велла дIавер велахь а* «И слово, и мысль должны быть едины, даже если ты умрешь в тот же миг»; *ХIора дешан а шен меттиг ю* «Каждому слову свое место»; *Хазчу дашо лам дашо бина* «Красивое слово озолотило гору»; *Дош дашо юхатуху, герз герзо юхатуху* «Слово словом ударяет, а оружие-оружием»; *Дош – дош долчу стеган дош, мокхазан берд санна, чIогIа ду* «Слово человека, который его сдерживает подобен твердому кремнёвому обрыву» [Нохчийн халкъан кицанаш 2013] и т.д.

В этом контексте заслуживает внимания то, как звучит обозначение категории вежливости на чеченском языке. В двуязычном (русско-чеченском) словаре находим перевод «*гиллакхалла; кIеда-мерзалла*» [Карасаев, Мациев 1978: 54], но *гиллакхалла* реально в речи чеченцев практически не встречается, и вряд ли случайно, что у А.Г. Мациева в чеченско-русском словаре этого слова нет, а есть слово *гиллакх*, переводимое как 1) приличие, 2) обходительность, вежливость,

любезность [Мациев 1961: 114]. На самом деле семантика слова еще шире: сюда можно было включить и значение «привычка; традиция». Однако несомненно, что семантическое ядро – это все-таки «вежливость». Может, однако, показаться, что имеется в виду этичность, скажем так, словесная, умение высказаться «культурно». Но вбирает это понятие в себя все то положительное, что вообще связано со словом и поведением.

Коммуникативные ситуации, в которых употребляются соответствующие этикемы, весьма разнообразны, и в зависимости от того, какая ситуация отражена в этих формулах, их классифицируют, выделяя соответствующие типы этикем, связанных с межличностным общением. Исчерпывающую их классификацию, наверное, не сможет дать никто. Тем более что сама классификация может быть основана на различных подходах и признаках.

Так, например, некоторые исследователи в классификации считают верным делить формулы речевого общения по признаку их использования на трех разных этапах коммуникативного акта: 1) формулы, применяемые в начале общения; 2) формулы, применяемые в процессе общения; 3) формулы, используемые на завершающей стадии процесса общения [Введенская, Черкасова 2004: 59-60]. И это не значит, что самих формул так мало и они не соприкасаются, не перетекают часто одна в другую. Тем не менее, эти формулы обычно «локализованы» в обозначенных рамках. Например, начало речевого акта включает в себя в первую очередь, приветствие, формы которого разнообразны у носителей разных языков и культур, но это начало может иметь и продолжение в том случае, если коммуниканты не знакомы друг с другом. Для продолжения «зачина» общения, если у одного или обоих коммуникантов есть это намерение, необходимо знакомство, а этические нормы и тут весьма значимы. Если, например, при встрече сразу же начать её с того, что вы не знакомы, или зададите вопрос «Как Вас зовут?», или если первым представитесь, это не совсем прилично, скажем, с точки зрения носителя русской речевой культуры. Выбор нужной этикемы вежливости здесь значим и в том плане, что она не обязательно должна быть оформлена как вопрос. Для чеченца в этом случае положение облегчается тем, что есть общепринятая давно и подходящая для

всех первых встреч формула-предположение *Цхьанхьа гича санна хиета-кх суна* «Где-то встречались, кажется, мне», ожидаемый ответ – сообщение коммуниканта о том, кто он.

Начало речевого акта предполагает обязательное использование такой важной речевой формулы вежливости, как *приветствие*. Приветствию обычно предшествует *обращение*, но это не обязательный атрибут вербального речевого акта, так как, во-первых, очевидность того, кто является коммуникантом и адресатом речи, может не требовать его называния, во-вторых, сами коммуниканты могут быть незнакомы, что практически вообще исключает употребление обращения, называющего конкретное лицо, скажем, по имени. А употребление общих, фамильярных обращений-окриков типа *Хей!* «Эй!», *Хай вуоьдург!* «Эй, идущий!» – признак вульгарного, имеющего мало отношения к собственно культуре речи поведения, равно не приветствуемого ни в чеченской, ни в русской этике личностных отношений. При этом апеллятив и приветствие обычно употребляются вместе, с обычным предшествованием первого.

У каждого народа есть свои устоявшиеся формулы приветствия – самые распространенные, по которым можно определить этническую принадлежность или страну приветствующего, и обычно несколько дополнительных к каждой, выбор которых может быть связан с теми или иными обстоятельствами или ограничениями: возрастными, сословными, социальными или иными. Самым общим, собственно фамильярным выражением приветствия являются русское «Привет!» и соответствия ему в других языках. Например, англоговорящие приветствуют и друг друга, и остальных обычно возгласом *Hello!*, немцы обычно приветствуют часто своим вариантом этого общегерманского *Hello!*, для француза привычнее *Bonjour!*, итальянец предпочтет сказать *Ciao!*, турки говорят *Merhaba!*, грузины *Гамарджоба!* и т.д. Обычно говорят, что это «Привет!» на разных языках, но не надо забывать, что при этом у соответствующих народов есть свои особые, традиционные формулы, которые они предпочтут этим полуфамильярным приветствиям. Те слова, которые мы привели выше, это действительно «Привет!» на разных языках, но для русского, например, предпочтительнее «Здравствуйте!» или «Добрый день»

(или, в зависимости от времени суток, «Добрый вечер!» и др.), для немца *Guten Tag!* «Добрый день!», *Guten Abend!* «Добрый вечер!», *Guten Morgen!* «Доброе утро!», и др. Вообще, если рассматривать формулы приветствия в разных странах и у разных народов с точки зрения их семантики, тех условностей, с которыми связано их использование, их сочетание с невербальными формами приветствия (вежливости) и многими другими признаками, факторами и т.д., мы находим удивительные вещи. Например, у чеченцев общемусульманское приветствие «Ассалам алейкум!», имеющее общий корень с еврейским «Шолом алейхем!», означающее «Мир вам!», до недавнего времени было не принято использовать в общении между представительницами женского пола, ими и мужчинами, его практически не использовали в своем приветствии значительно более старших людей (мужчин) молодые, но сейчас ситуация существенно изменилась. Однако с этой формулой приветствия связана и другая особенность. У евреев «Шолом!» говорят не только при встрече, но и при прощании, что не наблюдается у других народов с этой формулой приветствия.

Или другие примеры этнонациональной окрашенности приветствий, которые могут сформироваться как красочный обряд со своими строгими правилами. Как, например, у японцев. Носители многих языков привыкли разнообразить формулы приветствия в зависимости от времени, когда они используются, но, наверное, одни японцы делают это, строго регламентируя это время буквально по часам. Если чеченец приветствует обращением *Де дика хийла!* «Пусть будет хорошим день!», это может быть, в принципе, в любое световое время суток, кроме раннего утра предсумеречного времени: в шесть и даже восемь-девять часов утра (в зависимости от времени года) все-таки вместо *де* «день» предпочтут слово *Иубьрие* «утро». Хотя нередко с добрым утром приветствуют и в одиннадцать. Однако у японцев приветствие «коннитива» (означает «Вот день», «День наступил»), сказанное до 10 утра или после 6 вечера, даже если светит солнце, вызовет недоумение. Более того, просто одними словами японцы в устном общении, при непосредственном контакте приветствовать не могут. Дело в том, что в этикете японцев целая система поклонов: одни для приветствия, другие для благодарности, третьи для прощания,

четвертые для извинения и т.д. Причем степень наклона разная. По этому признаку три разновидности поклонов: самый низкий – *сайкэрей* – предназначен для самых уважаемых людей. У японцев при этом невербальные знаки внимания и уважения к собеседнику, коммуниканту вообще даже важнее, чем вербальные, тогда как у многих других народов на первом месте все-таки вербальные знаки – речевые формулы. Никаких поклонов как таковых, например, не наблюдалось ранее и не наблюдается сейчас в этике общения у чеченцев, которые пользуются, причем крайне редко, невербальными средствами в минимальной степени, в основном – для выражения согласия или несогласия. Размахивать руками, как, например, у итальянцев считается даже неприличным.

При этом необходимо иметь в виду, что общение людей друг с другом имеет как национальную (этническую), так и социальную окрашенность. Как в этой связи отметила Н.И. Панова, «культура речи представляет собой проявление социальной жизни людей и несет на себе печать национального своеобразия народа. Социально-психологическая специфика речевого поведения определяется нормами определенной культуры и конкретной социальной ролью человека» [Панова 2008]. При этом этнонациональное нередко накладывается на социальное, определяет его, подтверждение чему мы находим в речевом поведении и, соответственно, в составе формул речевого общения у носителей разных языков. Особенно ярко это может быть показано, наверное, на примере распространенности, разной характерности ненормативной лексики в речи носителей разных языков. Языков, в которых такой лексики и содержащих её формул речевого общения не было бы совсем, наверное, нет, но в некоторых языках они ограничены и употребляются значительно реже в сравнении с другими. Примером можно считать чеченский язык с минимумом ненормативной, вообще грубой, вульгарной лексики. В чеченском языке не находим и соответствий антиэтикемам типа «Пошел к черту!», «Шел бы ты куда подалее!». Самое грубое, наверное, это *Давалахья да!* «Уйди отсюда!» (причем с глаголом в форме просительного наклонения), *Давала гучуьра!* – «Уйди с глаз долой!».

Однако в целом, повторимся, носители разных культур употребляют соотносимые по своей семантике, функциям и даже экспрессивной окрашенности коммуникемы, и в этом плане особое место занимают формулы, употребляемые в начале коммуникативного акта, особенно – формулы приветствия и того, что за этим следует.

В самом коммуникативном акте, после его «зачина» приветствием, используются уже разнообразные формулы – в зависимости от того, с чем этот акт связан, а также от цели общения, от повода и др. Здесь уже можно привести весь перечень формул вежливости, характерных для межличностного общения: поздравления, соболезнования, приглашения, благодарность, извинение, пожелание, комплимент. Так или иначе, конечно, они представлены в любом языке.

Сами системы этикет, используемых в общении, у каждого народа в разной степени специфичны. Зависит эта специфичность от разных фактов: самих межличностных отношений, возрастных или гендерных ограничений в употреблении тех или иных этикет, личных событий в жизни людей, праздничными или иными событиями, в связи с которыми употребляются коммуникемы, и от многого другого. Но они при этом имеют и много общего, особенно в условиях нашего многонационального государства, в котором довольно много общегосударственных знаменательных дат, событий, в рамках которых употребляемые, например, для поздравлений и пожеланий этикетемы почти не имеют ярко выраженной этнической или региональной окраски.

Следовательно, в речевом этикете каждого народа есть часть коммуникем специфичных и часть имеющих много общего с другими, в нашем случае – русскими, например, и именно поэтому оказывается возможной беспроблемная межкультурная коммуникация, основанная не только на взаимной терпимости, но и уважении и взаимном интересе.

Это означает, что коммуникема, этикетная формула – это обычно не какая-то одна лексическая единица, не одно слово (хотя, конечно, есть и однословные этикетемы), а единица синтаксическая. Такому представлению в целом соответствуют, как это показывает исследуемый нами материал и убеждают в этом наблюдения

над этим материалом, коммуникемы и в чеченском языке. Обратившись к конкретным примерам, обнаруживаем, что синтаксически нечленимыми можно считать не все этикемы. Многие из рассматриваемых нами речевых формул в обоих языках не соответствуют их характеристике как не воспроизводящих структурную схему предложения, иначе говоря – не являющихся предложениями. Поздравления и пожелания, например, – полноценные предикативные единицы со всеми необходимыми компонентами, никакой сложности с представлением их в структурной схеме с выделением подлежащих, сказуемых и т.д. нет. Достаточно в этом плане разобрать такие коммуникемы, как, например: *Дала аьтто бойла хьан!* «Да воздаст тебе удачей Аллах!», «Пусть Вам во всем сопутствует удача!»; *Даггара декъалво (йо) хьо!* «От всей души поздравляю!» чтобы убедиться в этом.

Коммуникемы – это в принципе все речевые формулы, ставшие стандартными для «структурирования» акта коммуникации: обращение, приветствие, пожелание, поздравление, выражение сомнения, одобрения, прощание и многие другие.

В заключение этого параграфа приведем перечень основных коммуникем – этикетных формул, которые нами рассматриваются в основном в этой работе в следующей главе. Обращения и приветствия мы уже называли и характеризовали, обратимся к остальным.

Поздравление – занимает в системе этикетных коммуникем и в языке, на материале которого построена эта работа, и в других языках свое особое место. Как правило, эта формула в первую очередь построена на лексеме «поздравлять», на базе которой и строится синтаксически нечленимая единица – этикема *поздравление*: ср. русск. *Поздравляю тебя...*, чеч. *Декъалво хьо...*, англ. *I congratulate you...*, нем. *Ich gratuliere Ihnen...*, казахск. *Құттықтаймын* и т.д. Поздравлению, конечно, практически всегда предшествует обращение, в котором «поздравитель» называет того, кому это поздравление адресовано.

За поздравлением, как правило, следует *пожелание*. Есть общие формулы, в которых поздравляемому желают долгих лет жизни, здоровья, благополучия, счастья, новых свершений и т.д. Делается это уже полноценными синтаксическими членимыми единицами. Пожелание может быть довольно объёмным, особенно

если поздравитель отличается красноречием и хорошим владением языком, на котором совершается коммуникативный акт. И чем объёмнее и детальнее высказываемое пожелание, тем оно оригинальнее и тем менее содержит каких-то общих формул и формулировок. Повод для вербального общения (обычно устного, но возможно и письменного) может быть не обязательно связан с праздником, знаменательным событием или каким-то достижением коммуниканта, вступлением в должность того, к кому обращаются и т.п. Это может быть, например, *просьба*.

Особенность этикетных формул со значением просьбы во многих языках в том, что они оформляются, как правило, с употреблением формы с соответствующим модальным значением (обычно это глагол в повелительном наклонении со смягченной императивностью). В большинстве языков это обычная форма императива, в которой для выражения просьбы используется интонация; часто для определенности с выражением просьбы или усиления этого значения используется модальное слово «пожалуйста», или используются лексемы и словосочетания, выражения «прошу», «хотел бы попросить Вас», «Я бы Вас попросил» и т.д. Такое же выражение просьбы характерно, например, и для чеченского языка, но его отличие в том, что в нем, при наличии возможностей, связанных с интонацией, есть также особая форма просительного наклонения с суффиксом *-хьа* (*алахьа* «скажи-ка», «скажи, пожалуйста», *сацахьа* «остановись-ка», «Остановись, пожалуйста» и др.) и даже настоятельно-просительного, производного от просительного и образуемого суффиксом *-ра* (*алахьара*, *сацахьара* и др.).

В ряду этикетом вежливости особняком стоит такой их вид, как *соболезнование*. В той или иной форме слова утешения и соболезнования присутствуют в культуре поведения и общения у любого народа, но у некоторых умение сформулировать соболезнование, сопроводить его какими-то действиями становится ритуальным искусством. В качестве яркой иллюстрации исключительной важности погребально-поминального обряда и всех его атрибутов, включая соболезнования и слова утешения, можно сослаться на богатый материал, который содержится в докторской диссертации Е.Б. Бесоловой [Бесолова 2006]. Соболезнование можно рассматривать как определенный коммуникативный акт, который представлен в

категории экспрессивности. В эту категорию, без сомнения, следует включать и скорбные ситуации, создающиеся в связи со смертью – естественной или гибелью (несчастный случай, убийство, боевые действия и др.), стихийным бедствием. Несчастье, горе переносятся тяжело, и в этих случаях какое-то облегчение приносят слова соболезнования. В соответствии с традициями всех народов принято выражение соболезнования родным усопших или потерпевшим в каком-то несчастье, происшествии. У чеченцев и других народов, исповедующих ислам, они, эти формулы, содержат, как правило, религиозный компонент, выражающийся в том, что само соболезнование оформляется как пожелание милости, прощения, отпущения грехов, охранения от несчастий в будущем Аллахом. Не единственное, но главное событие, которое вызывает необходимость сформулировать и выразить соболезнование, – это, конечно, смерть. В чеченском этикете соболезнование по этому поводу называется *кадам/кадамбар*, для его выражения, как правило, приходят на *тезет* – место проведения поминок во дворе усопшего или его близкого родственника. Обычные при этом формулы: *Дала гечдойла цунна!* «Да отпустит ему Бог (Аллах) грехи его!», *Дала декъалвойла (йойла)!* «Да причислит его Бог (Аллах) к благодетельствованным им!», *Дала ялсаманин хъаша войла!* «Пусть он окажется гостем рая!» (т.е. «Пусть он попадет в рай!») и др. Если умерший – ребенок, обычно такие формулы не используют, заменив их одной: *Дала ялсаманина пайдехъ войла (йойла) и!* «Да сделает его (ее) Бог (Аллах) полезной для рая!» (т.е. пусть благодаря ей откроются врата рая для её близких). Вариантов таких формул, как мы покажем в следующей главе, достаточно много: они зависят и от причины смерти, и от возраста умершего, и от степени родства, выражающего соболезнование с умершим, и т.д.

В межличностных контактах, в контактах личности с группами, коллективами людей возникают ситуации, когда требуются *извинение* или даже просьба о прощении. В какой форме и какими словами это будет сделано, зависит от каждого конкретного случая, но, как правило, в каждом языке складываются какие-то общие для этих ситуаций формулы, которые в таких случаях используются. До них и

после них могут быть какие-то другие фразы, целые тексты, но употребление подобных формул становится каким-то стандартом, клише.

Формулы *извинения*, по существу, используются в двух разных ситуациях: до наступления повода, причины, требующих извинения, и после поступка, случая, требующих извинения или просьбы о прощении. Это хорошо иллюстрируется и русским, и чеченским речевым этикетом.

Обращаясь к кому-нибудь постороннему, или к знакомому, с которым еще не вступил в контакт, но к которому необходимо обратиться с вопросом или просьбой, русский обычно говорит: «Прошу прощения...» (хотя речь идет о «простом» извинении на самом случае), «Позвольте спросить..», «Можно Вас попросить об одолжении?», «Извините, пожалуйста...» и дальше вопрос, просьба; и т.п. Чаще все при этом не используют ни обращения, ни приветствия, само такое обращение-извинение считается заменой приветствия. Хотя, конечно, начинать с приветствия означает еще более расположить к себе коммуниканта, настроить его на положительный отклик на просьбу. Ситуации, в которых требуется этот вид извинения, возникают часто и по самым разным поводам: в транспорте, когда наступил кому-то на ногу, когда просят кого-нибудь пропустить в салон или на выход, когда нечаянно задел плечом и т.д. Такие же ситуации и поводы для извинения возникают везде, и в каждом языке есть свои обычные формулы извинения. Чеченцы, например, в приведенных выше и подобных случаях чаще всего употребляют формулу «*Бех ма биллалахь...*», что буквально означает «Не вините/не накладывайте вину» и фактически эквивалентно русскому «Извините».

Другой вид извинения, когда кто-л. перед кем-л. провинился, или обидел, или даже оскорбил, причинил какой-либо вред, осознал это и просит извинения (если речь идет о незначительном случае) или даже прощения при нанесении оскорбления, причинении серьёзного морального или материального вреда. Основная формула в русском речевом этикете в таких случаях – «Прости(те)...», в чеченском – «*КъинтIера вала (яла)*». Ответные формулы, соответственно: «Я прощаю тебя», «*КъинтIера волу (йолу) со*» («Я прощаю»), часто и в таком варианте: *Со санна Дела волийла хьуна къинтIера* «Пусть тебя Бог (Аллах) простит, как я».

К важнейшим формулам вежливости и в чеченском, и вообще во всяком языке относится, безусловно, *благодарность*. В межличностном общении это выражение признательности за оказанную услугу, за подарок, помощь в чем-либо, и т.д. Важность чувства благодарности в этике человеческих взаимоотношений еще в античные времена подчеркивал Марк Туллий Цицерон, которому принадлежат слова: «Ни одним качеством я не хотел бы обладать в такой степени, как умением быть благодарным. Ибо это не только величайшая добродетель, но и мать всех других добродетелей» [Цицерон]. Если сравнить формулы благодарности в разных языках, убедимся, что смысл у них одинаковый, но вот сами эти формулы по подбору слов и их семантике разные. При этом обычно в языке одна-две основные формулы, наиболее употребительные, уместны в разных ситуациях, и достаточно много других, выбор которых зависит от многих факторов и от того, за что конкретно приносится благодарность. У русских, например, самой распространенной, общей, употребляемой в любых ситуациях формулой благодарности является «спасибо», у немцев это «danke», у итальянцев «grazie», грузины благодарят словом «мадлоба», чеченцы и многие другие народы (исламские) употребляют слово «баркал/баркалла». Однако то, что «спасибо» – основная формула благодарности у русских в наше время, еще не говорит о том, что так было всегда. Несмотря на то, что она восходит к словосочетанию, даже предложению «Спаси Бог», а для христиан это должно быть свято и наиболее предпочтительно, еще сто и более лет назад чаще, чем «спасибо», употребляли «благодарю». Это, кстати, сложное слово, состоящее из «благо» и «дарю». Это сейчас представители старой интеллигенции говорят «благодарю», а раньше в России было два варианта этой формулы – «благодарю» и «благодарствую». Первую во взаимном общении употребляли дворяне и интеллигенция и иногда пытавшиеся выглядеть дворянами мещане, а большинство мещан, крестьяне, простолюдины вообще, благодаря представителей высшего сословия и интеллигентов, говорили «благодарствую», или даже «благодарствуем» фактически от 1-го лица в единственном числе.

Практически всегда формулы благодарности в русском речевом этикете – это именно благодарность, без явного совмещения с каким-то другим значением.

Благодарственные коммуникемы чеченского языка в этом отношении существенно отличаются: они в первую очередь содержат благопожелание человеку, оказавшему услугу, пришедшему на помощь, сделавшему подарок и т.п., и вместе с тем это благодарность за содеянное. Если спросить любого человека, как перевести на русский язык *Дела реза хийла хьуна!* «Да будет тобой доволен Аллах!», почти каждый скажет, что переводится это одним словом «Спасибо!», а формулы типа *Ас даггара баркалла боху хьуна!* *Одним словом уже не перевести, здесь нужно также привести целое предложение:* «Я от чистого сердца благодарю тебя!». Таковы и другие благодарственные этикемы, кроме «баркалла». В переводе с арабского они тоже содержат пожелание, но об этом не каждый говорящий на чеченском знает. А остальные – это пожелания-благодарности: *Дала аьтто бойла!* «Пусть Аллах дарует удачу!»; *Дала кьинхетам бойла!* «Да помилует, смилостивится Аллах!». Есть формулы-благодарности, совмещающие с этим и другие значения – свое отношение к поступку другого, похвалу, например: *Суна чIогIа хазахета...!* «Я очень рад...»; *Ма чIогIа дика а, коьмарша а хилла хьо!* «Каким хорошим и щедрым ты оказался (оказалась)!»; *Дала дог хьастийла хьан!* «Пусть Аллах порадует (букв. «приласкает») твое сердце!»; *Дала диканца бекхам бойла!* «Пусть Бог (Аллах) вознаградит добром!»; *Дала шен дуьхьа дойла!* «Да сочтет Аллах это сделанным для Него»; и др.

Формулы благодарности в чеченском речевом этикете дополнены еще обращением с благодарностью к самому Всевышнему: *Хастам бу хьуна, веза-воккха Дела!* «Хвала тебе, о Всевышний Дела (Аллах)!»; *Далла хастам бу-кха, вайна хIара ниIмат деллачу!* «Хвала Дела (Аллаху), нам эту благодать дававшему!»; *Хастам бу хьуна, я АллахI, тхо кхин зен-зулам ца хуьлуйтуш кху дийне кхачийначу!* «Хвала тебе, о Аллах, храня от всех бед дававшему дожить до этого дня!». Сопоставимые с этими формулы русского речевого этикета «Слава богу!», «Слава тебе, господи!» – стандартные обороты, в которых едва усматривается религиозная составляющая.

В русском речевом этикете и в этикете многих других народов, как известно, свое особое большое место занимает *комплимент*, вообще *похвала*. Причем следует иметь в виду, что похвала и комплимент – это все-таки разные «коммуникативные

стратегии» в общении. Похвала – это объективная оценка качеств и поступков людей, здесь, в принципе, нет преувеличения, приписывания собеседнику тех качеств, которых у него нет, тех действий, поступков, которые он не совершал. Положительный, одобрительный отзыв вовсе не исключает при этом элемента лести: сам факт такой оценки, не обязательно вызванной каким-то сигналом со стороны коммуниканта о его желании это услышать, уже говорит о том, что высказывающий похвалу хочет как-то выделиться, понравиться тому, кого он хвалит. Каких-то особых формул общего употребления похвала-лесть ни в русском и чеченском, ни в этикете других народов, наверное, не имеет. Общее в том, что она содержит в себе похвалу, но похвалу, как правило, необъективную, лицемерную, не вызванную реальным соответствием коммуниканта, в адрес которого направлена лесть, тем качествам и достижениям, которые ему приписываются. Более того, лесть может быть подчеркиванием объективных качеств, заслуженной похвалой тех или иных действий, поступков, но и в этом случае льстят ради своей выгоды.

Безусловно, комплимент – похвала, похвала обдуманная, целенаправленная, цель которой, однако, не личная выгода того, кто одаривает комплиментом коммуниканта, хотя, конечно, он при этом старается обратить на себя внимание остроумием и при этом расположить объект комплимента к себе. Основное назначение комплимента, следовательно, не лесть, а желание сделать приятное другому человеку, ускорить процесс сближения с ним, расположив к себе выражением восхищения. Адресаты комплиментов – обычно, но не обязательно, женщины. Говорить при этом заученными фразами, которыми одаряют других все, подчеркивая с явным преувеличением их особую внешность или какие-то иные качества, употреблять клишированные обороты – это не комплимент. Каких-то готовых этикетных формул, используемых в комплиментах, наверное, нет, хотя есть некоторые обороты типа «Вы прекрасно выглядите!», «Вы просто неотразимы!», «Вы гений!». Но в целом комплименты индивидуальны, подбираются в каждом случае тем, кто их высказывает. И при этом нужно быть очень осторожным, тщательно подбирать слова, чтобы даже очень красиво высказанный комплимент не привел к обратному эффекту. Если мужчина, обращаясь к женщине, скажет, например, «Вы сегодня

прекрасно выглядите!», это может обидеть или даже оскорбить женщину, которая может понять это и так, что в остальные дни она выглядела неважно.

Рассмотрение комплимента в контексте сопоставления речевого этикета разных народов, в частности, русского и чеченского, представляет интерес и в том плане, что носители разных культур поведения по-разному используют эту форму речевого этикета. То, что в одной речевой культуре представляется важным, поднимающим настроение собеседника, безотказным средством для «настройки» речевого контакта с самого начала на доверительный тон и взаимную симпатию, для другой или не имеет такого значения, или же связано с определенными ограничениями. В русском речевом этикете комплимент в первую очередь считается уместным в обращении мужчины к женщине, но допускается и в отношении к мужчине. В чеченском языке в общении мужчин допустима сдержанная похвала, положительная оценка, без лести и многословия, больше не внешнего вида, а поступков, а если внешнего вида, то одежды, но не физических качеств, тем более оценки типа «красив», «привлекателен» и т.д. Комплимент также может быть адресован женщине, девушке, но говорить комплименты незнакомым девушкам, женщинам считается и неприличным, и недопустимым, если речь не идет о попытке молодого человека завязать знакомство с девушкой, неженатого человека с женщиной с известным намерением стать супругом.

Завершает коммуникативный акт, и устный, и письменный, *прощание*. «Традиционно возникающее в завершающей фазе диалога прощание является важным и четко оформленным актом коммуникации во всех культурах. Через форму и характер прощания стороны определяют перспективу дальнейшего взаимодействия ... Речевой акт «прощание» оформляет завершение социального контакта, кроме того, сохраняет дальнейшее социальное взаимодействие. Прощание является речевым действием, и пожелание при прощании, высказанное одним партнером, требует ответных реплик от другого» [Рабаданова 2015]. Прощание, как правило, часть речевого акта, невербальное прощание (жестом – кивком, помахиванием руками или каким-то другим образом) допускается, но встречается редко и, как правило, в коммуникации детей и подростков или очень близких друзей. И при

прощании является нормой употребление соответствующих, принятых в данной этнической или социальной среде, этикетных формул. При этом у народов, даже близких по языку и культуре, могут наблюдаться существенные различия в «церемонии прощания». Как отмечает автор процитированной статьи, «в лакской коммуникации не существует форм прощания, которые предполагают конкретное время для дальнейшей встречи. Каждый коммуникант выбирает ту форму прощания, которая подходит для определенной ситуации» [Там же: 2015]. Живущие смешанно с лакцами в двух районах Республики Дагестан в этом отношении близки к лакцам, но все-таки у них есть своя особенность, на которую обращает внимание Н.М. Рабаданова: «У лакцев считается невежливым прощаться одной-двумя репликами, что может сильно обидеть собеседника. После реплик прощания лакцы могут употребить различные формулы пожелания добра и удачи, которые способствуют продолжению взаимодействия в будущем: *Жу хъама мабитари!* «Не забывайте нас!», *Ялагу бухъхьяира жуцІан!* «Приходите (приезжайте) к нам еще!», *Оьвчара (занг дара)!* «Звоните!» [Рабаданова 2015: 84]. Такие «развернутые» прощания нередко встречаются и в общении чеченцев, но вряд ли можно считать, что немногословность при прощании считается у чеченцев признаком невежливости. После традиционных *Іодика йойла!* – букв. «Оставание ваше пусть будет хорошим!», «Марша Йойла!» «Живите свободно!» могут последовать, чаще всего при прощании с группой лиц или многими людьми, *Дала Іалашдойла шу!* «Да бережёт вас Аллах!», *Дала диканехъ гойтийла вай!* «Да соберет нас Аллах на торжестве/хорошем мероприятии!». Чаще всего такие «добавления» к прощанию связаны с конкретными событиями, на которых люди встретились: похороны, разбирательства по каким-либо спорным делам, посещение больного, посещение тех, кто занят на опасных работах, прощание с отправляющимися на войну, опасные задания и т.п. Как и большинство других этикетных формул, в чеченском этикете прощания преобладают формулы с упоминанием Аллаха. Формулы прощания в чеченском речевом этикете проанализированы в статье Л.М. Бахаевой [Бахаева 2019], в дополнение это сделано и нами в соответствующем параграфе следующей главы.

Для исследования в этой работе мы выделили и другие «скрипты» и обеспечивающие их этикетные формулы: поздравления, пожелания. В их число не включили, однако, *просьбу*, согласившись с автором специального исследования просьбы в современной русской коммуникации, что это не элемент речи, а речевой жанр, причем просьба, в отличие от рассматриваемых нами коммуникем – формул, единица синтаксическая и ее основное выражение связано с использованием не столько особых лексем или словосочетаний, а предикативных конструкций – предложений с глаголом в побудительной форме с обычным добавлением «пожалуйста», или выражающих семантику просьбы сочетанием глагола «прошу» в соответствующей форме с инфинитивом. У этого жанра и своя особая интонация [Можде 2015].

В число «скриптов», не имеющих устоявшихся этикетных формул, следует, видимо, отнести и приглашение – просьба, предложение прийти (приехать), присутствовать на каком-либо мероприятии, присутствовать на каком-то событии. По способу передачи приглашения делятся на письменные и устные, по назначению на: официально-деловые, праздничные (торжественные) и бытовые (повседневные). Приглашение является элементом речевой культуры, но выделить какие-то клишированные единицы, которые могут рассматриваться как этикемы, здесь вряд ли возможно. В приглашении обычно присутствует слово *кхойкху* «зову; приглашаю», но в остальном текст свободный. Особенно это характерно для устного приглашения: устно приглашают, заботясь больше об информации, сообщая повод для приглашения, место торжества, события, дату, а сама просьба откликнуться на приглашение по возможности может прозвучать и в начале, и в конце приглашения. Поэтому устное приглашение, собственно, по форме может и не быть приглашением и звучать как сообщение. Причем приглашение – это всегда целый текст, синтаксическая конструкция, каких-либо особых лексем или словосочетаний, кроме лексемы *кхойкху* «приглашаю//приглашаем», которая может быть употреблена в любом месте в тексте и даже может не использоваться, приглашения не имеют, а сами поводы для приглашений разнообразны. По этой причине, не отрицая их

принадлежность к культуре речевого поведения, в число собственно этикетом приглашения для рассмотрения в этой работе мы не включили.

Лингвокультурные скрипты, как можно заключить из содержания даже этой части нашей работы, еще не содержащей их детальное исследование, имеют, как правило, систему речевых этикетных формул, часть которых носит даже ритуальный характер (поздравление, соболезнование, например), многие представляют собой клише, стереотипные лексемы и обороты речи, воспроизводимые в определенных коммуникативных ситуациях. «Скрипты» многообразны и многочисленны, все они, наверное, даже не выявлены в каждой конкретной лингвокультуре, но основу этой системы, конечно, составляют различные этикетные формулы вежливости, широко представленные в чеченском речевом этикете, представляющие несомненный интерес в том числе в плане сопоставления с другими лингвокультурами и в аспекте межкультурной коммуникации.

Выводы к первой главе

1. Содержание этой главы, носит характер теоретико-методологического введения ко второй главе, посвященной исследованию конкретного лингвокультурологического материала – формул выражения различных «скриптов» категории вежливости в чеченской лингвокультуре.

2. Рассматривая объект и предмет исследования, обозначенные в работе, мы должны чётко различать два однокоренных слова-термина, а именно – «этика» и «этикет». Оба понятия имеют одно общее лексическое ядро, оба связаны с правилами поведения. Под этикой понимаются установленные правила поведения вообще, не обязательно связанные с межличностным общением. Это моральная категория, основу которой составляют такие слова, как «совесть», «приличие», без которой человеческая цивилизация как таковая невозможна.

3. Этикет – это речевое поведение людей по установленным правилам и в принятых в данном человеческом сообществе (этноте, социуме) формах. Лингвокультурные «скрипты», оформляемые соответствующими этикетными формулами, разнообразны и многочисленны, охватывают все стороны жизни человека и

общества. «Скрипты», по существу, все универсальны: какие-то, пусть и нередко разные, мнения о том, что плохо и хорошо, этично и неэтично, высокопарно и пошло и т.д., есть у всех этносов и социумов.

4. Этикет имеет также свою национально- или даже социально-культурную специфику. В различной степени, но обязательно речевой этикет каждого этноса связан с вековыми традициями, обычаями, особенностями быта, образа жизни, вероисповедания. Традиционные нормы и правила этикетного поведения, в том числе и особенно используемые в нем речевые формулы, относительно или даже весьма устойчивы. Многие формулы сохраняются и после серьёзных изменений в общественном устройстве страны, социальной структуре населения.

5. В речевом этикете чеченцев наблюдается параллельное влияние двух культур – русской и арабской, постепенно вытесняющей из этикета еще недавно считавшиеся обязательными или предпочтительными некоторые и этикетные формулы, и в целом нормы поведения.

ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ ЭТИКЕМЫ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Обращения в чеченской лингвокультуре

Всякий речевой контакт, даже если он не устный, а письменный, обычно начинается с обращения. Письмо, правда, начинается с приветствия, после которого сразу же следует обращение: русск. «Здравствуйте, дорогой Павел Петрович!»; «Приветствую тебя, мой дорогой друг!»; чеч. *Ассалам Галейкум, лараме Ахьмад!* «Ассалам Галейкум, уважаемый Ахмед!» и др. «Обращением называется стоящее вне предложения или входящее в его состав, но грамматически не связанное с членами предложения слово или сочетание слов, которое называет того, к кому обращена речь. Обращение может быть нераспространенным и распространенным» [Русская грамматика 1982: 120]. Сам термин «обращение» чаще всего употребляют как термин собственно лингвистический, но в его определениях, без подчеркивания лингвокультурологического содержания, речь идет о той единице, которая является объектом внимания и лингвокультурологии. «Обращение *англ.* allocution, address, *фр.* allocution, *нем.* Anrede. Употребление существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных или эквивалентных словосочетаний для называния лиц или предметов, к которым обращена речь; синтаксически обращения обычно оформляются сверхсегментными (просодическими) средствами» [Ахманова 1969: 276]. В чеченской терминологии *тIедерзар* «обращение» так же определяется как слово или словосочетание, называющее лицо или предмет, к которому обращена речь [Халидов 2012]. Как выразительное средство языка его рассматривают, как правило, с добавлением определения «риторическое»: «Риторическое обращение, или Апостроф (греч. apostrophe – личное обращение) – стилистический прием (в иной интерпретации – грамматический троп), отличающийся от обычного обращения (называющего лицо, к которому в непосредственном общении адресована речь) тем, что форма обращения используется в ней не столько для называния адресата (второго лица), сколько для привлечения внимания к этому адресату со стороны других лиц (читателей, слушателей) и его оценочной

характеристики» [Энциклопедический словарь-справочник 2011]. Имеются в виду примеры типа русск. *О старый мир! Пока ты не погиб, Пока томишься мукой сладкой, Остановись, премудрый, как Эдип, Пред Сфинксом с древнею загадкой!* (А. Блок); *Пока свободою горим, Пока сердца для чести живы, Мой друг, отчизне посвятим Души прекрасные порывы!* (А.С. Пушкин). То, что обращение как единица речи является элементом речевого этикета, вряд ли подлежит сомнению, поэтому широко распространена его характеристика, формулируемая, например, так: «Обращение как лингвистическое явление относится к элементам речевого этикета, которые предназначены для маркирования определенных социальных отношений, устанавливающихся в рамках коммуникативного акта» [Ризоева 2020: 9].

В том же значении, как слово «обращение», в науке встречаются и другие термины: «вокатив», «апеллятив». Вокатив в лингвотерминологических словарях определяется так: «Вокатив (звательный падеж, именительный возвания) англ. vocative, фр. vocative, нем. Vocativ, исп. vocative. Формально не включенное в состав предложения слово или словосочетание, называющее того, к кому обращается говорящий, т.е. употребляющееся с целью привлечь внимание того лица, к которому обращается говорящий» [Ахманова 1969: 83]. То, что термин употребляется как название падежа («звательный падеж»), нисколько не мешает употреблению термина для обозначения элемента речевой этики: этот элемент и в чеченском, и в других языках, всегда имеет форму именительного падежа, который в соответствующей функции и с определенной интонацией выражает рассматриваемую семантику. Мы в этой работе считаем возможным употреблять, наряду с «обращением», и термин «вокатив».

В лингвокультурологическом отношении для этой этикемы можно было бы употреблять, наверное, и термин «апеллятив», встречающийся у некоторых авторов, но проблема с его использованием состоит в том, что апеллятив в словарях обычно определяется иначе. У О.С. Ахмановой, например, апеллятив – «то же, что существительное нарицательное» [Ахманова 1969: 52]. Слово, несомненно, словообразовательно связано с *апелляцией*, и то, что в научном обороте апеллятив понимается как «имя существительное нарицательное», трудно поддается логическому

объяснению. *Апелляция* у С.И. Ожегова, например, определяется как «1. Обжалование решения суда в более высокую судебную инстанцию с целью пересмотра дела. 2. Обращение с просьбой, с призывом о чем-н.» [Ожегов 1982: 28]. Значение «обращаться» имеет и глагол *апеллировать*. В значении «обращение» термин *апеллятив* встречаем у Н.Д. Арутюновой: «... апеллятивы создают промежуточную между идентифицирующей и предикатной номинацией зону семантики, сочетающей черты этих двух принципиально разных типов имен. Они осуществляют переход от идентифицирующей, объективной семантики к семантике субъективного типа, соответствующей номинациям, употребленным в позиции предиката» [12, с. 344].

Культурологическое понимание понятия «обращение» находим, в специальной справочной культурологической литературе. Например, словарная статья «Обращение, привлечение внимания» более чем на двух страницах дает нам все основные сведения, в первую очередь, определяя обращение как «наименование этикетной ситуации вступления в речевой контакт» [Арутюнова 1976: 344].

Обращения характерны в первую очередь для диалогической речи и уже поэтому представляют несомненный интерес для лингвокультурологии, для исследований в области речевого этикета, речевого поведения людей. Обычно они обращены к какому-либо лицу, реже – к другим одушевленным существам или даже неодушевленным предметам. Обычно это существительные, не распространенные эпитетами или какими-то другими элементами с дополнительными значениями, по лексико-грамматической принадлежности имена собственные (имя, имя и отчество, имя, отчество и фамилия вместе) или нарицательные. Чаще всего это реальный собеседник, но собеседник может быть и воображаемым (в этом случае обращение не обязательно является частью реального диалога).

Широко употребляются обращения в языке художественной литературы и в авторской речи, и в диалогах героев и персонажей, обращены они могут быть как к какому-то лицу, так и к неодушевленному предмету и даже отвлеченному понятию, как, например, у М. Алигер: *Молодость, не время ль нам прощаться? Я устала маяться с тобой* (М. Алигер, Твоя победа). Ни в разговорной речи, ни в произведениях художественной литературы нет каких-то особых различий в выборе и

употреблении обращений. Хотя, конечно, некоторые особенности наблюдаются. В чеченской речи редко встречаются, например, обращения, состоящие из имени и отчества: обычно такие обращения употребляются в адрес руководителя в служебной и официальной обстановке, в обычных межличностных контактах даже к старшему этическая норма допускает обращение только по имени.

Обращения довольно широко используются также в ораторской речи, они характерны для лозунгов, воззваний, призывов, объявлений. Такие обращения были особенно характерны для советской эпохи, когда на специальных щитах, фасадах зданий, первых полосах газет размещались воззвания и призывы к сплочению, выполнению плановых заданий досрочно, к сплочению вокруг коммунистической партии, соблюдению тех или иных правил и т.д. Стержневыми словами-обращениями в них были (как правило, но не всегда, во множественном числе) слова «товарищи», «трудящиеся», «труженики полей», «сталевары», «защитники Отечества» и т.д. Однако все эти лозунги, воззвания, призывы и др. оформлялись в первую очередь, преимущественно на русском языке, на чеченском языке встречались крайне редко, расширяться их использование с оформлением на чеченском языке стали буквально десятилетие или чуть более назад.

В качестве обращений используются преимущественно имена существительные, которые могут использоваться в соответствующей функции и самостоятельно, без сочетания с другими словами, и в сочетании с определяющими словами – прилагательными, адъективными местоимениями, обычно притяжательными *Сан доттагла!* «Мой друг!», *Сан хьомениш!* «Мои дорогие!». В первую очередь обращения адресованы людям, нередко они употребляются и в адрес представителей животного мира, в переносном смысле, как бы олицетворяя предметы или даже отвлеченные понятия, обращения употребляют и с адресацией их к ним. Но в классификации обращений (вокативов) и в их характеристике существенно выделение вокативов, обращенных к живым существам. В науке такие обращения подразделяются на несколько типов в зависимости от их социальных и ролевых признаков:

1. Социально-ориентирующие обращения, называемые также ролевыми. Это, в первую очередь, имена собственные (имя; имя и отчество): *Мохьмад! Турко!*

Зайнан! ПетІамат! и др. В этом качестве используются, но реже, фамилии: фамилии встречаются обычно при проведении переключки, выделении кого-либо из группы, толпы и др., так как такое обращение позволяет точно идентифицировать объект обращения.

2. Близки к ролевым обращениям с доминирующим именем собственным – так называемые гоноративные обращения, каковыми являются вежливые формы вокатива. Отличаются они тем, что не только называют, выделяют члена общества, группы, коллектива, но содержат в себе выражение уважения, почтения, оценку положения объекта обращения в обществе. Они употребляются не во всех языках. В русском и многих других языках, например, они являются широко распространенными: *господин Петров; Госпожа Петрова; уважаемый; уважаемый Петр Леонидович!* нем. *Herr Pastor, Herr Wachtmeister, Frau Lebermann, sehr geehrter* «уважаемый», *Kollege Hamel*, груз. *батано! Батано Важа! Калбатони Русудан!* др. В чеченском речевом этикете «гоноративных» обращений, сопоставимых с речевыми формами анимированным русским «господин», немецким «*herr* (герр)», английскими «*mister*» или «*сэр*», франц. «*синьор*», груз. «*батано*», нет и, видимо, никогда не было. Хотя некоторые авторы, как, например, И.В. Сайдаев, считают, что «у чеченцев всё же были князья и правители феодального типа» [Сайдаев 2021: 75]. Но все же преобладающим является мнение, что у чеченцев не было сословного деления, не было князей, господ вообще. И слова, соответствующего понятию «господин», у чеченцев тоже нет. Оно может употребляться в исторической прозе в коммуникативном акте, в котором принимают участие русские, в том числе в обращении русского к занимающему видное положение чеченцу или чеченца к русскому: – *Господин Таймиев, – шен къамел дІадолийра инарлас.* «Господин Таймиев, – начал свою речь генерал» [Байсагуров 2014]; *Господаш! Цкъачунна хІара гІуллакхаи дицаре дар сацудо вай.* «Господа! Пока прекращаем обсуждение этих дел» [там же]. Остальные разновидности гоноративных обращений встречаются и в чеченской речи: *Хьоме накъостий!* «Дорогие (уважаемые) товарищи!»; *Хьомсара юьртахой!* «Уважаемые односельчане!» и др. В наше время в русском речевом общении такие формулы, как *Ваше сиятельство! Ваше превосходительство! Ваше благородие! Ваша*

светлость! не употребляются, но в дореволюционной России они были для него характерны и употреблялись широко. В чеченском языке их не было никогда: отсутствие сословного деления исключало существование подобных обращений друг к другу у самих чеченцев, а русским языком в то время владели очень немногие. С появлением письменности и художественной литературы в исторической романистике на чеченском языке, в переводах с русского такие обращения стали появляться, однако обычно с использованием местоимения *хьо* «ты» в родительном падеже в форме единственного числа: *Хьан Локхалла Александр Петрович, шуна махаъара, сан карахь ю вай къарийнчу Кавказехь уггар карзахе къам шена чохь деха Терски областера Юккъера тIеман* отдел «**Ваше Высочество** Александр Петрович, как вам известно, в нашей власти находится Средний военный отдел Тверской области с одним из самых яростных народов» [Айдамиров]; *Тлакха, Хьан Локхалла, гIуллакхаица ларовой хьо?* «**Ваше Высочество**, справляетесь с делами?» [Айдамиров 2006: 18]. Но ни это, ни иные обращения такого типа (*Хьан вазалла!* «Ваше величество!», *Хьан сийлалла!* «Ваше сиятельство!» и др.) не стали принадлежностью чеченского этикета, не вышли за пределы исторической прозы и переводной литературы. Причем, судя по имеющимся текстам исторической прозы, такие обращения были приняты и раньше только в общении с представителями российской военно-политической администрации разных чинов. Хотя подобное обращение может встретиться в ироничном употреблении, как, например, у Яраги Цуева в рассказе «*Къызалло байина кIур*» – «Жестокостью погашенный очаг», в котором обращение *хьан вазалор*, соответствующее русскому «Ваше величество», употреблено в отношении ничем не примечательного человека, вызывающего антипатию: – *Хьан вазалор, бакъ ма дац иза!* «Ваше величество, это ложь (клевета)!» [Цуев 1990: 7]. У чеченцев никогда не было принято обращаться к одному лицу, употребляя местоимение множественного числа или глагол во множественном числе. Человек, к которому обращаются, может занимать какое угодно высокое положение или быть пожилым и очень старым, но в его адрес не будет использоваться местоимение *шу* «вы», только местоимение *хьо*. Например: *Де дика дойла хьан!* «Добрый день! Доброго дня тебе!» *Салам-маршалла ду хьовга!* «Приветствую

тебя! Передаю приветствие тебе!». Если в обращении использовано местоимение *шу* в любой форме, это значит, что объектов обращения два и больше. *Де дика дойла шун!* «Доброго дня вам» *Сан доккха дехар ду шуьга* «У меня к вам огромная просьба». В такой форме должно быть обращение и в том случае, если фактически оно имеет в виду только одно лицо из группы, в которой знаком только один. Подходя к группе людей или проходя мимо, принято здороваться, отступление от этой нормы допускается в условиях шумного многолюдного города, где приветствовать необходимо знакомых. Но совершенно недопустимым, считается крайне неприличным здороваться с кем-то одним из группы. Даже в том случае, если из этой группы знаком только один человек, приветствовать нужно всех, употребляя в этом случае местоимение *шу* «вы» в соответствующем (родительном или местном – первом направительном) падеже: *Де дика дойла шун!* «Доброго дня вам» *Салам-маршалла ду шуьга!* «Приветствую всех вас» Другой вариант – местоимение не употреблять вообще: *Де дика дойла!* «Добрый день» *Ассалам Иалайкум* «Мир вам» или «Мир с вами»!

3. В качестве обращений используются также прозвища. У чеченцев, впрочем, прозвища употребительны в значительно меньшей степени, чем, например, в русском языке, роль и место которых характеризует то, что прозвища оказались для русского языка основой для фамилий: *Верешака* (прозвище от глагола *верещать*, ставшее фамилией), *Воробьев*, *Жуков*, *Жукан*, *Зверев*, *Муравьев*, *Мышкин*, *Кожевников* (от прозвища *Кожевник*), *Колобков* (от *Колобок*), *Коробка*, *Мушкатов* (от прозвища *Мушкат/Мускат*), *Огурцов*, *Ретин*, *Синицын*, *Синица*, *Соловьев*, *Шишкин* и др. У чеченцев прозвища, как отмечено, также употребительны, хотя не так широко, как в русском языке. В прозвищах у чеченцев подчеркиваются какие-то качества человека, они, как правило, не содержат резко отрицательных характеристик, многие относительно безобидны и нередко заменяют в общении имена, на которые «обзываемый» нередко откликается без особых признаков недовольства, обиды. Это, например, такие прозвища: *Аьшкал* «Совок», *Букъарш* «Отстой, Осадок», (обычно мужск. прозвища), *Цициг* («кошка», женск.), *БунпIаз* («Карапуз» – обычно о толстом и малорослом человеке мужского пола), *Хухар* («перезрелый огурец,

обычно большой» – о полном, толстом человеке, как правило, ребенке или подростке), *Бугла* («бык»), *Чами* («ковшик; черпак»), *Сиеттабика* (о жеманящейся девочке, девушке, женщине), *Учитал* («учитель», женск. и муж.). В последние десятилетия у чеченцев чаще стали употреблять в качестве прозвищ русские лексемы: *Кардан* (от «карданный вал»); *Жук*; *Бес*; *Дутыш*; *Тормоз*; *Кит*; *Губатый*; *Пельмень*; *Жирняга*; *Философ*; *Доцент* и др. Прозвища, подобные приведенным, особенно с негативной характеристикой и нечеченского происхождения, дают обычно лицам мужского пола, представительницам женского пола такие прозвища давать не принято, хотя единичные случаи встречаются. Женские прозвища в чеченском речевом этикете связаны, как правило, с тем, например, что супруг не может называть по имени свою супругу и заменяет имя на другие слова: *Хара* «эта», *Зуда* «женщина/жена», *Чуьраниг* – букв. «внутри которая», т.е. находящаяся в доме хозяйка и др.

4. В качестве обращений широко используются термины родства и внутрисемейных отношений. Это такие слова, как *дада* «отец», *нана* «мать», *воккха дада* «дедушка», *ваша* «брат» (употребляют также в обращении к дяде или даже вообще к старшему), *йиша* «сестра» (употребляют и в обращении к девушке, женщине, с которыми не состоят в родстве). В последние десятилетия вместо чеченских слов *дада* «отец» и *нана* «мать» употребляют русские *papa* и *мама*. Слово *дада* сохранилось в употреблении для обращения к дедушке. Обычно речь идет о дедушке по отцу, с которым дети в традиционной чеченской семье общаются больше, поскольку их родители живут или с родителями отца, или самостоятельно, но поддерживая более тесные связи с ними, а не с родителями матери.

5. Еще одна разновидность обращений – титулы, ранги, которые имеются у коммуникантов. У чеченцев собственных таких форм обращений не было, но в соответствующих речевых ситуациях они, конечно, могли пользоваться теми, которые употребляли русские. А для русского речевого этикета в дореволюционной России в большей степени, чем сейчас, были характерны специализированные формулы обращения, состоявшие из названий титулов, рангов, реально имеющих сейчас. Обращаясь к человеку, имеющему звание профессора, обычно говорят: *Профессор*

Маслов, у меня к Вам вопрос... Военское звание, относящееся к этому типу обращений, как правило, включается в обращение: *Лейтенант Петров, выполняйте приказ! Матрос Громов, выйдите из строя!* Такие обращения могут встретиться и в чеченской речи, но особого распространения они не получили. Самым употребляемым в недавнем прошлом было обращение «товарищ» (чеченцы, говоря на чеченском, употребляли его перевод «*накъост*»), которое постепенно выходит из употребления. А собственно титулов как таковых в наше время нет ни у русских, ни у чеченцев, ни у каких-либо других народов в стране, поэтому обращений типа «Князь Орлов», *Эла Солтмурд* «князь Солтмурад» в употреблении нет.

При этом нельзя не учитывать того факта, что в русском языке в последнее время прослеживается тенденция к возвращению в речевой этикет устаревших, почти забытых этикетом. Это тенденция, которую М.А. Кронгауз охарактеризовал так: «В России именно обращения оказались в центре двух социально-лингвистических переворотов – «революционного» и «перестроечного» [Кронгауз 2007: 108]. Одним из явлений, порожденных этой «революцией» и «перестройкой», суть которых, в том числе, в попытке вернуть нас всех в прошлое, ушедшее вместе с отречением царя в 1917 году, все более настойчивым навязыванием не только таких обращений, как «господин», «любезный», но и «сударь», «сударыня». Приводимые Т.А. Вороновой в статье примеры попыток внедрить «господин», «госпожа», «сударь», «сударыня» в различных заведениях Петербурга, когда, например, в одном из ресторанов быстрого питания обязали продавцов-кассиров обращаться к покупателю словами «сударь» или «сударыня» [Воронова 2014: 37-38], далеко не единичны, но реакция на такие попытки разная. В основном – негативная, особенно со стороны интеллигенции, все еще противящейся ведущим к огрублению, варваризации, денормализации русского языка «новведениям» и реанимации утраченных форм. Подобные описанному петербургскому «эксперименты», как пишет А.Т. Воронова, «носят довольно искусственный, а иногда и откровенно комический характер» [Там же: 38].

7. Называемые «общими формулами обращения» вокативы типа *Нах!* «Люди!», *Жима стаг!* «Юноша!», *Зуда!* «Женщина!», *Йо!* «Девушка!», *Жима*

стаг! «Молодой человек!», *КІентий!* «Ребята!», *Накъостий!* «Друзья! / Товарищи!», *Кегий нах!* «Молодые люди!», *Жима къонаха!* «Молодой человек!»; *Бераш!* «Дети!»; *Зударий!* «Женщины!», видимо, общие для разных речевых культур, в частности, чеченской и русской. Молодые люди, чтобы привлечь внимание девушки, добиться её расположения к себе, могут обратиться, оформив свое обращение субстантивированным самостоятельным прилагательным, которое содержит в себе признак комплимента: *Хазаниг!* «Красивая! / Прекрасная!».

8. Особо, наверное, следует выделить вокативы, употребляемые для обращения к Богу, к святым. Они особенно характерны для чеченского языка, хотя выделяются, конечно, у любого народа, исповедующего какую-либо религию. В этом плане представляет интерес, кстати, то, как подобные и вообще обращения оформлялись в русском языке. В историческом прошлом (древнерусский период) обращения имели свою особую форму – звательный падеж: «В молитвах, написанных на церковно-славянском языке, при обращении к Богу и святым используется «звательный падеж», которого уже нет в русском языке. Например: Господи, Боже, Иисусе Христе, а не: Господь, Бог, Иисус Христос. Православные молитвы пишутся также и на русском языке, но в них обычно сохраняется звательный падеж» [Кандалинцев]. В русской речи и сейчас употребляются вокативы типа «Господи!», «Боже...», «Господи Боже!». И это не обязательно связано с тем, что говорящий – глубоко верующий человек, взывающий к Богу. В чеченской речи подобные обращения встречаются довольно часто, обычно сопровождаются междометиями: *Ва Дела!* «О Бог/Всевышний!»; *Ва устазааш!* «О устазы!». Например: – *Ва-а Дела, ва-а Дела!* – чухула *дІасахъаьдира Зараъ*. «О, Всевышний, о, Всевышний! – начала бегать Зара» [Ахмадов М.]; «*АллахІ-Дела, гечдехъа кхунна! Йа АллахІ-Дела, гечдехъа тхуна! Ма беза бу-кха хъан къинхъетам... Цхъанна а ца хаъа-кх, шена хІун тІекхочур ду. Гечдехъа, гечдехъа...*». *Юха а ахІии-ахІии... Дуккха Іийра иза иштта*. «Аллах, прости нас! Аллах, прости нас! Как велика твоя милость... Никто не знает, что его настигнет. Прости, прости... Снова и снова ... Она долго так пробыла» [Нохчийн дийцарш 2010: 127].

Обращение, как правило, предполагает, что оно сопровождается приветствием, которое может предшествовать ему или следовать за ним, а значит, на него (точнее, на приветствие) обычно следует ответ того (тех), к кому обращаются. Например, в таких контекстах: – *Махкахой!* – *къамел дIадолийра хъешо.* – *Уггар хъалха, массаьрга салам-маршалла ду шуьга.* – *Марша вогIийла хьо а!* – *схъахезира маьI-маьIера* «– Соотечественники! – начал свою речь гость. – Прежде всего, приветствуют вас! – «Приходи и ты свободным! – слышалось с разных мест» [Байсагуров 2014: 41].

Исследованный нами материал показывает, что самой распространённой группой слов-вокативов являются имена собственные: только имя, имя и отчество, реже – фамилия или полностью имя, отчество и фамилия. Причем в чеченском языке наиболее характерный вкатив – одно имя, имя с фамилией или имя-отчество характеризуют речь русских и вообще тех, кто общается на русском языке. Выбор имен существительных для употребления в качестве обращений в чеченском языке обычно зависит от возрастных и гендерных характеристик коммуникантов. Старший по возрасту при обращении к младшему может ограничиться, например, лексемами, просто называющими возрастную категорию того, к кому обращается: *КIант!* – обращение и к подростку, и к юноше и молодому человеку, человеку значительно моложе себя; *ЙоI!* – обращение к девочке-подростку, девушке, молодой женщине (обычно тогда, когда говорящему трудно определить, замужняя женщина это или девушка); *КIентий!* – обращение к группе или большому скоплению молодых людей; *Мехкарий!* – обращение к группе девушек. В общении разнополых коммуникантов тоже нужно быть избирательными в выборе слова в качестве вкатива. Так, например, слово «стаг» – «мужчина» уместно при обращении супруги к супругу, его не принято употреблять, когда женщина обращается к другому мужчине, и оно не встречается в обращении мужчины к мужчине. В русской лингвокультуре, как известно, обращение «Мужчина!» практически не ограничено в гендерном отношении, его могут употреблять женщины в обращении к любому мужчине, а ограничение здесь в том, что так обычно не обращаются к собственному супругу. Отмеченное различие между чеченской и русской лингвокультурами связано с тем,

что у чеченцев не принято ни обращаться по имени к мужу (во всяком случае, при людях) или даже называть его имя в присутствии людей, поэтому жена употребляет «стаг» в обращении к мужу.

Слово *зуда* «женщина; жена» чеченцами употребляется с меньшими ограничениями. Обычно это обращение мужа к жене (*Зуда! Сан кучана иту хьаькхний ахь?* «Женщина/жена! Ты мою рубашку погладила?»); *Зуда! Хезаш юй хьо?* «Женщина/жена! Ты слышишь?»). Но так же мужчина может обратиться и к другой женщине, обычно к той, чей возраст явно не девичий: *Зуда! Коьртачу маьждиге муха кхачалур ву со?* «Женщина! Как я смогу добраться до главной мечети?»).

И в чеченской и русской лингвистической литературе одна из сложных и нерешенных проблем – это определение грамматической (синтаксической) природы обращений. В русском синтаксисе относительно обращений существуют две противоположные точки зрения. В академической русской науке, прекратившей выпуск фундаментальных грамматик в 1982 году, отражено мнение, что «предложение может быть распространено обращением» [Русская грамматика 1982: 163], а само «обращение – это распространяющий член предложения – имя в форме им.п., возможно – с зависящими от него словоформами, называющий того, к кому адресована речь» [Русская грамматика 1982]. Составители РГ-82 категорически против мнения о том, что обращение не связано с остальным составом предложения: «Обращение не является таким распространителем, который никак не связан с остальным составом предложения. Такая связь существует. Она выражается, во-первых, в том, что любое предложение, сообщающее о действии или состоянии определенного субъекта и имеющее в качестве сказуемого глагол в форме 2 л., с абсолютной регулярностью может распространяться обращением, называющим субъект, который либо обозначен в подлежащем местоимением, либо не обозначен совсем... Во-вторых, всегда, в любом предложении, обращение образует синтагму или группу синтагм, либо входит в синтагму вместе с другими словами в предложении» [Русская грамматика 1982: 163-164].

Другая точка зрения, которую можно считать господствующей в русском языкознании, особенно в учебных грамматиках, несмотря на то, что она явно

противоречит представлению об обращениях в последней академической грамматике, фактически выводит обращение за пределы предложения, хотя и считает, что «обращение распространяет предложение», так как тут же уточняет, что оно «не является его членом». Каким образом обращение, или какой-либо другой элемент может распространять предложение, не становясь его членом, ни Н.С. Валгина, ни многие другие авторы, придерживающиеся такой точки зрения, не объясняют. Такая точка зрения в русском синтаксисе появилась не сейчас, её определенно высказывал более века назад еще А.М. Пешковский, который писал, что обращение не может само образовывать предложение, так как «для этого оно оказывается недостаточно самостоятельным», относясь к «словам и словосочетаниям, не образующим ни предложения, ни их частей» [Пешковский 1956: 408].

Эта точка зрения, отказывающая обращению в статусе члена предложения, является господствующей и в чеченском синтаксисе. Авторы учебника для педагогических училищ отмечают в связи с этим, что «в предложении могут быть слова, не имеющие связи ни с этим предложением, ни с его членами, относящиеся ко всему предложению в целом. Обращения, вводные слова, слова *xIaʔ*, *xIaŋ-xIa*, междометия называют словами, не имеющими грамматической связи с предложением и его членами» [Джамалханов, Мачигов 1985: 52].

Оригинальная авторская точка зрения на обращения изложена в лингвотерминологическом словаре чеченского языка А.И. Халидовым, который считает, что следует разграничивать обращения и звательные односоставные предложения: «Хотя у них совпадают формы, обращения и звательные именные односоставные предложения нельзя считать однотипными. Обращение – слово или словосочетание, называющие лицо или предмет, к которому обращена речь, никакого другого значения оно не имеет, потому и не считается ни предложением, ни членом предложения. Поэтому обращение и может быть включено в предложение в любой позиции – в начале, в середине, в конце. Звательные односоставные именные предложения не входят ни в какое иное предложение, хотя смысловая связь с последующим предложением или, редко, предыдущим у них есть, они не могут считаться и членом какого-либо предложения, поскольку сами являются предложениями,

состоящими из одного главного члена. Звательные именные односоставные предложения могут быть нераспространенными и распространенными, и поскольку главный член в них существительное, оно может распространяться определениями. Например: *Даймохк!.. «Родина!..»*; *Сан даг чурьа цкъа а дIа ца баьлла болу Даймохк!.. «Из моего сердца никогда не исчезавшая Родина!..»* [Халидов 2012: 180-181].

Наверное, эта точка зрения все-таки не бесспорна и здесь может быть высказано и иное мнение. Если имеются в виду только такие предложения, как приведенные два, то их можно рассматривать и как именительный представления и темы, к ним не совсем подходит название звательные односоставные предложения. И, надо полагать, традиционная точка зрения на обращения на сегодняшний день наиболее приемлемая, так как действительно не видно никаких признаков формальной связи обращений с каким-либо членом предложения, в которое они включены, и у них к тому же действительно нет грамматической связи ни с одним из членов предложения, в котором они могут быть в начале, внутри или в конце.

К тому же следует учесть, что обращения могут быть и в предложении, и вне предложения. Если обращение стоит вне предложения, оно может быть употреблено только для того, чтобы привлечь внимание того, к кому обращаются, или вызвать его откуда-либо или с какого-либо места, с какой-то иной целью. Употребляемое вне предложения, самостоятельное обращение имеет свою особую звательную интонацию. Самостоятельное, вне предложения употребление характерно для обращений практически во всех языках. При этом в некоторых языках обращение особо выделяется интонационно или акцентуализацией. В чеченском языке, например, во внепредложенческих обращениях звательная интонация обычно усиливается существенным или максимальным усилением долготы в последнем или предпоследнем слоге: *Марха-а-а! Джамбуола-а-ат! Бера-а-аи!* При этом в рамках приличия оклик с использованием слова «эй» связан с определенными ограничениями.

Для речевых культур многих, во всяком случае, народов, в частности, русской и чеченской, характерно то, что обращения-окрики тип *Эй!* (чеч. *ХIей!*) считаются не соответствующими этической норме. Сами они могут быть употреблены в

том случае, если объект/объекты обращения (окрика) находится/находятся не поблизости, не *vizavi*, допустимы в этих случаях, особенно когда расстояние слишком велико, но в общении с непосредственно контактирующим лицом к такому окрику не прибегают. Его употребление в адрес любого человека и в русской, и в чеченской речевой культуре считается проявлением невоспитанности, бескультурья. Интеллигентность, воспитанность проявляются в том, чтобы подобное обращение не использовать даже в тех случаях, когда окликаемый значительно младше. Тем более недопустимо, например, в русском этикете употребление при таком окрике еще и местоимения «ты»: *Эй, ты!* В чеченской речи таких особо строгих ограничений, насколько известно, нет, лексема «*xIей!*» в общении нередко вполне уместна, но, опять-таки, при этом обычно речь идет о коммуникантах близко знакомых и находящихся в дружеских, приятельских или родственных отношениях. Имеются в виду такие употребления, как в следующем примере из прозы М. Бексултанова: — *XIей! Со xIунда веънера хабий хьуна? Вайн луларчу СепихьатгIаьрга цхьа йоI ма еъна, жима а йолуш...* «Эй! Ты знаешь, зачем я пришел? К нашей соседке Сепихат приехала одна маленькая девочка...» [Бексултанов 2005: 32].

Рассматривая обращения как «лингвокультурологический скрипт» в культурах речевого поведения, следует уделить внимание и проблеме перевода обращений с одного языка на другой, с которой в первую очередь сталкиваются переводчики художественной литературы с русского языка на чеченский и наоборот и писатели, в произведениях которых героями и персонажами являются представители разных этнических культур и языков. Во многих случаях переводы оказываются возможными и особых трудностей не возникает. Но нередко писателю, переводчику приходится подбирать семантически соответствующие лексемы во втором языке, и часто, когда это не удается, просто оставлять слово без перевода. В произведениях соответствующего жанра исторической прозы встречается много названий титулов, званий, в том числе старых воинских, должностей и др., которых в нашей современной действительности нет, и когда переводчик работает с текстом, а писатель пишет на нерусском языке свое историческое произведение, он все время сталкивается с тем, что они не переводимы, например, на чеченский язык. В

тех случаях, когда в чеченском языке находятся семантические соответствия соответствующим лексемам, переводчик и писатель используют их. Таких случаев переведенных названий титулов, званий, обращений с особым почтением к титулованным особам много находим, например, у Абузара Айдамирова:

– *Цуьнан Императорски Воккхаллина хьалха доккхачу сийлалле кхавьчна хьо, Хьан Локхалла* «Перед Его Императорским Высочеством большого почета достигли вы, **Ваше Высочество**» [Айдамиров 2006; 18];

– *Цул сов, Хьан Императорски Локхалла, уьш дIакхелхича тIавьхьа нах гIоьрту болу масех стаг ахча а делла Турци кхалхо а, нохчашлахь ша эцначу агенташина дала итт эзар сом детин аха доьху соьга Юккьерчу отделан начальника эла Тумановс* «Кроме того, **Ваше Императорское Величество**, для отправки в Турцию, и для подкупленных агентов из чеченцев начальник Центрального отдела Туманов просит у меня десять тысяч рублей серебром» [Там же; с. 205].

Однако далеко не все слова, употребляемые в качестве обращений к титулованным особам, или названия чинов, рангов, воинских званий особенно, переводимы на чеченский язык, и в этих случаях писатель приводит их без перевода и каких-либо попыток транслитерации или иного «освоения»: *Хьомсара Государь, Александр Петрович!* «**Уважаемый Государь**, Александр Петрович!» [Айдамиров 2006: 518]; – *Господин комиссар, со Iовдал ву моьтту хьуна, сайггара гIуллакх дан?* «**Господин комиссар**, вы считаете меня настолько глупым, чтобы действовать от себя?»; – *Боккьал а, господин капитан, ма боккха болх бу-кх оцу мискачу нохчашкахь хьан болу цабиезам...* «*И правда, господин капитан, удивительное дело эта ваша ненависть к бедным чеченцам...*» [Айдамиров 1989: 60].

В чеченском языке нет эквивалентов и некоторым другим традиционным для русского речевого этикета лексемам, характерных для обращений – одиночных и в сочетании с другими словами, например, фамилиями, как *гражданин, товарищ*, еще недавно характеризовавшихся высокой частотностью употребления. Сейчас они и в русском речевом этикете используются редко, еще реже, конечно, употребляются чеченцами – как в своей чеченской речи, так и в русской. В русском этикете обращение *товарищ* устойчиво сохраняется только в речи военных и вообще

сотрудников силовых и правоохранительных структур и органов: *товарищ генерал, товарищ полковник, товарищ майор; товарищ прокурор, товарищ следователь* и т.п.

Проблемы нередко возникают и при переводе или попытке употребить эквивалент некоторых чеченских слов, употребляемых в обращении. Так, например, слово *накъост* с чеченского языка в словарях переводится как «товарищ» [Мациев 1961: 311], другого перевода у этого слова нет, хотя в собственно чеченском тексте слово «товарищ» именно в том значении, в котором эта лексема долгое время употреблялась и употребляется некоторыми и сейчас, как обращение официальное, употреблялось и раньше не так часто, а в наше время не употребляется совсем. В зависимости от контекста и ситуации, в которой оно используется, слово может выражать разные оттенки. Например, в приводимом примере: *Накъост, цу юьрта йоьдуш ворда кхетахь-м тамаш бу, – элира автобусан шоферо, Халида ша ваха везачу меттиган цIе яьхкхича* [Нохчийн дийцарш 2010: 385] еще можно говорить о том, что здесь значение, близкое к русскому «товарищ» в контекстах типа *Товарищ, вы не подскажете, как мне пройти к ближайшей остановке маршрутки?* Но в таких высказываниях, как *Накъост, хьо лаа вуй?* (трудно переводится, означает с какой целью ты идешь? Зачем ты так делаешь? Для чего ты это делаешь?) *Ахь хIун до, накъост?* «Что делаешь, **товарищ?** С какой целью?» явно значения «товарищ» нет, а само обращение показывает негативное, неодобрительное отношение к тому, к кому обращаются.

Особенность обращений как элементов обращенной к тому или иному адресату речи состоит в том, что обращением как таковым может быть любое слово, но не каждое является, собственно, этикетом. На это указывают примеры, подобные приводимым: – *Бехк ма биллалахь, некъахо, сан бIаьрг артло хан, дера, ю. Суна ма ца вевза хьо...* «Не обессудь, путник, у меня возраст, когда глаз (зрение) притупляется. Я не узнаю тебя...» [Нохчийн дийцарш 2010]; – *ЛадогIал, нах!* – *Эла Аьрсто ву вистхила лууш!* «Слушайте, люди. Князь Эрсто желает высказаться» [Айдамиров 1989]; – *Де дика хуьлда хьан, хьомсара доттагI!* – *хезира бIаьргаичуьра бода дIабалазчу Иелина оьрсийн маттахь* «Да будет добрым твой день, дорогой

друг! – слышалось Эли, у которого из глаз тьма еще не рассеялась» [Айдамиров 2014: 219]; и др. Эти и множество других подобных примеров показывают, что обращением может быть имя собственное или нарицательное, одушевленное или неодушевленное, личное или неличное, но в качестве стандартных, предписываемых нормами речевого поведения этикетом используется некоторый набор слов и словосочетаний, не особенно обширный в каждом языке, и собственно этикетками, а не только обращениями, являются именно они: «мистер», «сэр», «мисс», «миссис» у англичан, например, «сеньор» и «сеньора» (к замужней женщине), «сеньорита» (к незамужней девушке) в Испании и Южной Америке, «пан» и «пани», к незамужней еще и «панна» в Чехии, Польше, Сербии, Словакии, Украине, Беларуси, вводимые в русский речевой этикет обращения «господин» и «госпожа» и др. В современной (постперестроечной) России чёткие правила обращения с употреблением подобных слов еще не сложились, в зависимости от политической ориентации, идеологических убеждений и социальных амбиций одни предпочитают обращения «господин», «госпожа», другие, рискуя вызвать усмешки окружающих, вставляют в свою речь «сударь» и «сударыня», третьи, считая такие обращения нейтральными, используют «уважаемый», «уважаемая» без продолжения именем собственным. Есть те, для кого по идеолого-политическим соображениям предпочтительно обращение «товарищ»; и т.д. Строгости этикета, как для многих других стран, и не только европейских, в наше время ни у русских, ни у представителей других народов России, нет, а это необходимо, так как наличие правильных, «стандартных» форм обращения является важным условием взаимопонимания и взаиморезуважения между людьми, знание и соблюдение в общении с ними норм, сложившихся у других народов, необходимо для гармонии в сфере межкультурной коммуникации. При этом можно с уверенностью сказать, что даже в том случае, если обращения типа «господин», «сударь», «сударыня» войдут в широкий обиход у русских, чеченцы (и, видимо, и другие народы) их вряд ли примут: во всяком случае, будут употреблять их в соответствующих коммуникативных ситуациях только в своей русской речи.

Важность обращения как элемента речевой культуры видна и в том, что в разных культурах сама «структура» обращений и их роль в коммуникации, отношениях между людьми могут весьма существенно различаться. Яркий пример существенных различий – это сопоставление арабского и русского речевых этикетов на материале обращений, проведенное Е.Ф. Суховой, уделившей, кстати, большое внимание обращениям с негативной оценочной семантикой, которых достаточно много в обоих речевых этикетах, но в выборе характеристик арабский и русский этикет, как показано, сильно отличаются [Сухова 2016]. Сравнение обращений в чеченском и русском речевом этикетах также дало бы много примеров сходств и различий. Одним из ярких различий можно считать отсутствие в чеченском обращения с отчеством и отсутствие «вежливой» формы обращения – местоимения множественного числа или формы глагола во множественном числе, предусмотренной русским речевым этикетом с соответствующими нормами и правилами употребления.

2.2. Приветствие

Вторым важным и практически обязательным элементом речевого акта является *маршалла хаттар* «приветствие». В общении на русском языке можно, например, начать так: «Василий Иванович! Здравствуйте! / Добрый день!». А можно иначе: «Здравствуйте/Добрый день, Василий Иванович!». Точно так же чеченец может употреблять эти два элемента речевого акта в любом из двух порядков следования: *Мохмад, де дика хийла хьан!* или *Де дика хийла хьан, Мохмад*. Между этими двумя вариантами взаиморасположения обращения и приветствия имеются определенные нюансы. Обращение и в чеченском, и в русском речевом акте, например, обычно предшествует приветствию в том случае, если коммуникант обращается к кому-то одному из некоторого множества людей, среди которых находится тот, кого он приветствует. Примерно в такой ситуации: проходя через вестибюль к лифту, человек замечает знакомого среди множества других. Он в первую очередь называет его по имени, или имени-отчеству, и затем здоровается. Иначе в такой

ситуации и нельзя, так как произнесенное без определения адресата приветствие будет безадресным, направленным кому угодно из присутствующих.

Приветствие – не только наиболее употребительный, частотный, но и важнейший элемент речевого этикета всех народов. В первую очередь форма приветствия – вербальная: теми или иными лексемами или словосочетаниями люди обмениваются друг с другом при встрече, после чего речевой акт может продолжаться, но может и завершиться этим. Часто приветствие сопровождается и невербальным выражением внимания к коммуниканту. Причем у разных народов это могут быть разные жесты, мимика, какие-либо другие действия, которыми дополняется речевая этикетная формула или даже которой приветствие ограничивается, хотя последнее – редкое явление. У итальянцев, например, считается нормальным, когда знакомые люди, приветствуя друг друга, целуют друг друга в обе щеки: сначала в левую, затем в правую. У народов Гренландии приветствие выражается в том, чтобы прикоснуться носом к носу того, кого приветствуют, при этом необязательно при этом употреблять какие-то слова. Японцы никогда не ограничиваются словами, приветствие обязательно сопровождается поклоном. Причем это поклон, имеющий свое название – *одзиги*, особенность которого в том, что в общении с разными людьми у поклона есть и строго соблюдаются свои особенности. Низко должен кланяться, например, тот, у кого ниже статус. Низкий поклон должен сделать и тот, кто просит извинения, или даже просто принес подарок тому, кого приветствует. Причем одним поклоном такое приветствие не ограничивается, часто это сопровождается легкой, едва заметной улыбкой на устах. Но это для «внутрияпонского» этикета, такое приветствие не считается обязательным для неяпонцев. Тем не менее, даже иностранцы при встрече с японцами, если хотят их расположения к себе, этот обычай соблюдают, и от них требуется только легкий наклон головы, чего достаточно, чтобы японец счел, что соблюдены все приличия. При этом реакцией японца, даже если поведение иностранца ему не особенно нравится или даже рассердило его, будут поклон и улыбка, что на самом деле означает, видимо, снисходительность к не совсем вежливому поведению чужеземца, не удосужившегося как-то подготовиться к этому акту межкультурной коммуникации.

То, что для японцев и представителей некоторых иных культур является нормой, для других оказывается или не имеющим особого значения, или даже недопустимым. В речеповеденческой этикете чеченцев и многих других кавказских народов, например, поклон ни в начале встречи, ни при прощании, ни даже в случае обращения с просьбой или испрашивании извинения, практически недопустим. Это считается унижением: *Цхъанна а хьалха охьатаьIаш хила ца веза къонаха*. «Ни перед кем склоняющимся/кланяющимся не должен быть (настоящий) мужчина», говорят чеченцы. Резкий кивок головой, который мы часто наблюдаем в танцах чеченцев и ингушей, например, когда танцор выходит в круг, останавливается перед вышедшей танцевать с ним девушкой, и выходит, оттанцевав, из круга, это, конечно, никакой не поклон, это своеобразное невербальное приветствие окружающих, девушки и в финале – знак, что танцор завершил свой танец. Об униженности здесь говорить вообще нет никаких оснований, это, наоборот, знак подчеркнутого достоинства без всякого бахвальства.

Особо в контексте использования жестов и мимики при произнесении приветствия (и прощания) следует выделить рукопожатие. Рукопожатие при встрече, а нередко и при прощании, – это особый жест, даже своего рода ритуал, получивший широкое распространение в разных этнических культурах. Само рукопожатие – это сжатие коммуникантами ладоней правых рук друг друга, у некоторых народов собственно рукопожатие дополняется прикладыванием сверху еще и левых рук (это особенно характерно для мусульман-арабов). Встречаются и такие дополнения, как более или менее длительное потряхивание соединенных в рукопожатии рук, особенно это заметно в последнее время при встрече руководителей государств, высокопоставленных дипломатов. Судя по всему, такой вариант рукопожатия обязан своим распространением, если не происхождением, англичанам, у которых название рукопожатия *handshake* так и переводится – «встряхивание рук». У некоторых народов каких-либо ограничений в использовании этого жеста (ритуала), ни возрастных, ни гендерных, не наблюдается. Однако у мусульман, например, рукопожатие между мужчинами и женщинами не допускается, поэтому объяснимо, почему оно отсутствует и у чеченцев. По этическим правилам мусульман

(и в том числе чеченцев) руку первым должен подавать, если он считает нужным использовать этот жест в приветствии, старший, хотя вербально формулу приветствия произносит первым младший. При этом после рукопожатия оба прикладывают правую руку к своему сердцу, что говорит об особом расположении, уважении и дружелюбии. Младший не может не подать руку ни в коем случае. Впрочем, не ответить на протянутую руку рукопожатием не только невежливо, это оскорбление для того, чья рука отвергнута. Нельзя утверждать, что у чеченцев не бывало и не бывает и сейчас таких случаев, когда человек становится «нерукопожатным» для кого-либо или даже для многих. Но в этом случае избежать таких сцен было и остается проблемой для самого «нерукопожатного».

С приветствием связан и другой жест (даже не жест, а целое действие) – взаимное обнимание встретившихся людей, которое известно в этикете многих народов с теми или иными ограничениями. У арабов обнимались с рукопожатием, а иногда и без рукопожатия обычно очень близкие люди. В наше время мы видим, что это делается на различных дипломатических встречах и приемах, хотя обнимающиеся дипломаты и политики ни в каких родственных или очень близких отношениях не состоят. В противоположность этому, есть народы, этнические культуры, которые фактически исключают такие сцены, а то и рукопожатие. В Западной Европе, например, широко распространено рукопожатие, в том числе за руку часто взаимно здороваются женщины, также женщины и мужчины. Обнимание здесь не принято. Однако выделяются англичане, у которых приветствие или только вербальное (*Hello!* «Здравствуй!»; *Hi!* «Привет!»; *Glad to see you!* «Рад Вас видеть!»), или сопровождается легким кивком головы, а часто даже этим ограничивается. Рукопожатие у англичан обычно встречается только между очень хорошо знакомыми людьми, а обнимание исключено. Вообще, в этикете взаимного общения у англичан действует правило: как можно меньше дотрагиваться до собеседника.

У чеченцев до сравнительно недавнего времени при встрече и прощании после произнесения соответствующих этикетных формул или одновременно с ними могли обняться близкие родственники. Причем само это действие выглядело обычно как занесение правой руки за спину приветствуемого или провожаемого,

причем признаком невоспитанности считалось, если младший заносил руку над плечом старшего: младший должен был пригнуться и провести свою руку под левой рукой старшего. Сейчас, к сожалению, становится все меньше людей даже среди среднего поколения, которые эту неписаную норму этикета соблюдают.

Сочетание рукопожатия и обнимания в приветствии и при прощании у чеченцев все еще допускается, как правило, между мужчинами одного или примерно одного возраста. Ни рукопожатие, ни обнимание не приняты в отношении женщин. Взаимное приветствие и прощание у женщин – произнесение соответствующей формулы приветствия (и прощания) и легкое занесение руки за спину друг другу, чтобы правая рука одной заносилась за спину со стороны левой руки другой. Делает это, как правило, та, которая младше. Не ограничиваясь словесным приветствием, слегка обняться представители мужского и женского пола могут в том случае, если значительно старшим по возрасту является мужчина, или, наоборот, молодой человек или подросток могут приветствовать таким образом женщину явно старше себя. Или это должны быть близкие родственники.

Рукопожатие и приветствие **саламом** у чеченцев по адату не принято внутри семьи и между близкими родственниками, между зятем и родителями, братьями жены. В контактах находящихся в таком родстве младший и зять здороваются первыми, употребляя этикемы *Гуьйре дика хийла!* «Доброе утро!», *Де дика хийла!* «Добрый день!», *Суьйре дика хийла!* «Добрый вечер!». Обычный ответ на такое приветствие – *Дела реза хийла!* «Да будет доволен (тобой) Аллах!». Реже употребляется этикема *Диканца дукха вехийла!* «Долгих (добрых) лет жизни!». Это хорошее пожелание и одна из лучших речевых формул в данной ситуации. В чеченском этикете это формула благодарности-пожелания, употребляется также в других случаях, когда один из коммуникантов таким образом реагирует на оказанную ему услугу, помощь. Кстати, эта формула не совсем уместна и в том случае, когда человек получает подарок или ему в качестве презента вручают какой-нибудь предмет, вообще дают что-либо материальное. В этом случае используется формула «*Дала сагла йойла (дойла, бойла)!*» – «Да зачтет (это) Аллах как садака!». В переводе с арабского это слово означает «милостыня», но это не обязательно

милостыня, которую подают нищему. *Садака* – это любое благое деяние, и при этом не обязательно что-то материальное.

Ни рукопожатие, ни приветствие *Ассалам Иалайкум* по правилам чеченского адата недопустимы между невесткой и близкими родственниками мужа. Этой формой этикета не пользуются во взаимном общении также муж и жена, отец и дети, как мужского, так и женского пола.

В русском этикете рукопожатие не широко распространено, но все-таки и здесь словесное приветствие нередко сопровождается рукопожатием. Более того, иногда приветствие рукопожатием и ограничивается. Чаще всего, как и у чеченцев, это такой обмен приветствиями между мужчинами одного возраста, вообще лицами мужского пола, примерно равными по возрасту. Обмен рукопожатиями между мужчиной и женщиной не исключен, но встречается не часто, и если встречается, то обычно на официальных мероприятиях, между деятелями науки и т.п. При этом мужчина не должен протягивать руку первым: он должен выждать, когда это сделает женщина, и ответить пожатием руки. Если женщина руку не протягивает, мужчина делает легкий поклон, по сути, наклон головы.

Многие тонкости этикета, связанные с возрастом, гендерными различиями и др., значимы для культуры поведения чеченцев, многих других народов, как правило, хотя не обязательно, исповедующих ислам, ограничивающий непосредственные контакты мужчин и женщин, прикосновение к женщине и т.д., и не особенно значимы для русских и представителей многих других этнических культур.

У всех народов есть свои, сложившиеся за многие века правила поведения, которых необходимо придерживаться для того, чтобы поддерживать с окружающими нормальные отношения, пользоваться уважением и авторитетом. Эти правила никто не сочинял, они «отточены» многовековым опытом народа. Некоторые нормы могут характеризоваться этнической спецификой, но достаточно много таких правил поведения, которые сближают многие народы. И в этом плане следует, наверное, начать с того, что в исследуемом нами чеченском речевом этикете слова приветствия должны произноситься чётко, внятно, достаточно громко, чтобы быть услышанным, но не излишне громко. При этом, произнося слово/слова

приветствия, нужно смотреть на того, кому это адресовано. Считается неприличным, произнося слова приветствия, отводить взгляд в сторону и тем более рассматривать помещение, какие-то предметы вокруг или рассматривать других людей, которым приветствие не адресовано. В этнических культурах обычно приветствуется, но не вменяется сопровождение слов приветствия улыбкой. Если приветствуют вас, нужно повернуться лицом к тому, кто приветствует, произнести слова приветствия, сопроводив их принятыми жестами и мимикой, и при этом нельзя стоять боком к нему или тем более спиной. Как у чеченцев, так и у многих других народов эталоном приличия является приветствие со стороны движущегося пешком или на каком-либо транспорте, когда он останавливается перед сидящим или стоящим на тротуаре старшим, или, если на транспорте, останавливается, сходит на землю и здоровается лицом к лицу, приблизившись на такое расстояние, которое позволяет хорошо слышать друг друга.

В чеченском этикете элементом речевого этикета, который должен сопровождать приветствие (следовать непосредственно после него), если между участниками речевого акта есть какие-то отношения – родственные, приятельские, или даже если это просто знакомый, является вопрос о том, как поживают коммуникант и его близкие, особенно о здоровье. Например: *Нахана тIевеана, салам делира Таймас. – Ва Iалайкум салам, хьо марша вогIийла, Тайма. Муха ду хьал-де, могашалла а муха ю? – Цкъа тахана дика Ia тхо-м. Шу муха ду, могаш Iай?* «Подойдя к людям, Тайма поздоровался. – Ва алейкум салам, приходи с добром, Тайма. Как дела, как здоровье? – Пока хорошо. Вы как, здоровы ли?». Этой нормы придерживаются и при первой встрече с незнакомым человеком, вступающим в контакт с предполагаемым продолжением: пришедшим по какому-то делу, для выяснения какого-то вопроса и т.д. Просто проходя по улице, здороваться с незнакомыми принято в зависимости от обстоятельств. Трудно себе представить человека в городских условиях, который, идя в толпе, здоровается со всеми подряд. Но в условиях села у чеченцев это необходимо делать, соблюдая все правила, о которых идет речь в этом параграфе.

Речевой этикет приветствий в исследуемой и многих других культурах общения предусматривает очередность приветствия, связанную с возрастом или гендерной принадлежностью приветствующего или приветствуемого лица. В русском этикете, например, принято, что при встрече порядок произнесения приветствия такой: мужчина первым приветствует женщину, если они примерно одного возраста, в том случае, если мужчина значительно старше, приветствует первой, как правило, женщина; младший (-а) по возрасту приветствует старшего (старшую) первым. Если один из коммуникантов в трудовом коллективе младше по должности, он приветствует первым; в официальной обстановке, например, когда собирается делегация для участия в каком-либо форуме, мероприятии, любой из членов делегации с её руководителем также здоровается первым. Каких-то особо значимых существенных различий не обнаруживаем, сравнивая эти нормы с тем, что принято у чеченцев. В чеченском этикете единственное существенное отличие – это то, что женщина приветствует первой мужчину, даже если он несколько младше ее: как бы на это не смотрели носители других культур, у чеченцев уважение к представителю мужского пола все еще считается важным элементом этической культуры. При этом строгого предписания здесь нет: считается проявлением особой воспитанности, добропорядочности женщины то, что своим обращением к мужчине первой она подчеркивает свое уважение к мужчинам, на которых лежит бóльшая ответственность за семьи (их благополучие, защиту от всех бед), ответственность за безопасность и родного очага, и семьи и рода, и родины. Вместе с тем, при большом разрыве в возрасте подросток или юноша, не достигший зрелого возраста молодой человек вообще стремится опередить женщину, поздороваться первым, поинтересоваться здоровьем женщины и её родных, предложить свою услугу: донести её ношу до дому, предложить подвезти в нужное место и т.д.

Выбор формул приветствия в разных лингвокультурах, например, в чеченской и русской, характеризуется и общими чертами, и различиями. В русском речевом этикете, как известно, общей формулой, «нейтральной», употребляемой в любое время суток, в общении со всеми, независимо от возраста, социального положения, должности и т.д., является слово «здравствуйте». Эту лексему некоторые

авторы называют «застывшей формой повелительного наклонения так называемых этикетных глаголов» [Середа 2006].

В чеченском речевом этикете нет прямого соответствия русскому основному приветствию «Здравствуйте!». Имеется в виду, что нет соответствия в виде слова с тем же значением, в котором в форме повелительного наклонения приветствие дополнено пожеланием здоровья. При встрече тот, которому это предписывает принятая у чеченцев норма, произносит различные другие формулы приветствия, какой-то единой, приемлемой в любых обстоятельствах, в общении любых по возрасту, социальному положению, полу людей, формулы у чеченцев нет. До недавнего времени основным приветствием мужчин у чеченцев было *Ассаламу Иалайкум!* Это приветствие заимствовано у арабов: «Ас-салям алейкум» (араб. السلام عليكم) в переводе на русский язык означает «Мир вам» (букв. «Мир над вами»). На это приветствие принято отвечать «*ва-алейкуму ас-салям*» – «и вам мир». В советское время эта формула также использовалась, но нельзя не признать, что в официальной обстановке оно встречалось реже, чем сейчас. В партком с таким приветствием, например, редко кто позволял себе зайти, даже если там находилось достаточно лиц чеченской и ингушской национальности. В наше время исламский фактор в жизни чеченцев, особенно в духовной культуре и поведении, имеет тенденцию к усилению, и это проявляется, в том числе, в расширении употребления приветствия «Ассаламу Иалайкум!». Если сравнительно недавно такое приветствие считалось исключительно мужским и при этом «возрастным» (его употребляли во взаимном общении почти исключительно взрослые мужчины), то теперь таким приветствием обменивается и молодежь. Более того, все чаще наблюдаются случаи, когда «салам» звучит и из уст женщин.

Между тем, в чеченском этикете существует давно установленный порядок, которому надо следовать, используя рассматриваемую этикетную формулу. Этот порядок кратко, но весьма ёмко расписан писателем Мусой Ахмадовым в учебнике чеченского этикета для общеобразовательных школ [Ахмадов 2002], суть такого порядка заключается в следующем.

У чеченцев не принято приветствовать саламом всех без разбора. Так здороваются с примерно равным по возрасту. Если человек значительно старше или младше, используют другие формы (они рассматриваются ниже). Младший по возрасту, должен здороваться первым. Если идущий человек поравнялся с сидящими или стоящими людьми и даже одним человеком, поздороваться первым должен он независимо от возрастного критерия: даже если подъехавший или подошедший старше, он должен приветствовать первым, а те, кого он приветствует, отвечают, обязательно поднявшись с места. Первым здоровается спускающийся с горы, вышешности с тем, кто движется навстречу в гору. У этой нормы следующее объяснение: следует уважить того, кто находится в более трудном положении, кому труднее. Если кто-то подошел, поздоровавшись приветствием «*Ассалам Иалайкум!*», следует встать, отвечая на приветствие, даже если подошедшему пятнадцать лет, а сидящему семьдесят. Кстати, в последнее время все чаще мы видим, как на похоронах (чеч. *тезет*) при подходе очередного человека или группы людей для выражения соболезнования на их «*Ассаламу Иалайкум!*» многие вообще не поднимаются или поднимаются только после молитвы, тогда как реагировать следует именно на салам. Это уже нарушение норм и адата (Ада́т, или а́да (араб. — *обычай, привычка*; мн.ч — араб. — *‘ада́т*) — *обычай, пережиточные нормы доисламских правовых комплексов, а также реалии правовой жизни, не отражённые в шариате*), и шариата (*Шари́ат* (араб. — букв. [правильный] путь, образ действия) — *комплекс предписаний, определяющих убеждения, а также формирующих религиозную совесть и нравственные ценности мусульман*).

Правила приветствия с употреблением «*Ассаламу Иалайкум!*» в соответствии с чеченским адатом, как это видно даже из этого краткого объяснения, не во всем совпадают с арабскими, но в этом не следует видеть и противоречие. В чеченском адате, относясь предельно уважительно, трепетно к этой форме приветствия, придают ей особую значимость и считают, что так можно приветствовать не всякого. Чеченский адат предписывает, например, что здороваться саламом нельзя с тем, кому не может быть объявлена кровная месть и вообще не может быть «войны». Эта форма приветствия исключалась с женщинами, «не опоясавшимися» лицами

мужского пола, т.е. детьми и подростками, «распоясавшимися», т.е. имеющими право ходить без пояса – пожилыми людьми старше 70 лет, с теми, кто является близким родственником, родственниками по матери и с состоящими в родстве по линии сватовства. Как видим, ограничения довольно широкие, и они выполнялись неукоснительно раньше и все еще соблюдаются многими людьми в возрасте и сейчас. Приветствие «*Ассалам алейкум!*», которое считается общемусульманским, не является, следовательно, все-таки всеобщим, характерным для всех возрастов и тем более – независимым от гендерных различий. По обычаям и адатам, которых чеченцы продолжали придерживаться и после принятия ислама, «салам» был чисто мужским приветствием, причем и здесь все зависело от возраста и других условий и обстоятельств, которые мы рассмотрели. Женским такое приветствие у чеченцев не было вообще. Так же, как было исключено женское рукопожатие. Вместо рукопожатия женщины при встрече одновременно с произнесением приветствия или сразу после него, обнимаются: это знак доброго расположения, которое они испытывают друг к другу. Однако нельзя сказать, что у женщин рукопожатие не встречается вообще в наше время. Оно иногда наблюдается в случаях особо приятельных отношений между женщинами-подругами, которые это делают шутя, несколько иронично. А вот приветствие *саламом* совсем не исключено, и оно стало все чаще встречаться среди особенно набожных женщин, считающих, что по исламу перед Аллахом все – и мужчины, и женщины – равны, а это значит, что не должно быть неравенства и в выборе формы приветствия. В результате мы наблюдаем тенденцию к расширению пока еще небольшого круга женщин, которые приветствуют друг друга *саламом*. Здесь вряд ли можно быть категоричными в выборе между принятием как должного этой традиции или ее неприятием. Вряд ли здесь есть какое-то непреодолимый конфликт между нормами адата и шариата. В исламе, например, использование *салама* женщинами тоже не является строгим требованием. Это обычное приветствие для женщин, говорящих на арабском языке, но у многих исповедующих ислам народов женщины используют и во взаимном общении, и в общении с представителями противоположного пола свои национальные

формулы приветствия и в целом придерживаются национальных норм поведения, что не мешает им быть набожными.

В речевом этикете чеченцев есть и другие формулы приветствия. Они и позволяют чеченцам соблюдать этикет в случаях ограничений в использовании приветствия «*Ассалам Иалайкум!*». По своей функции с «*Ассалам(у) Иалайкум*» соотносится чеченская формула *Марша вогИийла!* (*йогИийла, догИийла*). Некоторые даже считают, что это то же самое, что и «*Ассалам Иаликум!*». А это, получается, дает основание считать чеченскую формулу калькой арабского «*Ас-салям алейкум!*». На наш взгляд, эти две формулы не идентичны. Во-первых, в чеченской формуле глагол не в повелительном наклонении, а в «допустительно-разрешительном» и «желательном» одновременно, что дает перевод на русский язык: «Да будет твой приход свободным!», а не «Приходи свободным!», как это нередко переводят. Во-вторых, это, собственно, не стандартное приветствие, а скорее реакция на появление другого человека, людей, функционирующая и как ответ на приветствие подошедшему, подъехавшему человеку. Обычно так обращаются к гостю, как только завидев его, и это приветствие может даже опередить стандартное приветствие самого гостя *саламом* или иными формулами: *Де дика хийла!* «Добрый день!» *Суьйре дика хийла!* «Добрый вечер!» «Пусть будет день(вечер) добрым!» и др. Формулой *Марша вогИийла (йогИийла, догИийла) хьо (шу)* «Приветствую тебя! Приветствуем вас! Добро пожаловать!» Чеченцы также обычно приветствуют родственников, встречая их у себя дома, даже не дожидаясь приветствия гостей-родственников. Это, наверное, особое приветствие, которое можно употребить в отношении любого гостя в качестве формы выражения радости, удовлетворения от самого факта прихода гостя, даже если гость только показался и не успел поздороваться. Формулу эту используют уже в качестве обычного приветствия на мероприятиях различного рода, свадьбах, кооперативах. Делает это тот, которому представляется слово, или тамада, ведущий мероприятия, конференсье и т.п., начинающие свою работу, тост, выступление словами: *Марша догИийла шу!.. Шу марша а догИийла, хьомсара хьеший!* «Добро пожаловать!.. И вам добро пожаловать, дорогие гости!». Вербальный ответ на такое приветствие не предусмотрен, но обычно все

присутствующие, если они сидят, привстают или встают, как это делается в качестве ответа на приветствие *саламом* (только во втором случае требуется и ответить словами: *Ва Иалайкум салам!*).

В том случае, когда приветствие адресовано конкретному человеку или группе людей, оно сопровождается указанием на это лицо/лица, выраженным или именем собственным, или нарицательным именем, называющим должность, чин, ранг того, кто приветствуется, часто в этом качестве используется местоимение – соответственно в единственном или множественном числе. При этом «распространители» редко употребляются перед приветствием, обычно они постпозитивны. Можно ли их считать обычными обращениями – вокативами – вопрос, требующий особого исследования. По нашему мнению, нет, особенно если учесть, что они могут иметь форму не только именительного падежа. Иллюстрировать это можно серией примеров, которая может быть значительно расширена:

– *Ассалам Иалайкум, буйса дика хуьлда хьан, полковник!* – *элира хьешо* «Мир Вам, милость Аллаха и Его благословение! Доброй ночи, полковник! – сказал гость» [Айдамиров 1989: 524];

– *Буйса дика хуьлда хьан, х1усамда!* – *маршалла хаьттира Иелас оьрсийн маттахь* «Доброй ночи, хозяин» – поприветствовал Эла на русском языке» [Айдамиров 2006];

– *Буйса дика хуьлда шун, Хадижат!* «Доброй ночи вам, Хадижат!» [Там же: 2006: 340];

– *Марша дог1ийла шу а, Орцха!* *Делера кьинхьетам, беркат ма оьшийла кху кертара!* «Добро пожаловать, Орцха! Пусть Всевышний не лишит своей милости и благодати этот дом» [Айдамиров 2006:435];

– *Лаа ву со-м, Хеда, буйса дика хуьлда шун!* – *массарна мараххийтира Абу-бакар.* «Хеда, доброй ночи! – всех обнял Абубакар» [Нохчийн дийцарш 2010: 148];

– *Салам-маршалла ду шуьга, - олуш, т1ебахара нах.* «Приветствуем вас, сказали люди и подошли».

– *Салам-маршалла Делера тхьогара а ду шуна, – жоп делира.* «Приветствие Вам от Всевышнего и от нас, – последовал ответ» [Нохчийн дийцарш 2010: 383].

Достаточно широко распространенные формы приветствий-вопросов «*Хьо вогIуш/йогIуш ву/ю?*» – букв. «Ты идешь?», «*Хьо араваьлла/араяьлла*» – «Ты вышел (на улицу)?», «*Хьо цIехьа вогIу/йогIу?*» – «Ты домой идешь?», «*Хьо лаьтта?*» – «Ты стоишь?», употребляемые и для приветствия нескольких лиц, группы, соответственно во множественном числе, вряд ли, на наш взгляд, украшают речевой этикет. Тем не менее, они широко употребляются, преимущественно младшими (подростками, юношами, молодыми мужчинами), в качестве приветствий, адресованных старшим, но нередко в такой форме приветствуют друг друга и взрослые люди – как мужчины, так и женщины. Ничего, кроме констатации очевидного факта нахождения в определенном состоянии коротким ответом «*ХIаь*» (*Да*), ответ на такое приветствие не может означать, а само приветствие похоже на риторический вопрос. Хорошо разбирающиеся в вопросах этикета и следующие установившимся нормам чеченцы в такой форме друг друга не приветствуют, и было бы неплохо, если бы от нее постепенно отказались. Запретить так приветствовать друг друга, наверное, нельзя, но объяснять, в том числе в школе на уроках чеченской (вайнахской) этики, что у чеченцев достаточно формул приветствия, учитывающих различные ситуации, половозрастные и иные характеристики условия и т.д., и следует использовать в своем общении с другими людьми их, мы, конечно, можем.

Исследуя и разясняя этикему приветствия, следует рассмотреть и непосредственно связанную с приветствием другую этикему – ответ на приветствие, поскольку в чеченской и в других лингвокультурах эти две формулы не всегда совпадают. Система ответов на приветствие в разных лингвокультурах выстраивается по-разному. В русском речевом этикете на основную формулу приветствия «Здравствуй(те)!» достаточно повторить эту же формулу, но можно употребить и какую-нибудь другую. Например, ответить так: «Приветствую тебя/вас!». Конечно, ответ не должен быть фамильярным. Если вас приветствовали словом «Здравствуйте!», или такими формулами, как «Добрый день!», «Добрый вечер!», вряд ли стоит, если только коммуникант не ваш близкий друг, отвечать «Привет!», «Ну, привет!» и даже «Ну, здравствуй(те)!». Выбор варианта ответа определенное значение в русском речевом этикете имеет, но он, наверное, не настолько значим в отношении

требований, связанных с возрастом, гендерными различиями и даже требованиями исламского этикета, ставшего частью чеченского национального. На приветствие подростка, молодого человека, девушки, молодой женщины, вообще явно младшего на вид взрослый не всегда может ответить тем же. Например, на приветствия *Де дика дойла хьан!* «Добрый день! Доброго дня тебе!», *Буйса дика хийла!* «Доброй ночи!» и под. многие взрослые отвечают: *Хьан а дойла де дика!* «И тебе доброго дня!», но предпочтительным все-таки является ответ *«Далла везийла/йезийла!»* («Да возлюбит тебя Аллах!»). Можно дополнить формулой-пожеланием *«Дукха вехийла/йехийла!»* («Долгих лет жизни!»).

На приветствие *«Ассалам Иалайкум!»* необходимо строго следовать принятому в исламе стандарту и отвечать *«Ва Иалайкум салам!»*. Мы уже отмечали, что в последнее время молодые люди все чаще стали здороваться со старшими саламом, придерживаясь строго исламского этикета (при этом представляет интерес то, что это вообще общеарабское приветствие, которое используется и арабами, исповедующими христианство и иудаизм; кроме того, еврейское «Шолом алейхем!» – то же самое). Пожилые люди, воспитанные в других традициях, когда салам использовался в общении с некоторыми ограничениями, в частности, подростки, юноши и даже довольно взрослые мужчины, если они существенно младше, использовали для приветствия старшего не салам, а другую формулу: *«Де дика дойла!»* и под., нередко оказываются в замешательстве, подыскивая нужный ответ. Хотя ничего такого, что в это замешательство должно приводить, в этом нет. Если к мужчине обратились с саламом, необходимо, без всякого сомнения, отвечать тем же. Рассматривая основное и для чеченцев, и для других народов, в основном исповедующих ислам, приветствие *«Ассалам Иалайкум!»* и ответ на него *«Ва Иалайкум салам!»*, нужно отметить, что в реальном употреблении обе формулы встречаются в измененном виде. Особенно в этом отношении нужно выделить широко распространенное произношение *«Салам Иаликум!»* и, соответственно, ответ на него: *«Ва Иаликум салам!»*.

Существенной особенностью лингвокультуры чеченцев в части этикетных формул, в частности, приветствия, является то, что в чеченском языке нет чисто

разговорных формул с отрицательной экспрессией. В чеченском языке не находим соответствий панибратским по своей сути приветствиям *Привет! Здорóво!* и формулам прощания *Пока! Будь!* Но это не значит, что это различие распространяется на речевое поведение чеченцев вообще. Приведенные формулы отсутствуют в чеченском языке, но в их речи на русском языке они встречаются нередко, более того, чеченцы стали вставлять их и в свою речь на родном языке.

2.3. Прощание

Если акт коммуникации начинается с обращения и приветствия, которые не обязательно должны иметь именно такой порядок следования, как нами показано в предыдущем параграфе, завершается он прощанием. Приветствие, с которым может быть – до него или после – употреблено обращение, и прощание – два самых важных, основных, практически всегда употребляемых и даже обязательных элемента общения. Вряд ли существует какая-либо лингвокультура, в которой считается нормой не приветствовать потенциального коммуниканта, с которым необходимо что-либо обсудить или сделать, и не попрощаться при расставании; или, скажем, приветствовать в начале общения и уйти, не попрощавшись. Кроме надуманного, видимо, исключения, о котором пойдет речь ниже. В этикете любого народа, социальной группы, коллектива такое поведение считается неприличным, не говоря о том, что после такой встречи у того, к кому проявлено подобное неуважение, вряд ли будет желание продолжать контактировать с таким собеседником и, тем более, иметь с ним какие-то общие интересы. Однако бывают ситуации, когда прощание затруднительно. Обычно такая ситуация складывается при общении в широком кругу людей, в условиях массового общения. У русских в этом случае, например, допускается «уход по-английски», не прощаясь. С каждым из присутствующих, особенно если их много, попрощаться или затруднительно, или просто невозможно. Но даже в этом случае считается необходимым попрощаться хотя бы с хозяевами приема, деловой встречи, с теми, с кем происходило общение перед уходом, которые находятся рядом в момент общения.

В каждом языке есть свои формулы прощания. Причем есть «стандартные», общие для всех возрастов и иных категорий говорящих, и, как правило, несколько других. К тому же различаются формулы, употребляемые при расставании ненадолго или на некоторое время, и те, которые используются при прощании надолго или навсегда. Самая употребительная формула прощания – это та, которая используется при прерывании контакта, в представлении коммуникантов, ненадолго. И поэтому у некоторых народов сама формула прощания содержит значение, указывающее на то, что контакт прерывается, но будет, скорее всего, возобновлен. Например, русск. *До свидания!*; нем. *Aufwiedersehen!*, исп. *hasta la vista* (*hasta* «до», *la/ vista* «вид»), болг. *Довиждане!*, польск. *Do widzenia!*, чешск. *Na shledanou!* и некоторые др. Переводимые на русский язык как «До свидания!» формы прощания многих других народов или не содержат в себе слов «свидание» или «встреча», или вообще состоят из таких компонентов, которые трудно буквально перевести на русский язык. Это, например, английское прощание *Goodbye!*, состоящее из двух слов: *Good* «хороший» и *bye* «пока». На самом деле это, скорее всего, аналог русск. *Пока!*

Представляет интерес рассмотрение формул и самого акта прощания у чеченцев и русских. Сравнение значимо хотя бы потому, что чеченцы, свободно владеющие русским языком, нередко переходят на русский язык вкраплениями отдельных слов и фраз на русском языке в чеченскую речь, и, в частности, могут использовать русские формулы приветствия и прощания. И это не потому, что в родном языке формул прощания мало. Хотя сравнение показывает, что в русском речевом этикете таких формул больше и они разнообразнее. В русском речевом этикете главная формула прощания – «До свидания/свиданья!». Другая часто употребляемая формула – «До встречи!». Может показаться, что это то же самое, что и «До свидания!», но на самом деле здесь есть нюанс, едва уловимое различие. «До встречи!» обычно говорят, когда предполагается очередная встреча. Прощаясь, например, с малознакомым человеком, или с тем, с кем такая встреча не предполагается, эту формулу практически не употребляют, ограничиваясь этикетной «До свидания/свиданья!». При этом, если встреча намечена на какое-то в той или иной степени определенное время, могут сформулировать прощание и с таким

уточнением: «До лета!», «До завтра!», «До вечера!», «До утра!», «До будущей недели!», «До скорого!» и т.п. Если предстоящая встреча связана с каким-то событием, совместным мероприятием, в формуле прощания может содержаться указание и на это: «До свадьбы!», «До матча!» и т.п. В прощании может содержаться информация и о месте встречи: «До встречи в Москве!», «До встречи у тебя!». Вариантов формул с элементом «встреча», как видим, много.

В соответствующем контексте и ситуации в значении прощания с пожеланием могут выступить самые разнообразные словосочетания и высказывания. Например, такие пожелания могут делаться, когда собеседники готовятся ко сну и прощаются на ночь. В этом случае в русском речевом этикете приняты прощания-пожелания *Спокойной ночи!* и *Доброй ночи!* Эти формулы могут быть развернуты, например, так: *Желаю Вам доброй ночи! Желаю Вам спокойной ночи! Доброй ночи Вам!* Возможно выражение того же значения прощания-пожелания и такой формулой, как *Приятных снов!*

При расставании, провожая кого-нибудь, кроме обычных *До свидания!* или *Прощайте!*, русские часто говорят: *Счастливого пути!*; *Желаю (Вам, тебе) приятной поездки! С Богом!* Выражение «С Богом!» характерно для разговорной речи, оно содержит особую разновидность пожелания – благословение, при этом нередко встречается в сочетании с глаголами движения: *Ступай(те) с Богом!*, *Поезжай(те) с Богом!*. Пожилые люди при расставании могут «опустить» обычную формулу прощания и употребить прощание-пожелание словами *Будьте здоровы!* или *Бывайте здоровы!* Такое прощание характерно для лиц указанного возраста и в городской, и в сельской местности. Такие формулы встречаются в речи у пожилых людей и от жителей сельской местности. Фамильярный, просторечный вариант такого прощания-пожелания встречается у лиц помладше и характерен для тех, кто не особенно заботится о соблюдении литературных норм в своей речи: *Будь здоров!* *Бывай здоров!*

Пожелание здоровья, благ и др. может быть дополнено во встречающейся иногда формуле-совете *Береги(те) себя!* Обычно ею пользуются, если провожаемый болен, или предрасположен к болезни, или отправляется туда, где его могут

подстергать какие-то опасности, риски. У чеченцев также принято в напутствие уходящему, отъезжающему говорить: «*Дала вочух ларвойла/ларйойла!*» «Да хранит(тебя) Аллах от плохого/бед!» или просто «*Дала ларвойла/ларйойла!*». Считается необязательным, но этичным ответить на это пожелание формулой благодарности «*Дела реза хийла!*» «Да будет доволен (тобой) Аллах!». Обычная у арабов и многих других народов, исповедующих ислам, формула «*Баркалла!*» (сокращение арабской фразы «баракат Алла»), пожелание божественного благословения, у чеченцев в таких случаях не принято употреблять, но это не просто замена одной благодарности-пожелания другой, а употребление общепонятной фразы «*Дела реза хийла!*».

Прощание (чеч. *вовшахкъастар*) в чеченском языке вообще формулируется как пожелание. Формул прощания, которые не содержали бы в себе пожелание, как таковых в чеченском речевом этикете практически нет. Свидетельство этому – приводимая ниже классификация форм прощания чеченского языка по ситуациям, в которых они употребляются, и выражаемым при этом значениям:

1. Прощание коллег после работы, прощание при расставании на некоторое время, в том числе и надолго и т.д. Наиболее распространенная, основная формула прощания в чеченском этикете – *Юдика йойла хъан//шу!* Прямого аналога в русском языке нет, передаваемое значение «Оставайтесь с добром!».

2. Прощание на неопределенное время с пожеланием мира, свободы, спокойствия: *Марша Йойла хьо//шу!* «Да пребудешь/пребудете ты/вы с миром, спокойствием!».

3. Прощание с пожеланием «доброго» пути, без ненужных преград, осложнений, приключений отправляющемуся в путь: *Некъ дика хуьлда хъан (шун)!* «Да будет твоя/ваша дорога хорошей!».

4. Прощание при расставании после траурных мероприятий (похорон, поминальных дней и т.д.), которым обмениваются их участники: *Дала диканехъ вовшах-тухийла вай! Дала диканехъ гойтийла вай!* «Да соберет нас Аллах (в будущем) на хорошем (радостном) мероприятии!».

5. Пожелание здоровья при прощании с больным после его навещения такими словами: *Дала могуш-маъриша гойтийла вай!* «Да увидимся мы по воле Аллаха здоровыми и свободными!», *Дала дарба лойла!* «Пусть Аллах дарует здоровье!», *Дала маршалла дойла хьуна (шуна)!* «Пусть Аллах дарует здоровье тебе/вам!».

6. При расставании на ночь так же, как, например, в русском речевом этикете, желают спокойной ночи коммуниканту: *Буйса декъала йогIийла!* «Да придет ночь благословенной!», *Буйса маъриша йогIийла!* «Да придет ночь спокойная от всего плохого!», *Буйса декъалхийла!* «Да будет ночь благословенной!».

7. В последнее время все чаще стали употреблять при прощании формулу *Гур ду вай!* «Увидимся (мы)!», аналогичную русской «Увидимся!».

Приведенные этикемы очень часто предваряются основной – *Иодика йойла хьан//шун!* «Оставайтесь с добром!». Например: *Иодика йойла! Марша Йойла хьо//шу!* «Оставайтесь с добром!» «Да пребудешь/пребудете ты/вы с миром, спокойствием!» *Иодика йойла! Некъ дика хуьлда хьан(шу)!* «Оставайтесь с добром!» «Да будет твоя/ваша дорога хорошей!». Тем самым в последующей этикеме – какой-либо из приведенных семантика прощания отходит на второй план, значение пожелания становится более отчетливым, первостепенным.

Прощание как элемент речевой этики – это не только слова, произносимые при расставании коммуникантов после встречи, мероприятия, совместного труда и т.д. Это может быть не обычное расставание на некоторое время с перспективой повторной встречи, а расставание на очень длительное время или навсегда: например, прощание с коллегами при увольнении с работы, прощание с покойным. В таких случаях, конечно, неуместна и не употребляется обычная, основная форма (русск. *До свидания!*, чеч. *Иодика йойла!*). Неуместны здесь и разговорные формулы типа *Пока! Увидимся! До встречи! До скорого!* (чеч. *Гур (ду) вай!*). Прощание с умершим у чеченцев – это пожелание покойнику прощения Всевышним его грехов, уготованности ему места в раю, выражаемое такими предусмотренными ритуалом формулами, как *Дала гечдойла кхелхинчунна!* «Да простит Бог (аллах) грехи покойному!», *Дала декъалвойла дIакхелхинарг!* «Да благословит Бог (Аллах) отошедшего в мир иной!», букв. «переселившегося»; *Дала ялсаманин хьаша войла!* «Да сделает

(его) Бог (Всевышний) гостем рая!». Это если умерший – взрослый человек. Формула *Дала гечдойла!* редко используется на похоронах ребенка или подростка первых лет подросткового возраста, так как считается, что ребенок не мог совершить грехи, за которые с него может быть спрос в судный день, и просить Аллаха нужно не о прощении грехов, которых у него нет, а о том, чтобы его смерть в таком возрасте оказалось во благо оставшимся – его близким. Поэтому обычная формула в таком случае – *Дала ялсаманенна пайдехь войла! /йойла!* «Да сделает Бог (Аллах) (его/ее) полезным для рая!», т.е. «Пусть его -/ее смерть откроет врата рая для его близких». Перед тем, как произнести слова соболезнования по случаю смерти, обязательно прочтение молитвы (вслух или про себя), в которой, обращаясь к Аллаху, просят его о прощении грехов и покойнику, и всем его близким и родным, и тем, кто тем или иным образом имеет отношение к нему и т.д.

2.4. Compliment как особая форма похвалы

То, что мы приняли такой порядок – рассмотрение похвалы и комплимента сразу после приветствия и прощания, не случайно. Дело в том, что самым подходящим моментом для комплимента является первый момент встречи, когда произносятся обращение и поздравление, к тому же, хотя не часто, комплимент оказывается уместным и при прощании, когда, например, один из коммуникантов/коммуниканток говорит другому/другой: *Со тешна йу, тIаьхьахула хьо сайна гича, хьо хIинца санна хаза а, самукъане а хир йу аьлла* «Надеюсь, в следующий раз увижу тебя такой же красивой и бодрой, как сейчас».

Одна из целей, которые коммуниканты преследуют во взаимном общении, особенно в его начале, является, безусловно, расположение собеседника к себе, привлечение его внимания и вовлечение его в доверительную беседу. И лучше всего это сделать посредством комплимента.

В чеченском языке слово комплимент (заимствование через русский язык, даже – из русского языка) употребляется редко, что, наверное, связано с возможностью использования в его значении исконно чеченской лексемы, вернее – словосочетания *тамехь дош* «приятное слово» [Мациев 1961: 225].

У одних народов комплименты принято отпускать в адрес обычно или даже исключительно представительниц женского пола, у других это или не принято, или допускается при тех или иных ограничениях. У чеченцев, например, комплимент в адрес женщины допустим, если это хорошая знакомая, с которой давние дружеские отношения, и в адрес девушки или молодой женщины со стороны парня, мужчины, в том случае, если это попытка знакомства с серьёзными намерениями. Но и при этом нельзя подчеркивать особенности частей тела, допустима только нейтральная оценка внешности с использованием эпитетов «красивая», «симпатичная», «прекрасная».

Чеченцы реже, чем русские, тем более французы или итальянцы, говорят другу другу комплименты, но вряд ли правильно считать, что такой элемент речевого этикета у чеченцев совсем отсутствует. И вообще, речевых культур, в которых нет этого элемента, просто, видимо, не существует. Он необходим в человеческом общении независимо от того, о каком этносе, языке, типе культуры идет речь. И в каждом языке находится, кстати, обозначение этого элемента, соответствующее семантически лексеме «комплимент». В чеченском языке это «*тамехь олу дош*» или, еще короче, «*тамехь дош*». Значение этого словосочетания, впрочем, шире, оно имеет в виду любое приятное для собеседника, того, кому адресовано или о ком оно сказано, слово, поэтому чеченский язык заимствовал и лексему «комплимент».

В этнических культурах разных народов комплимент имеет больше общего, чем различного. Различие не в значении, функции и назначении комплимента, а в том, насколько он характерен для конкретной культуры, кто, по сложившейся в этой культуре традиции, может быть объектом комплимента, с чем, если они есть, могут быть связаны ограничения в адресации комплиментов определенным категориям лиц, в том числе и особенно – по гендерным признакам.

Расположить к себе комплиментом, наверное, несложно, Иногда даже человек в общении с другим, производящим на него хорошее впечатление, приятным ему, просто говорит хорошие слова, которые воспринимаются как комплимент, поэтому издавна носители разных языков и культур задаются вопросом, а что, собственно, такое комплимент: это подчеркивание тех достоинств и качеств, которыми

человек действительно обладает, или похвала с лестью, приписывание хвалимому того, чем он на самом деле не характеризуется. Если второе, то это вряд ли можно считать комплиментом. Многие исследователи в этой области давно отмечают, что комплимент должен отвечать ряду признаков и требований, выходя за рамки, которых это не комплимент и не похвала, а просто лесть, которая вряд ли понравится самому хвалимому.

У чеченцев, как у русских и многих других народов, принято делать комплименты женщинам, девушкам. Это и комплименты женщин женщинам, и комплименты мужчин женщинам. Мужчины комплименты друг другу делают редко, и это особенность речевого этикета не только чеченцев, вообще всех северокавказских народов. Женщины во взаимных комплиментах, как правило, выделяют внешность, вкус в одежде, обычно через восхваление купленного другой предмета: *Мел хаза а ю ахь эзна коч!* «Какое красивое купленное тобой платье!» (на самом деле это похвала вкусу женщины, выбравшей такое платье); *Ма хаза тойина ахь месаи!* «Какую красивую прическу ты себе сделала! / Как хорошо уложены твои волосы!»; *Хьобгахь товш ю хьуна и коч* «Тебе идет это платье»; *ЭхI, ма дика бос бу хьан тахана!* «Эх, как хорошо ты сегодня выглядишь!»; *И хаза месаи!* «Эти красивые волосы!»; *Буолар и ду-кх!* «Вот это походка!»; *Собаре кхочуш хIума дац-кх!* «Ничто не сравнится с терпением».

Самый распространенный у чеченцев комплимент связан с одобрением, даже преувеличенным восхвалением внешности, реже других качеств человека. Собеседники на самом деле обычно прекрасно знают меру этого преувеличения, но ни адресат комплимента, ни тот, кто его делает, не подают вида. Кстати, возможен и комплимент скрытый, который может быть не сразу понят и оценён. Часто это делается тогда, когда комплимент делается в форме вопроса, или оформляется конструкцией со значением предположения, или даже констатации того, какой ценой коммуникант достиг, добился того, о чем идет речь. Например: *ХIун делла ахь оцу кучах?*; *Мел еза хир ю хIара!* «Сколько ты заплатила это платье? Как, наверное, это дорого!»; *Нахана карош а йоцуш йолу и мачаи хьуна мичахь карийна?* «Люди найти которые не могут туфли ты где нашла?»; *Да ваххал мах белла хир бу-кх ахь кху кучах*

«Целое состояние ты заплатила, наверное, за это платье»; *Ахь духа къа а ма хый-гира хIара де тIекхачо гIерташ!* «Ты много трудился» (оценивается выдержка человека) и т.д. В связи с этим в работах по речевой этике, кроме принятого деления комплиментов на искренние и неискренние, их еще подразделяют на прямые (откровенные) и скрытые (завуалированные). Особого искусства и прекрасного владения ресурсами языка требуют комплименты второго типа. Обычно они бывают вызваны теми случаями, когда прямая похвала по тем или иным причинам может быть неправильно истолкована тем, кому она адресована, делающий комплимент не хотел бы, чтобы его похвала была истолкована как лесть адресатом или окружающими, но и не сделать комплимент нельзя, так как необходимо отметить действительно заслуживающие восхищения качества или поступки, прямо не обязательно называя их.

Комплимент в речевой этикете является, несомненно, важным элементом и тем средством, которое позволяет создать приятное настроение у общающихся, расположить их друг к другу, настроить того, кому комплимент адресован, постараться угодить собеседнику, быть максимально внимательным к нему. Обычно комплимент делает в легком, игривом тоне, но это не значит, однако, что это просто преувеличение качеств и заслуг восхваляемого. Комплимент должен быть в своей основе правдивым в том смысле, что качества, поступки, заслуги человека, кому он адресован, действительно у него есть, были, просто говорящий их несколько приукрашивает. При этом важно знать меру, конечно. Чрезмерно гиперболизировать восхваляемое не следует, и при этом в адрес одного и того же лица комплименты не следует делать очень часто: в этом случае они теряют свою прелесть и превращаются в обычную надоедливую лесть.

В чеченском этикете много общего с русским этикетом в использовании комплиментов, при наличии, конечно, и своих особенностей. Объяснить это можно тем, что русский и чеченский народы уже на протяжении длительного времени находятся в тесном контакте друг с другом, особенно – в последние десятилетия после возвращения из депортации, а эти контакты ведут к сближению во всем, в том числе – в культуре речевого общения. Необходимо учитывать также, что есть

общечеловеческие, универсальные правила, ценности не находятся в прямой зависимости от этнической, национальной, конфессиональной принадлежности, не зависят они и от контактов между этносами, населением каких-то территорий. В речевой этикете русских и чеченцев, например, широко распространены комплименты, связанные с внешностью, вкусом в подборе одежды по разным параметрам – цвету, фасон, соответствия моде и др., также комплименты, в которых восхваляются те или иные положительные качества человека, дающие, в том числе, гиперболизированную оценку результатов его деятельности и т.д. Приведем примеры некоторых из них: *И коч Иаламат товш ю хьогахь* «Тебе очень идет это платье»; *Ма озда (тамехь, хаза) кечло хьо!* «Ты/Вы так элегантно (красиво) одеваешься (одеваетесь)!»; *Иштта IатIар хуьлий а ца хьара-кх суна* «Я и не знала о существовании таких духов»; *Ткье итт шо ду а эр дац хьан* «Никто не даст тебе тридцать лет». Проведя тематическую классификацию комплиментов в чеченской речевой культуре на фоне русской, мы убеждаемся, что в обеих фактически выделяются одни и те же их типы. В одном комплименте может сочетаться оценка, в той или иной степени завышенная, по разным признакам. Например, когда женщине говорят «Ты несравненна!», это не просто оценка, пусть и завышенная, того, как выглядит женщина, но и оценка её аккуратности, внимания к себе, её исключительного вкуса и т.д.

В каждой этнической культуре есть, конечно, свои особенности в части комплиментов. Они связаны и с тем, что существуют какие-то запретные темы, которые не соответствуют традициям или религиозному воззрению того или иного народа, и с тем, что принадлежащие к разным национальностям могут относиться по-разному к одним и тем же качествам людей. У чеченцев, например, до сих пор не приветствуются комплименты женщинам и девушкам, исходящие от мужчин, комплиментами в основном обмениваются женщины, вообще представительницы женского пола в любом возрасте. Оценку, завышенную или вообще какую-либо, не принято давать частям тела, комплименты делаются обычно в связи с одеждой, ухоженностью, здоровым видом и т.д.

Речевой этикет чеченцев допускает, например, делать комплименты по внешнему виду человека, восторгаясь лицом (красивое лицо), волосам (пышные, волнистые и др.), осанкой и стройностью, тонкой талией, например. Уместными считаются комплименты типа: *И хаза бIаьргаш!* «Эти красивые/прекрасные глаза!»; *Шама-барра сай бу-кх!* «Вылитый олень!» или «Вылитая лань!»; *Иштта месаи дубххъара гуш ю-кх суна* «Такие волосы я первый раз вижу»; *Ишттачу куьйгаица Iаьржа буолх бар хъарам ду* «Такими руками грех выполнять тяжелую работу»; *Гподаюкь зингатап а юй-те иштта?* «Талия у муравья есть ли такая?». Можно делать комплименты внешнему виду в целом, не выделяя какую-то часть тела, в том числе тому, как человек одет: *Пхи шо хъалхачул а гIолехь ву-кх хьо* «Ты выглядишь лучше, чем пять лет назад»; *Бос-м вуон бац хъан* «Выглядишь ты (физически) хорошо/неплохо»; *Ма хаза кечъелла хьо тахана!* «Как красиво оделась ты сегодня!»; и т.п. В комплиментах, отпускаемых в адрес женщин, следует быть особенно осторожными, но и у чеченцев и русских, и у любых других народов этичными и поощряемыми являются комплименты, связанные с возрастом, – особенно приуменьшающие реальный возраст женщины: *Оцул шераш-м дера хир дацара хъан!* «Столько лет тебе не может быть, конечно!»; *Суна евзичхъана кхин хийцалуш яц-кх хьо!* «С тех пор, как я тебя узнал(а), ты нисколько не меняешься (не изменяешься внешностью)»; *Хьо-м къуон ма елла!* «А ты помолодела!»; *Хьо-м тIаьхь-тIаьхъа къонлуш ма ю!* «А ты все молодеешь!»; *Кхин хийца а ма ца елла хьо!* (хотя могло пройти много лет последней встречи) «Ты нисколько не изменилась» и т.п.

Особенно охотно чеченцы делают скрытые комплименты, когда напрямую о возрасте вообще не ведется речь, но задаваемый вопрос, как бы не относящийся к нему, оказывается комплиментарным именно по возрасту: «Женщина никогда не воспримет указание на свой реальный возраст как комплимент, тем более болезненно отнесется к преувеличению своего возраста. Поэтому «возрастные комплименты» все построены на разных способах приуменьшения возраста, подчеркивания, что собеседница не подвластна возрасту, даже хорошеет, молодеет с годами: *Хьо-м къуон ма елла!* «А ты помолодела!»; *Кхин хийца а ма ца елла хьо!* (по прошествии многих лет после последней встречи) «Ты нисколько не изменилась»; и т. п.

В некоторых ситуациях уместным и впечатляющим оказывается скрытый комплимент, часто в форме вопроса. Например, в ситуации, когда встречаются мать и её дочь и спрашивают у матери: *Хьан йиша юй хIара? Суна хаа а ца хаьара* «Это твоя сестра? А я и не знал»; *Шуьшиь ши йиша ю мьоттуш ву-кх со* «Мне кажется, вы сестры»; *Баккьаллий? Хьан иштта кхиина кIант хуьлийла-м ма дац* «Правда? Но у тебя не может быть такого взрослого сына»; и т. п.» [Арсакаева 2019: 526].

Комплименты могут быть связаны не только с внешностью человека, но и с его внутренним содержанием – умственными способностями, эрудированностью, мастерством, жизненной мудростью, остроумием: *Хьекьалан корта бу хьо!* «Умница ты!», букв. «Ума голова ты!»; *Оцул хьайгахь похIма а долуш хIинцалц мичахь вара хьо?* «С таким талантом, где ты был до сих пор?»; *Иштта говзанча эзарна юкьахь цхьаь а ца нисло* «Такой специалист не встречается даже один из тысячи [Арсакаева 2019].

Комплименты чаще всего встречаются в устной разговорной речи, но они встречаются и в языке художественной литературы в устах персонажей, как, например, в следующем примере из рассказов Я. Цуева: – *Хьо-м бакьволу художник ма хилла, – доккха садаьккхира йоIа* «– Ты, оказывается, большой художник, – глубоко вздохнула девушка» [Безаман чевнаш. Дийцарш 1990: 66].

Можно сделать комплимент, как это делается, например, подростками и молодыми людьми экспрессивно окрашенными лексемами типа «Супер!», но в целом это все-таки единицы синтаксические. В каждом конкретном случае коммуниканты по-разному и по разным поводам, руководствуясь разными мотивами, делают комплименты другим людям, к тому же в реальном общении комплиментом может оказаться все, что угодно. Хороший пример сказанного – это то, как обращение взрослого, даже пожилого человека к значительно более молодому просто по имени, которое может быть воспринято как выражение к нему особого уважения, особого к нему отношения, связанное с его особыми качествами, заслуживающими того, чтобы его обладателя даже старшие считали равней себе. Можно сделать комплимент человеку, не давая ему в открытом виде какую-нибудь оценку, а просто даже спросив, в какую библиотеку лучше записаться, или в какой ресторан лучше пойти

с друзьями. Это скрытый комплимент, так как тем самым вы подчеркиваете, что считаете его высокообразованным, начитанным, или полагаетесь на его вкус – в случае с рестораном. Возможности скрытого выражения комплимента весьма обширны и в каждом конкретном случае коммуниканты обычно импровизируют. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что каких-то устойчивых, воспроизводимых, стандартных комплиментарных формул не существует ни в русском и чеченском, ни в каком-либо другом этикете. Хотя, конечно, есть часто употребляемые выражения типа *Мел хаза го хьо тахана!* «Как Вы прекрасно выглядите!»), *Ма хаза бу хьан бIаьргаи!* «Какие у Вас красивые глаза!», *Тахана къаьсттина хаза ю хьо!* «Вы сегодня особенно прелестны!», которые, впрочем, не обязательно могут оказаться комплиментом, это может быть и объективная оценка качества или состояния, о которых идет речь. Можно, конечно, выделить наиболее распространенные выражения, которые особенно нравятся представителям той или иной этнокультуры, но и их содержание может быть выражено по-разному, не обязательно одними и теми же словами.

Вместе с тем, в этике любого этноса или социума существуют определенные правила, соблюдение которых необходимо для достижения желаемого эффекта и для того, чтобы не попасть в неловкую ситуацию, не оказаться в положении неумелого льстеца, не вызвать недовольство или снисходительное отношение того, в адрес кого делается комплимент. Эти правила мы рассмотрели выше, и они являются, по сути, универсальными, с некоторыми, может быть, особенностями, соблюдаемыми в разных этнокультурах.

2.5. Поздравление и пожелание

Поздравление (декъалвар) в чеченском речевом этикете относится к числу исконных и древних элементов речевого этикета. Поздравляли у чеченцев с религиозными праздниками, женитьбой или замужеством, рождением ребенка, постройкой дома и новосельем, с хорошим урожаем и многие сотни лет назад, но поводов для поздравлений в новое время, которое условно хронологически можно очертить

прошедшим столетием, стало больше. Если раньше, например, дни рождения и юбилеи не отмечались, и не было принято с этим поздравлять, сейчас это делают еще с ранних лет. Раньше отмечали религиозные праздники, могли устроить празднование в связи с хорошим урожаем, других каких-то праздников не было. Сейчас чеченцы отмечают и общероссийские праздники, плюс еще свои республиканские. Не со всеми праздниками принято ходить друг к другу с поздравлениями, но с юбилеем в интеллигентской среде, например, поздравляют – и устно, и письменно, близкие и знакомые, коллеги по работе, однокурсники и одноклассники поздравляют с днем рождения, по таким случаям, как завершение строительства дома, покупка квартиры, дорогой машины, также нередко поздравляют. В общем, поздравление заняло место среди основных элементов этикета чеченского народа. Соответственно, для поздравления по тому или иному поводу используются речевые формулы с соответствующей случаю семантикой.

То, что в этот параграф наряду с поздравлением включено и пожелание, не случайно. Дело в том, что в речевом акте они обычно совмещаются: поздравляя с тем или иным событием, достижением, приобретением, это поздравление дополняют пожеланием. Более того, в одной и той же этикеме то и другое могут быть совмещены.

Коммуникемы поздравления и пожелания – это реакция на то, что уже произошло, случилось, или должно наступить в ближайшее время. С днем рождения поздравляют, например, и накануне, за день, и в самый день рождения. Но в связи с некоторыми событиями это делают лишь после того, как они состоялись. С рождением сына, замужеством или женитьбой, выходом в свет книги, новосельем, например, можно поздравить только после.

В чеченском языке этикемы в функции поздравительных формул – единицы пропозитивные, если включают в себя спрягаемый глагол *декъалван* «поздравлять» в соответствующей форме, и нечленимые синтаксические единицы в той же функции без выраженных признаков пропозитивности, если глагол опущен, например: *Дезчу денца!* «С праздником!», *Керлачу шарца!* «С Новым Годом!», *Винчу денца!* «С днем рождения!» Приведенные примеры показывают, что основу

эллиптических формул и в чеченском языке составляют существительные в творительном (орудном) падеже.

Глагол *декъалван* в чеченском языке, который в словарях переводят как «поздравить; приветствовать» [Мациев 1961: 137], в реальном своем употреблении имеет и другое значение, не приводимое в словарях. У А.Г. Мациева нет к тому же и глагола *декъалхила* «стать благословенным, удостоенным милости Аллаха». Оба глагола употребляются в особых случаях не как поздравление, а только как пожелание, используются по случаю чьей-нибудь смерти при выражении соболезнования на похоронах, в общении с родственниками и вообще при упоминании недавно умершего: *Дала декъалвойла! Дала ялсаманенан хъаша войла // йойла!* «Да уготовит ему (ей) Бог (Аллах) место в раю!» (букв. «Пусть Аллах сделает его (ее) гостем рая!»). Не зная этого нюанса, иногда, намереваясь поздравить кого-либо, обращаясь к кому-либо, произносят по сути двусмысленное пожелание: *Дала декъалвойла хьо!* Не понимая, что на самом деле речь идет о пожелании, чтобы после его ухода в мир иной Аллах благословил его, простил все грехи и счёл достойным рая. В случае поздравления следует употреблять глагол «*декъалван*» в изъявительном наклонении: *Ас декъалво...* «Я поздравляю...»; *Хьо декъалван лаба суна* «(Я) хочу тебя поздравить». В форме желательного наклонения и в сочетании со словами *Дела, Аллах!* глагол имеет другое значение и в контексте поздравления его не следует употреблять. Конечно, *Дала декъалвойла хьо, Муса! Машар а, барт а, аьтто а, ирс а хуьлда хъан хIусамехь!* «Пусть Всевышний помилует тебя! Пусть в твоём доме будет мир, согласие успех и счастье! Пусть в твоей семье царят дружба, удача и счастье». Поймут правильно, но даже такие формулировки лучше все-таки строить иначе. Например, так: *Ас декъалво хьо, Муса! Дала машар а, барт а, аьтто а, ирс а латтадойла хъан хIусамехь!* «Я поздравляю тебя, Муса! Пусть в твоём доме будет мир, согласие, успех и счастье! Пусть в твоей семье царят дружба, удача и счастье».

Обычные поздравления у чеченцев, следующие:

Керлачу шарца! Дала ирс лойла хьуна! (Дала ирсе дойла хъан дахар!); «С Новым годом! Желаю тебе (вам) счастья!»

Дала могошалла а, безам а, марзо а лойла хьуна! «Желаю тебе (вам) здоровья, любви, успеха (удачи)! Желаю тебе (вам) крепкого здоровья, любви и тепла!»

Дала аьтто бойла хьан (шун)! «Пусть Аллах даст удачу! Желаю тебе (вам) удачи!»;

Декъалйо (до) хьо (шу) 8-чу мартаца! «Поздравляю тебя (вас) с 8 Марта!»

Дала ирсе дойла хьан дахар! «Желаю тебе (вам) счастья!» и др.

Такие поздравления могут разворачиваться, дополняться различными пожеланиями, которые являются уже импровизированными каждым, кто поздравляет, например: *Дала тIедогIуш долу Керла шо беркате хуьлийтийла!* «Пусть Новый год будет баракатным (плодотворным)!».

Керлачу шарахь дагахь мел дерг кхочушихилийтийла хьан! «Пусть в Новом году все твои мечты сбудутся!».

Независимо от того, по какому поводу и с чем поздравляют, поздравление в чеченской речевой культуре всегда сопровождается пожеланиями. В русском языке с пожеланием совмещена не всякая поздравительная этикема, поэтому пожелание обычно следует за поздравлением. В чеченском сама поздравительная этикема, как правило, является и пожеланием (обычно это пожелание благословения Бога (Аллаха), его покровительства и т.д.), и при этом после нее идут уже конкретные пожелания. Например, поздравление с днем рождения (чеч. *вина / йина*) *де*): *Дала декъала войла (йойла) хьо винчу денца!* «С днем рождения тебя!». *Дала ирс долуш, могошалла йолуш дуккха яхайойла (вахавойла) хьо!* «Желаю (-ем) Вам (тебе) счастья, здоровья и долгих лет жизни!»

В чеченской и иных культурах принято поздравлять друг друга с теми или иными достижениями, успехами, делая это пафосно и с некоторым преувеличением, т.е. делая комплимент. Подобная похвала, нередко чрезмерная, переоценивающая реальное достижение, результат, делается для того, чтобы это послужило стимулом, настроило адресата похвалы на соответствие тому, что сказано в комплименте. Важность и полезность похвалы подчеркивается в устном народном творчестве – чеченском и любом ином. Например, у чеченцев есть такие пословицы: *Диканиг алар пайдехь ду* «Доброе слово полезно»; *Хазачу дашо ча*

хелхаяьккхина «Красивое слово медведя заставило станцевать»; *Хазачу дашо*
Гуьргара лаьхьа баьккхина «Красивое слово змею из земли выманило» и др. [Чечен-
ский фольклор 1991:199].

Поздравление в чеченском языке практически всегда совмещено с пожеланием. Высказывание тех или иных пожеланий при поздравлении свойственно и русскому этикету, и иным национальным этическим культурам. Однако особенность чеченского речевого этикета в том, что то и другое совмещаются в одной и той же формуле. Когда на русском языке говорят: «Поздравляю тебя с...», в этом пожелания еще нет. Оно появляется после поздравительной этикемы: «*Поздравляю тебя с восемнадцатилетнем! Желаю долгих лет жизни, здоровья, счастья, личного благополучия, успехов во всех твоих начинаниях...*» и т.д. В чеченском языке во многих случаях сама поздравительная этикема (*декъалво* «поздравляю») может и не употребляться, ее замещает пожеланием, которое считается и поздравлением. Например, построившему дом и купившему квартиру говорят: *Беркате хЛусамаш йойла!* «Да сделает (Аллах) добром наполняющимся дом!»; *Ирс долуш дахар хийла кху хЛусамашкахь!* «Да будет жизнь в этом доме счастливой!». В таких случаях собственно поздравительная этикема (типа *Ас декъалво хьо керлачу хЛусамца!* «Я поздравляю тебя с новым домом/жилем!») практически не встречается. Такие пожелания-поздравления характерны и для случаев женитьбы или замужества (опять-таки взрослые поздравляют родителей, прародителей, самих молодых – их ровесники). Поздравительная этикема характерна, когда поздравляют с днем рождения, окончанием школы, любого учебного заведения, победой на каких-либо состязаниях (спортивных, в конкурсах, на олимпиадах и под.): *Декъалдо шу Керлачу дешаран шарца! Дешар тIехь баккхий кхиамаш хуьлийла шун!* «Поздравляю вас с новым учебным годом! Желаю вам больших успехов в учебе!»; *Декъалдо шу компани кхоьллина ткъа шо кхачарца. КхидIа а кхиамашца кхуьийла* «Примите мои поздравления по случаю двадцатой годовщины со дня основания вашей компании. Желаю дальнейшего процветания» и т.п. Она появляется и в рассмотренных выше случаях, когда это поздравление от официального учреждения/организации, общественного движения, какого-либо коллектива, оформленное, как правило, на бумаге.

Как уже отмечено, поздравление в чеченском языке практически всегда совмещено с пожеланием. Высказывание тех или иных пожеланий при поздравлении свойственно и русскому этикету, и иным национальным этическим культурам. Однако особенность чеченского речевого этикета в том, что то и другое совмещаются в одной и той же формуле, которая по существу является конвенциональным поздравительным речевым актом, равноценным поступку. Тот факт, что подобные речевые формулы сочетают в себе функцию единицы речевого этикета и функцию выполнения речевого действия, позволяют квалифицировать чеченские поздравления-пожелания как этикетный перформатив.

Считая, что поздравление, как правило, сопровождается пожеланием, мы должны иметь в виду, что пожелание может быть высказано и вне поздравления. То есть пожелание может быть и самостоятельным «скриптом», не обязательно приуроченным к какому-то особому торжественному, праздничному событию, мероприятию. Пожеланием завершается, например, письмо, в конце которого адресант желает адресату и обычно также его родным, например. Если у адресата были какие-то проблемы со здоровьем, или он перенес какую-то беду, у него случилось несчастье, желают, чтобы это не повторилось, чтобы впредь его обходили стороной все беды и несчастья, болезни. В чеченском речевом этикете всегда, даже в десятилетия насаждавшегося атеизма, пожелания, как правило, формулировались с апеллированием к Богу (Аллаху): *Дала ирс, аьтто, мogaшaлла лoйла хьуна! Дала мoгуш-мaьршa даxaдoйла шу! Дала аьтто бойла! Дала Iалашдoйла (войла, йoйла) хьo (шу)! Дала иман-беркат ма эшaдoйла! Дала аьтто бойла хьан!* «Бог (Всевышний) пусть даст тебе удачу!»; *Дала некъ нисбойла хьан!* «Бог (Всевышний) да сделает твою дорогу легкой и удачной!», *Дала мoгуш-мaьршa цIa вepзaвoйла!* (об уходящем на службу или отбывающем надолго сыне родителям или пожелание самому отбывающему) и т.п. В русском речевом этикете подобные этикемы с упованием на Бога также встречались часто, их избегали только в партийно-правительственных кругах, но простые люди, особенно сельчане, без оглядки на что-то обменивались пожеланиями, связываемыми с волей Всевышнего: *Дай Вам Бог счастья! Пусть Бог даст Вам многих лет жизни, здоровья, всех благ!*

Пожелания могут быть, как определено исследователями, общего характера и частного. Пожелания общего характера – это стандартные этикетные формулы, желающие здоровья, счастья, успехов, удачи во всём. Без конкретного указания, в чем именно желают, например, удачи и успехов. Пожелания частные содержат в себе указание, чего именно, в чем желают. Желают, например, хорошо отдохнуть в санатории, на море, хорошо сдать экзамен(ы), отличного настроения, скорого выздоровления тому, кто отправляется на лечение, успешных деловых переговоров, хорошей торговли и т.д. Поводы для таких пожеланий могут быть самые разные. Наиболее часто используемые при этом общие коммуникемы: *Дала аьтто бойла!* «Пусть Бог (Аллах) даст удачу!», *Дела накъост хийла!* «Пусть Бог (Аллах) содействует/помогает!». После них следуют частные. Так, например, чеченцы поздравляют по поводу повышения на работе так: *Дала тIаьхье беркате йойла хьан!* «Пусть результат будет баракатным (плодотворным); *Дала аьтто бойла хьан!* «Пусть Всевышний дарует тебе удачу». При покупке нового автомобиля или чего-нибудь другого: *ГIоза лелайойла машен* «Пользуйтесь с радостью!»! *Дала Iалашвойла хьо!* «Пусть Всевышний тебя оберегает»; *Дала тIаьхье беркате йойла хьан!* «Пусть результат будет баракатным (плодотворным)». При замужестве или женитьбе родственников: *Дала цхьабарт бойла!* «Пусть Всевышний не лишает согласия! Пусть живут в мире и согласии!»; *Дала ирсе дойла церан дахар!* «Пусть их жизнь будет счастливой»; *Дала тIаьхье беркате йойла!* «Пусть результат будет баракатным! Пусть будущее будет баракатным». При рождении сына: *Дала беркате доьзалхо войла!* «Пусть будет баракатным членом семьи»; *Дала дуккха вахавойла!* «Пусть Всевышний дарует долгие годы». При рождении дочери в чеченском языке такие этикемы: *Дала ворхI вешин йиша хилийтийла!* «Пусть будет сестрой семерых братьев»; *Дала ирсе йойла!* «Пусть Всевышний сделает счастливой!»; *МуьтIахь беркате доьзалхо йойла!* «Пусть будет баракатным и преданным членом семьи» и т.п.

«Пожелания – неисчерпаемый материал для исследования. В жизни человека, народа происходит много событий, с каждым из которых могут быть связаны поздравления, соболезнования, пожелания и др. В чеченском речевом общении очень

много пожеланий, адресатами которых являются люди, оказавшиеся в разных обстоятельствах, имеющие разные качества» [Арсакаева 2018: 93].

Отдельного обстоятельного рассмотрения заслуживают, наверное, пожелания детям у чеченцев. «В качестве словесной ласки для детей употребляют, скажем, такие формулы: *Хьо хила хаза!* «Будь ты красивым!», *Хьо хила ворхI вешин ваша!* «Будь ты братом семи братьев!», *Дукха вехийла (йехийла) хьо!* «Живи долго ты!» и многие другие [Там же; 91]. Достаточно много в чеченском речевом этикете формул с сочувственными пожеланиями тем, кто оказался в беде, перенес несчастный случай, тяжелую болезнь и т.д. В таких случаях принято говорить: *Дала Иалашвойла (-йойла) хьо!* «Аллах тебя да бережет!»; *Дала зенах, зуламах ларвойла хьо!* «Аллах да бережет тебя от ущерба и беды!»; *Эзар балех ваьлла (ьялла) хуьлийла!* «Тысячу несчастий избегнувшим да будешь (ты)!». Есть пожелания отправляющимся в дальний путь, особенно если он рискованный, начинающим какое-нибудь дело предпринимателям и т.д.

Жизненных ситуаций (скриптов), в которых возможны пожелания, много, все учесть и проанализировать вряд ли можно даже в отдельной специальной работе. Причем появляются новые «скрипты»: происходят новые и новые события, появляются новые даты, праздники, по поводу которых появляются и новые разновидности пожеланий.

2.6. Благодарность

К важнейшим, наилучшим качествам человека во всех, наверное, без исключения этнических культурах относили и относят до сих пор такое, как его умение быть благодарным: людям – за то, что они помогли в чем-то, отвели от него какую-то беду, спасли от стихийного бедствия, в какой-то иной ситуации, в которой грозила опасность, оказали услугу, сделали подарок и т.д. И, наоборот, качество неблагодарности относится к числу наихудших, проявивший в соответствующих ситуациях это чувство человек теряет уважение окружающих, с ним не хотят контактировать, ему ни в чем не доверяют.

Благодарность – это чувство признательности, но это еще и различные способы выражения этого чувства, которые нас интересуют, в первую очередь, в этой работе, т.е. различные этикетные формулы. Благодарность относится, безусловно, к одним из обязательных проявлений речевого этикета, в той или иной форме благодарность присутствует в речевом поведении людей независимо от их этнической, конфессиональной или социальной принадлежности. В разных речевых культурах формулы благодарности в чем-то разные, но все они подчинены общему принципу вежливости, доброжелательности. Человек, которому в чем-то помогли, кому оказали услугу, выражает свою признательность за это и готовность ответить тем же при необходимости, при случае. Делается это носителями разных культурных традиций по-разному, поэтому исследователи и выделяют характерные для каждой из культур этикемы благодарности.

В чеченском языке формула благодарности *Дела реза хийла!* «Пусть Аллах будет доволен тобой» употребляется так же часто и в том же значении, что и русская этикема «спасибо» Тот, кто обратится к словарю, может нам возразить, так как у А.Г. Мациева и А.Т. Карасаева в «Русско-чеченском словаре», например, приведено в качестве перевода слово «баркалла» и «Дела реза хийла!» в соответствующей словарной статье даже не упоминается [Карасаев, Мациев 1978: 58]. Вряд ли, однако, составителю этой части словаря (с буквы «п») А.Т. Карасаеву не было известно, что в реальном речевом общении чеченцы выражают свою благодарность преимущественно благодарностью-благопожеланием «Дела реза хийла!», соответственно значительно реже – словом «баркалла». Хотя по своему значению эти две формулы особо не различаются. Слово *баркалла/баркал* – это имя существительное, склоняемое и имеющее форму мн.ч., переводимое, кстати, А.Г. Мациевым как «спасибо» [Мациев 1961: 55]. Хотя в источнике заимствования – арабском языке это сложное слово – композит, составленное из двух: *барк АллахI* «благословение Аллаха». Точно так же в качестве существительного это слово используется как формула благодарности в языках других кавказских народов: ср. аварск. *баркала*, лакск. *баркалагъ*, чамал. *баркалла* и т.п.). И во всех этих языках, и в чеченском слово употребляется и как обычное существительное, не как этикема

благодарности: *Цо массарна а баркалла элира* «Он всем спасибо сказал»; *Кхин цхьа а баркалла а доцуш дуьсур ду-те ас динарг?* «Неужели без всякой благодарности останется мной сделанное?». С русской этикетой «спасибо» в большей степени соотносится, если смотреть с точки зрения структуры и значения, *баркалла*, а не «Дела реза хийла!». Ведь русск. «спасибо», согласно М. Фасмеру, «из **съпаси богъ*» [Фасмер 1987: 732]. Семантически они, конечно, различаются: в *баркалла* речь идет о благословении Аллаха, а в *спасибо* о его покровительстве, но для обеих религий это не очень существенная разница.

Благодарность может быть и «скрытой» в похвале, когда тот, кто благодарит, дает оценку щедрости, доброты, бескорыстности другого: *Ма дика а, ковмарша а стаг хилла хьо!* «Какой хороший и щедрый человек ты оказался!»; *Хьан комаьршаллин йист яц!* «Края (меры) нет твоей щедрости!»; *Ма дика адам ду хьо!* «Какой ты хороший человек!» и др.

В чеченском речевом этикете, кроме «*баркалла*» и «*Дела реза хийла!*», так же в употреблении и другие этикетмы, содержащие, как правило, благопожелание тому, кому адресована благодарность: *Дала аьтто бойла!* «Пусть Бог (Аллах) благоприятствует (помогает) тебе!»; *Дала кьинхетам бойла!* «Пусть Бог (Аллах) смилостивится над тобой!»; *Со санна Дела реза хийла хьуна!* «Пусть Аллах будет тобой так же доволен, как я!», *Дала дог хьастийла хьан!* «Бог (Аллах) да приласкает твое сердце!», *Дала диканца бекхам бойла хьуна!* «Бог (Аллах) добром да воздаст тебе!»; «*Дала шен дуьхьа дойла ахь мел динарг!* «Бог (Аллах) во служение ему пусть зачтет всё тобой сделанное!» и др. С «*баркалла*» в своей основе благодарность может иметь множество вариантов, в которых благопожелание с упоминанием Бога (Аллаха) явно не выражено, но стоит за самим словом «*баркалла*», происхождение которого выше разъяснено: *Баркалла хьуна!* «Спасибо тебе!»; *Ас даггара баркалла боху хьуна!* «Я сердечно благодарю тебя!»; *Доккха баркалла ду хьуна сан а, сан накьостийн а!* «Большое спасибо тебе от меня и моих друзей!». Иногда в благодарности-пожелании упоминается имя Пророка: *Дела а, Элча а реза хийла хьуна!* «Бог (Аллах) и Пророк пусть будут тобой довольны!)). Чаще всего в речевом общении чеченцев-мусульман встречаются именно такие формулы благодарности, и все они,

как видим, если не исключать этикетки с неявным упоминанием Бога (Аллаха), являются благодарностями-благопожеланиями.

Таким образом, благодарность – это особый «жанр» в системе речевых этикетных формул с безграничными возможностями формулирования фраз с выражением благодарности.

2.7. Извинение и прощение

В жизни человека случается довольно много происшествий, которые наносят кому-либо ущерб, материальный или моральный, создают кому-то неудобства, не нужные ему проблемы, или же другому наносится обида, поведение и слова одного могут оказаться даже оскорблением, унижением другого. Чтобы загладить свою вину, осознавший это человек, обращаясь к обиженному, пострадавшему, просит простить ему его поступок, извинить его, давая понять, что сожалеет о случившемся и постарается впредь такое со своей стороны не допускать. Действие и слова этого рода называются *извинением*. Извинение – очень деликатный «скрипт», требующий от произносящего его особого внимания к тому, в какую форму он облекает свою просьбу об извинении. Очень часто можно слышать, как один обращается к другому со словами *Бехк ма биллалахь суна, аса хъайна халахетар динехь* «Извини меня, если я тебя обидел(а)». Вроде бы все правильно: человек просит извинения. Но ему стоило остановиться на первой части этого сложного предложения и обойтись без придаточной с условным значением. Тот, к кому обращаются с такой просьбой, с немалым на то основанием может обидеться повторно. Получается, что просьба неискренняя, высказывающий её на самом деле не чувствует за собой вины, говорит только ради приличия. Все дело в условном наклонении и союзе *если* в русском варианте. Если не уверен в том, что действительно обидел поступком или словом, нет, конечно, смысла и извиняться. Или, извинившись, просящий прощения, не ограничиваясь этим, тут же оправдывается или высказывает свое сомнение в собственно вине фразой типа *Бехк ма билла (къинтIера вала, амма, суна хетарехь...* «Прости(те)/ извини(те) меня, но я считаю, что...». Вряд ли после такого обиженный настроится на то, чтобы простить обидчика.

В русском речевом этикете основными, наиболее характерными в соответствующих ситуациях являются две этикемы – глаголы в форме повелительного наклонения, – «извини(те) и «прости(те)». Варианты – глагол «просить» в форме настоящего времени в изъявительном наклонении в сочетании с инфинитивами этих глаголов или существительными «извинение» и «прощение»: «прошу извинить» – «прошу простить», «прошу извинения» – «прошу прощения». Далее уточняется, какого (в чем) извинения или прощения ожидает говорящий. При этом необходимо иметь в виду, что между просьбой об извинении и прощении – существенная разница, которая известна не всем, и незнание этой разницы приводит к тому, что нередко о прощении просят по пустяковому поводу, а извиняются за серьёзный проступок, глубокое оскорбление. Если один не просто обидел, а нанес глубокую душевную травму другому, причинил серьёзный материальный ущерб или нанес оскорбление, которое обрекло другого на тяжелые, глубокие душевные переживания, просьба об извинении после этого выглядит вторым оскорблением и, конечно, тот, к кому так обращаются, волен эти извинения не принимать.

Такое различие между просьбой об извинении и прощении можно видеть и в чеченском речевом этикете. Русскому понятию «извинение» в чеченском соответствует понятие, выражаемое словосочетанием «*бехк ца биллар дехар*». Это выраженное словесно действие, смысл которого в том, чтобы добиться снисходительного отношения к совершенному проступку, неосторожно сказанному слову. Как правило, просьба об извинении обращена к конкретному лицу, которому нанесена обида или кому причинены какие-либо неудобства. Речь в данном случае не идет о серьёзной вине кого-либо перед другим. Используемая формула при этом – *Бехк ма биллалахь*, буквально означающее «Не возлагайте вину», а по смыслу больше соответствующее русск. «Не обессудьте». Извиняются, например, когда приходится побеспокоить кого-либо, попросив подвинуться, подать какую-нибудь вещь или передвинуть: *Бехк ма биллалахь, жимма дIахуьлур вацара хьо?* «Извини(те), не мог(ли) бы ты/Вы немного подвинуться?»; *Бехк ма биллалахь, и тIоьрмиг схьахьовдор бацара ахь?* «Извини(те), не мог(ли) бы ты/Вы подать ту сумку?». Очень часто, как показывают и приведенные примеры, извинения просят, когда просят

кого-либо, считая, что тем самым причиняют ему беспокойство или неудобство. При этом не всегда извиняются за уже совершенное действие. Нередко извинение приносится за то действие, которое извиняющийся только собирается совершить, зная, что это может причинить другому какие-то неудобства, может не понравиться ему. Например: – *Бехк ма биллалахь*, – *Льмигахь а воьрзуш, труба лере яьхьира Мартнакъас* «– Извини(те), – поворачиваясь к Лёме, поднес трубку к уху Мартнак» [Цуев 1990: 324]. Такие извинения встречаются часто, особенно в ситуациях на транспорте, в заведениях общепита и др., когда, например, человеку нужно пройти к какому-то месту, но его загораживает кто-то. Можно легонько дотронуться до плеча и, сказав *Бехк ма биллалахь...* «Извините...», движением дать понять, что вы должны идти в этом направлении.

Для просьбы о *прощении* в чеченском речевом этикете используется оборот *къинтIиэра вала (яла; довла) суна!*, употребляемый там, где уместно русск. «Прости/те» (не «Прошу прощения!»), уместное часто в тех же случаях, в которых применимо «Извините...»). Интересна интерпретация такой формы А.Д. Вагаповым, который пишет: «Лексикализация весьма странного для современного понимания словосочетания *къина* (дат. п. от *къа* «грех» *тIиэра* (с; с поверхности) *вāла* «сойти с (чьего-либо) греха»). Видимо, грех понимался как находящийся под ногами обиженного (истца) или под обиженным, ср. типологически чеч. *си тIиэра вāла* «не стой над душой», буквально «не стой на душе» [Вагапов 2011: 391]. Есть основание считать чеч. *къинтIиэра вала* и русск. «простите» соотносительными, но не тождественными этикетными формулами. В чеченском языке это формула, уместная в том случае, если кто-то совершил серьёзный проступок или даже преступление, нанес ущерб (моральный и/или материальный) другому/другим, нанес оскорбление, причинил вред здоровью и т.д. Если нечаянно наступил на ногу, задел плечом, перебил говорящего, например, причинил какое-то неудобство, просят именно об извинении, а не о прощении, следовательно, «*КъинтIиэра вала*» в таких случаях – этикема неуместная, достаточно просьбы «*Бехк ма билла(лахь)*». Этим, в сущности, и ограничиваются устойчивые речевые формулы, используемые в чеченском языке для просьбы об извинении и прощении. Возможны вариации рассматриваемых

двух формул на базе *бехк ма билла* и *къинтIера вала*, как это наблюдается и в русском речевом этикете с вариациями типа «Простите», «Прошу прощения», «Прошу простить»; «Извините», «Прошу извинения»: *Бехк ма билла(лахь); Бехк ца биллар доьху; Бехк ца буьллурий ахь?; КъинтIера вала(лахь); КъинтIера валар доьху; КъинтIера верий-те хьо?* и др.

Обращаясь к кому-либо с просьбой о прощении, во многих случаях саму причину, вызвавшую необходимость в такой просьбе, не называют, не говорят, за что нужно простить. В конкретных речевых ситуациях это оказывается ненужным, так как оба эту причину знают. Хотя ситуации и обстоятельства могут складываться по-разному и, следовательно, потребоваться разъяснения. Чаще всего это связано с извинениями, адресованными определенному кругу лиц или более широкой аудитории: *Извините за причиненные неудобства* (в связи с ремонтом, закрытием того или иного учреждения, прохода и т.д.); *Бехк ма биллалахь хьо меттахваккхарна* «Извини, что побеспокоил». И в детской, и во взрослой жизни поводы для извинения встречаются на каждом шагу (кого-то нечаянно толкнул, наступил на ногу, не успел пропустить вперед, создал какую-то иную помеху). Дети не всегда обращают внимание на свои поступки, проделки, неосторожные движения и не всегда считают нужным извиняться «по мелочам», а в случае, когда извиняются, ограничиваются формулой *биехк ма билла* «извини /те/». В общении взрослых извинения встречаются чаще и сами их формы разнообразны: здесь наряду с *Биехк ма билла!* «Извини(те!)» в том же значении нередко используется форма *КъинтIера вала!* «Прости(те)!», встречается нередко «Виноват» (чаще в устах немолодых людей). В общении на русском языке к «Простите!» и «Извините!» не всегда, но часто добавляют еще «пожалуйста» («Извините меня, пожалуйста!», «Простите, пожалуйста!»). Но это в речи на русском языке, в чеченском лексического соответствия русск. «пожалуйста» нет, это значение передается соответствующими формами просительного и настоятельно-просительного наклонений: *алахья, алахьара* «скажи, пожалуйста».

Просьба о прощении и само прощение (*къинтIераваккхар* и *къинтIеравалар*) имеет глубокий нравственный, даже сакральный смысл. Не случайно и чеченцы-

мусульмане, и русские, исповедующие христианство, считают, что предстать перед Всевышним не прощенным своими ближними и, тем более, теми людьми, которым причинил горе, нанес другую серьёзную душевную травму и т.п., это грех, за который придется расплачиваться в адском огне. Поэтому, например, у чеченцев человек на смертном одре, или вообще чувствуя приближение смерти, в первую очередь беспокоится о том, чтобы получить прощение всех, кого мог так или иначе, глубоко обидеть. В том числе считается обязательным расплатиться с долгами. Не всегда это удается сделать: конец земной жизни может наступить в любой момент. В этом случае у чеченцев, например, перед тем, как отнести (отвезти) покойника на кладбище, выносят его на специальных носилках во двор, ставят на землю и обращаются ко всем присутствующим с вопросом о том, не является ли он чьим-либо должником. Если обнаруживается, что да, семья покойника, или вообще его родственники, тут же выплачивают необходимую сумму. О своих долговых претензиях к покойнику обычно мало кто заявляет. Это делается в тех случаях, когда сумма очень большая. Как правило, все, кто присутствует, вслух заявляют, если покойник остался сколько-нибудь им должен, что простили этот долг. Поскольку кроме долговых обязательств, существуют и другие причины для прощения, читается специальная дуа (молитва), закрепляющая, что все присутствующие простили покойнику мелкие и крупные обиды.

Просьба об извинении или прощении не должна быть, с одной стороны, очень многословной, но, вместе с тем, во многих случаях требует и того, чтобы высказывающий просьбу объяснил коротко, в какой своей вине он признается, и дал понять, что постарается впредь такого со своей стороны не допускать. Кроме того, коммуниканты, перед которыми извиняются или у которых просят прощения, могут быть разные и по уровню отношений с ними, и по важности их отношения к себе, поэтому с просьбой об извинении или прощении обращаются, тщательно подбирая слова к обычным этикетным формулам. Если, например, парень каким-то необдуманно совершенным поступком или сказанным словом произвел плохое впечатление на девушку, или даже обидел ее, одного только чистого извинения в форме «Извини», «Извини меня», «Извини меня, пожалуйста» может оказаться

недостаточно. Так вряд ли удастся передать масштаб своей вины и убедить в искренности своего раскаяния и испытываемых к девушке чувств. В таких случаях необходимо, тщательно подбирая слова и заботясь об интонационном оформлении своего извинения, составить красивую фразу, которая задела бы чувства, заставила бы забыть о расстройстве, обиде. Примерно такую: «Конечно, я был неправ (поторопился; не подумал, как следует), и я очень сожалею об этом. Позволь мне исправиться, чтобы вернуть себе твою улыбку».

Признание своей вины, неправоты, как бы это не было трудно, – с моральной точки зрения поступок, характеризующий человека глубоко порядочного, искреннего. Некоторым кажется, что это как-то унижительно для того, кто просит прощения, встречаются такие, которые ни при каких случаях не желают даже просто извиниться. Такие люди заслуживают, в лучшем случае, снисхождения.

2.8. Сострадание и соболезнование

К важнейшим элементам речевого этикета в любой этнокультуре относятся «эмоциональные» событийные этикетные формулы – выражение сочувствия, утешение и соболезнование. Особо выделяется среди них соболезнование – своей обычно эмоциональной окрашенностью, а также ритуальным характером.

Из обозначенных в названии параграфа трех «скриптов» собственно речевым элементом является только соболезнование. *Сочувствие* (чеч. *дог лазар* – букв. «боль сердца»), синонимы в русском языке *сострадание*, *сопереживание* — это эмоциональное состояние, испытываемое кем-либо по поводу переживаний, страданий другого человека. Сочувствием следует считать и состояние, испытываемое при виде страдающего от боли, болезни животного.

Сочувствие, сострадание одновременно относятся также к категориям религии, философии, причем интересно, что и в философии, и в разных мировых религиях эти категории рассматривают неоднозначно. В исламе милосердие, сострадание к тем, кто испытывает муки, физические и душевные, является высшей ценностью.

Сострадание – это чувство, испытываемое по отношению к тому, кого постигло несчастье, кто испытывает боль и муки физические и душевные, кого постигла череда неудач и т.п. Но это, в сущности, не коммуникативный акт. Сострадают обычно молча, заявлять объекту сострадания об этом выглядит, как правило, как бестактность. Можно стараться найти пути и способы облегчить страдания, помочь, но далеко не всегда это можно сделать словами. Потому и нет в чеченском языке этикетных формул сострадания.

Соболезнование (в чеч. *кадам, кадамбар*) всегда связано с какой-нибудь скорбной ситуацией и событием: смертью, гибелью, стихийным бедствием, нанесшим тяжелый урон, другими событиями, принесшими несчастье, горе, значительный ущерб. В таких случаях пострадавшему, тому, кого постигли эти несчастья, выражают соболезнование. Сами используемые при этом формулы соболезнования, как правило, стилистически приподняты, эмоционально окрашены, искренние. Соболезнование по возможности принято выражать устно, но таких возможностей может не быть, если тот, кому оно выражается находится далеко. В таком случае соболезновать можно и письменно. В наше время обычными письмами мало кто пользуется, обычно письмо соболезнования отправляется по электронной почте, при отсутствии такой возможности отправляют СМС-сообщение. При этом чеченцы, выражая соболезнование чеченцу, стараются написать его на чеченском языке: соболезновать человеку не на его родном языке считается неприличным.

Самый распространенный вид соболезнования – это соболезнование в связи со смертью или гибелью человека. С этим обращаются к близким людям покойного. Соотносимое с русск. «соболезнование» понятие «*кадам; кадамбар*» имеет отношение, в первую очередь, к соболезнованию в связи со смертью. Помимо того, что это элемент этикета, выражение соболезнования у многих народов – это поминальный обряд, ритуальное действие, совершаемое не в любых условиях и не в любом месте, а, как правило, если есть хоть какая-то возможность, с посещением организованного для подготовки похорон и прощания с умершим места.

В словарях и иной литературе обычно указывают, что «тезет» – это «похороны» по-чеченски. Не совсем, однако, так. Дело в том, что *тезет* на самом деле – это место проведения поминок во дворе умершего, его близкого родственника, как правило – отца, сына или брата, куда соседи, односельчане, знакомые, коллеги по работе приходят выразить соболезнование близким умершего (погибшего).

В контексте речевого этикета в похоронных традициях в первую очередь нас должен интересовать, конечно, «мужской тезет». Собственно, чеченцы этим словом называют только тезет мужской, так как обряд женский имеет другое название – *биелхар* «плач»: каждая пришедшая выразить соболезнование женщина, или группа женщин, перед входом в помещение начинает плакать и продолжает плач еще некоторое время, после чего выражает соболезнование женщинам – близким умершего.

На чеченских похоронах соседи, знакомые, дальние родственники, вообще все, кто считают нужным сделать это (*кадамбан* – букв. «сделать соболезнование»), выражая соболезнование, используют такие слова и выражения, как: *Дала гечдойла цунна!* «Да прости ему Бог (Аллах) грехи!»; *Дала декъалвойла (йойла)!* «Да благословит его (ее) Аллах!». Это основные, употребляемые чаще всего, «стандартные» формулы, причем первая – самая распространенная. Формула *Дала гечдойла цунна!* может быть дополнена и такой: *Дала ялсаманин хъаша войла (йойла) цунах!* «Да уготовит ему (ей) Бог (Аллах) место в раю!» (букв. «Пусть Аллах сделает его (ее) гостем рая!»). Выбор из этих форм строго не регламентирован, но считается необходимым в первую очередь произнести первую формулу и затем, если подошедший считает нужным, добавить к ней одну из двух других или обе. Эти формулы произносятся после того, как после приветствия «*Ассалам Иалайкум!*» подошедший (или тот, кто во главе подошедшей группы) читает *дуа* – молитву (или это делает, после передачи ему этого права пришедшим, уполномоченный для этого кто-то из хозяев, или духовное лицо из присутствующих). Ответ на соболезнование стандартный – *Дела реза хийла!* «Да будет доволен (тобой) Бог (Аллах)!».

В зависимости от обстоятельств гибели покойного формулы выражения соболезнования могут видоизменяться. Если это похороны погибшего в бою за праведное дело: в освободительной борьбе, защищая Родину, спасая от гибели других людей, в борьбе за веру, соболезнование выражают формулой – *Дала глазот къобалдойла цуьнан!* «Да примет Аллах его газават!», но, как правило, предварив основной – *Дала гечдойла цунна!* «Да простит Бог «Аллах его грехи!». На похоронах несовершеннолетнего соболезнование может быть выражено иначе, особенно если это ребенок в возрасте, в котором не обязательно совершение намаза, соблюдение поста, т.е. до семилетнего. Считая, что в таком возрасте ребенок просто не может иметь грехов, не говорят «*Дала гечдойла!*» «Да простит (ему/ей) Бог «Аллах) грехи!», а произносят: *Дала ялсаманина пайдехь войла (йойла)!* «Да делает его (ее) полезным (ой) для вхождения (родителей) в рай!»; *Дала эхартана пайдехь войла (йойла)!* «Да сделает его (ее) Бог (Аллах) полезным для загробного мира!». В этом выражается основанная на исламском представлении о безгрешности детей уверенность, что сам покойный попадет в рай и благодаря ему могут открыться его ворота и для его родных.

При выражении соболезнования используются также следующие этикетные формулы: *Дала къинхетам бойла-кх цунах!* «Аллах да окажет ему милосердие!», *Аллах!а гечдойла!* «Да простит Аллах!», *Ялсаманица бекхамбойла цунна!* «Да вознаградит его (ее) (Аллах)!», *Дала гечдойла вай вешина/йишина!* «Да прости Бог (Аллах) прегрешения нашему брату!» (так обычно говорят, если покойный был близок и выражающему соболезнование). Покидая *тезет*, обычно повторяют слова соболезнования и часто добавляют: *Дала бисинчарна собар лойла!* «Пусть даст (Аллах) выдержку оставшимся!», *Дала ийманца собар лойла дакъа мел кхочучарна!* «Пусть даст (Аллах) с *иманом* (верой, покорностью ему) выдержку всем, кто разделяет это горе!».

Соболезнование мужчинами выражается без каких-либо эмфатических выражений, оно немногословно и обычно не содержит специального выражения утешения, сочувствия. Они могут дополнить соболезнование только напоминанием о том, что все мы смертны, всем уготовано свое место в загробном мире, таким

словами: *Дерриг а дала дезаиш ду-кх вай* «Все мы смертны (должны умереть)»; *Делан Йожалла вайга сацалур яц* «Предначертанную Богом (Аллахом) смерть нам не останавить»; *Иштта вовшийн дIа а хъежош даха дезаиш ду-кх вай* «Вот так нам уготовано провожать туда друг друга»; *Дерриг а ду-кха вай цу рогIехь* «Все мы (без исключения) в этой очереди (в загробный мир)»; *Дала кхоьллина ду-кх вай кху дуйнен чу* «Для смерти созданы мы в этом мире!» и т.п.

Если покойный умер после тяжелой продолжительной болезни, испытывая муки, к соболезнованию могут добавить: *Вайн карахь хIума дац и* «Не в наших это руках (не от нас это зависит)»; *Халахетаран дакъа ду-кх* «Разделяю (твое, ваше) горе»; *Бала хъегна вели-кх (ели-кх) иза* – в русском передается одним глаголом «Отмучился (отмучилась)»; *Хинца паргIат вели-кх (ели-кх) иза* – буквально: «Теперь успокоился (успокоилась) он (она)», т.е. «упокоился/упокоилась»; *Хъегначу балано ялсамане кхачор ву, Дала мукълахь* «Испытанные муки приведут в рай, по воле Бога (Аллаха)».

Особенность соболезнований в исламе и, в частности, у мусульман-чеченцев в том, что они, во-первых, практически без исключения связываются с именем Бога (Аллаха), и это выражается в том, что в известных этикетных формулах соболезнования содержится само имя – *Дела* «Бог; Аллах»; во-вторых, соболезнование является одновременно и пожеланием: на это указывает форма глагола с суффиксом *-ийла*, выражающим значение желательности или необходимости совершения действия, наступления события, выраженного глаголом.

Соболезнование сопровождается, как правило, словами утешения, сочувствия. Как отмечено выше, на мужском тезете ведут себя сдержанно, не давая воли эмоциям, поэтому соболезнование немногословно, эмфатичность (экспрессивность) используемым для его выражения этикетным формулам не свойственна. На проходящем параллельно по соседству другом обряде – *белхаре* «плаче» картина другая. Приход для соболезнования каждой женщины или группы женщин начинается с плача: уже перед входом в помещение (или навес во дворе, где обычно обряд устраивают в жаркое и теплое время года) женщины или всплакивают, или даже рыдают навзрыд (это обычно связанные родственными или другими

близкими отношениями), произносят слова соболезнования, практически общие с мужчинами (те же: *Дала гечдойла!* «Да простит (ему/ей) Бог «Аллах) грехи!»; *Дала кьинхетам бойла!* «Да смилуется Аллах над ним!» и др.), а затем, уже расположившись среди других, обращаясь к близким (матери, сестре, супруге, дочери и др.), говорят слова утешения и сочувствия. Такие, например: *Ваа, ма халахийти суна!* // *Ма чIогI халахийти суна* «Ах, как я опечалена!»; *Ма доккха хIума ду хIара!* *Ма боккха бохам бу хIара!* «Какое это большое горе!».

Говоря о похоронах, поминании усопших, нельзя обойти вниманием некролог – жанр газетной публицистики, который из русского речевого этикета заимствован и чеченцами. Это небольшой мемориальный материал, размещавшийся раньше, как правило, в газете, так как её периодичность позволяла быстро, оперативно сообщить о смерти недавно ушедшего из жизни человека. В наше время эта оперативность известна благодаря техническим возможностям, которые дают телевидение, Интернет, поэтому некрологи размещаются и там. Некрологи, как правило, с фотографией умершего в черной рамке. Размещаются также в учреждении, где покойный работал, иногда даже на улице и в общественных местах, если покойный был известной личностью. Не всегда, впрочем, некролог – краткое сообщение о смерти человека. Он может содержать в себе, особенно если размещается в газете, на каком-нибудь сайте в Интернете, описание жизни покойного, в нем называют заслуги умершего перед обществом, может быть сообщено о причине смерти (чаще всего это формулировки типа «скончался после продолжительной болезни») «скоропостижно скончался», «сообщаем о безвременной кончине», «сообщаем о трагической гибели»). В начале некролога, конечно, сообщается о дате смерти и о дате рождения, как правило. В наше время в некрологе часто выражают соболезнование родным и близким умершего, дают информацию о месте и дате погребения, о том, по какому адресу можно проститься с усопшим. Самое прямое отношение к этике имеет то, что в некрологах не принято давать критическую информацию о человеке, даже если её предостаточно. Обычно, если умерший был известен своими дурными наклонностями, принес много вреда

обществу, стране, не пользовался авторитетом даже в ближайшем окружении, некрологи в связи с его смертью просто не появлялись.

В чеченском этикете до сравнительно недавнего времени некролог как таковой отсутствовал. Его не могло быть, когда у чеченцев отсутствовала письменность, то есть сто лет назад. Но и после появления письменности долгое время широко распространенной практики публикации некрологов в имеющихся немногих печатных изданиях (газетах) не было. Если некрологи и появлялись, это были обычно сообщения о смерти государственных деятелей, известных общественных деятелей, которые могли опубликовать в республиканской газете «Серло» (впоследствии «Ленинан некъ», «Даймохк»). Одной из причин, по которой некрологи на чеченском языке не получили широкого распространения, являлось, видимо, и то, что некрологи с фото умершего (а без фото это и не совсем некролог) противоречат канонам ислама, запрещающим создавать и показывать изображения людей и животных, вообще каких-либо существ. Относительно фотографий, правда, среди самих богословов есть разные мнения, но считают все-таки, что лучше воздерживаться от размещения фотографий.

Тем не менее, в наше время некрологи у чеченцев, в том числе и на чеченском языке, появляются. В некрологах на чеченском языке в письменном виде присутствуют, как правило, основные формулы, используемые при выражении соболезнования на похоронах (*тезет*), причем в некрологе это не столько соболезнование, так как он имеет характер преимущественно информативный, не адресованный целиком кому-либо из родственников, сколько пожелание. Такие некрологи появляются по случаю смерти в учебных заведениях (обычно высших профессиональных), научных учреждениях, в государственных и муниципальных учреждениях. При этом необходимо отметить, что преимущественно такие некрологи, размещаемые на стенах учреждений, все-таки оформляются на русском языке. Это делается с учетом того, что в них содержится информация не только для чеченцев. В учреждениях работают, пусть и не в такой численности, как тридцать лет назад, представители разных национальностей, при этом их часто посещают коллеги, туристы, просто гости, для которых содержание некрологов

должно быть доступно. Однако и в таких некрологах, как правило, в конце дается типичная для чеченцев формула, используемая в таких случаях, с пожеланием прощения усопшему его грехов в этом мире и уготованности места в раю в мире загробном: *Дала гечдойла!* «Пусть Аллах смилуется над ним!»; *Дала декьалвойла!* «Да помилует его Аллах!»; *Дала ялсаманин хьаша войла!* «Пусть будет гостем в раю!».

Выводы ко второй главе

1. Термин «обращение», употребляемый обычно как собственно лингвистический, используется и в лингвокультурологическом значении. В зависимости от их социальных и ролевых признаков обращения подразделяются на несколько типов: 1) социально-ориентирующие (или ролевые) обращения. Это, в первую очередь, имена собственные: *Мохьмад*; *Минкаил*; *Зина*; *Малкан*; *Разет* и др. 2) гоноративные обращения (или вежливые формы обращения). Они содержат в себе выражение уважения, почтения, оценку положения объекта обращения в обществе: *Хьан сийлалла!* «Господин!»; *Хьан лаккхалла!* «Господин!»; *Хьан возалла!* «Господин!» «Ваше высочество!» и др. 3) прозвища: *Цициг* («кошка», женск.), *БунпIаз* «Карапуз», *БугIа* («бык»), *Чами* («ковшик; черпак»), *Сиеттабика* (о жеманящейся девочке, девушке, женщине); 4) термины родства и внутрисемейных отношений: *дада* «отец», *нана* «мать», *воккха дада* «дедушка», *ваша* «брат», *йиша* «сестра» и др.; 5) общие формулы обращения или вокативы типа *Нах!* «Люди!»; *КIант!* «Юноша!»; *Зуда-а!* «Женщина!»; *ЙоI!* «Девушка!»; *КIентий!* «Ребята!» и др. Обращение-окрик *ХIей!* «Эй!» считается не соответствующим этической норме.

2. Важным и обязательным элементом речевого акта является *приветствие*. Приветствие – важнейший элемент речевого этикета. Наиболее распространенные приветствия: *Ассаламу Iалайкум!* «Мир вам» (букв. «Мир над вами»). Ответ: «*ва-алейкуму ас-салям*»; *Буйса дика!* «Доброй ночи!», *Марша догIийла (йогIийла, догIийла)* «Добро пожаловать!», букв. «Да будет твой приход свободным!», приветствия-вопросы *Хьо вогIуш/йогIуш ву/ю?* – букв. «Ты идешь?», *Хьо ара-ваьлла/араяьлла* – «Ты вышел (на улицу)?», «*Хьо лаятта?*» – «Ты стоишь?».

Особенностью лингвокультуры чеченцев в части этикетных формул, в частности, приветствия, является то, что в чеченском языке нет чисто разговорных формул с отрицательной экспрессией.

3. В главе подвергнуты анализу все основные формулы прощания, особое внимание уделено прощанию с усопшими, которые прямо не включаются в коммуникему прощания как явления именно речевого этикета, но его необходимо рассматривать в контексте с ней, так как при этом используются регламентируемые ритуально значимые речевые единицы.

4. В главе специально рассмотрены и другие основные, наиболее употребительные и значимые элементы речевого этикета в рамках категории вежливости, с подробным системным рассмотрением используемых при этом этикетных формул, обнаруживающих и общие, и различные признаки в разных языках. Это комплимент, благодарность, извинение и просьба о прощении, соболезнование.

5. Характерной чертой чеченского речевого этикета является присутствие в большинстве «скриптов» апеллирования к Богу (Аллаху), и это особенно характерно для пожеланий, поздравлений, извинений и просьб о прощении, особенно – соболезнований. Вторая особая черта этических коммуникем чеченского языка – это то, что практически во всех из них наряду с основным значением (поздравление, благодарность, соболезнование, др.) присутствует второе значение – пожелание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В теоретико-методологическом отношении содержание работы дает основание присоединиться к тем исследователям, которые считают необходимым различать понятия «этика» и «этикет» и рассматривать как вербальные, так и невербальные способы и средства поведения в межличностном общении и в обществе в различных ситуациях. Среди них в первую очередь выделяются «скрипты» категории вежливости, вербализуемые в разнообразии этикетных формул, частью сходные и существенно различающиеся в разных культурах поведения и, в частности, речевых культурах. В своей работе мы рассмотрели их на материале чеченского речевого этикета. Речевой этикет является, несомненно, самым показательным элементом этнической культуры, в которой наиболее явственно, отчётливо проявляются взаимоотношения людей и их внутренняя культура, представляющая собой сплав поведенческого опыта предшествующих поколений и личностных качеств, во многом сформировавшихся благодаря этому наследству.

Понятия «этика» и «этикет», узловые для нашей работы, имеют одно общее лексическое ядро, оба связаны с правилами поведения, которого придерживаются члены человеческого сообщества. Но под этикой понимаются установленные правила поведения вообще, не обязательно связанные с межличностным общением. Это моральная категория, основу которой составляют такие слова, как «совесть», «приличие», без которой человеческая цивилизация как таковая невозможна. Этикет, видимо, «младше» в том смысле, что он является одним из проявлений этики, сложившимся в результате развития последней, получившим, в первую очередь, словесное оформление. Этикет – это, прежде всего, речевое поведение людей по установленным правилам и в принятых в данном человеческом сообществе (этноте, социуме) формах. Лингвокультурные «скрипты», оформляемые соответствующими этикетными формулами, разнообразны и многочисленны, охватывают все стороны жизни человека и общества: это обращение, приветствие, прощание, поздравление, пожелание, благодарность, просьба, соболезнование, согласие, отказ, извинение и многие другие – события, поводы, различные контакты людей,

которые превращаются в реальные коммуникативные акты в вербальном выражении – в речи, в которой соответствующие «скрипты» получают словесное оформление в виде лексем и формул, в своем большинстве стереотипных и воспроизводимых носителями той или иной лингвокультуры. «Скрипты», по существу, все универсальны: какие-то, пусть и нередко разные, мнения о том, что плохо и хорошо, этично и неэтично, высокопарно и пошло и т.д., есть у всех этносов и социумов. Универсальны, «международны» и некоторые формы выражения скриптов, которые мы называем речевыми этикетными формулами. В каждом языке есть, например, формулы выражения благодарности и извинения, различия которых могут быть выявлены этимологически, но суть у них все-таки одна.

Приводимые нами в работе параллели из других языков, прежде всего русского, показывают, что сам состав этикетом в той или иной степени в разных языках схож. Так, приветствия и пожелания *Де дика хийла!* «День да будет добрым!», *Буйса дика хийла!* «Ночь да будет доброй!», пожелание *Ниекъ дика хийла!* «Путь да будет добрым/успешным!», *Дала некъ нисбойла!* «Да сделает Бог (Аллах) дорогу прямой! (т.е. удачной)», практически не отличаются от русских приветствий и пожеланий «Добрый день!», «Доброй ночи!» или «Добрый вечер!», «Счастливого пути!», и здесь нет никакого влияния или взаимовлияния или вообще признаков какого-то внешнего влияния.

Речь идет, прежде всего, о формулах вежливости, порождаемых правилами хорошего тона, приличий, доброжелательного отношения. Это приветствие, пожелания, поздравления, приглашения, извинения, комплименты и похвала, благодарность, просьба, соболезнование. Этот список, видимо, необходимо пополнить обращениями, понимая под ними не только то, что имеется в виду толковыми и терминологическими словарями, связывающими значение с лат. *appellātīvus* «нарицательный», но вообще различные способы и средства обращаться к кому-либо, тем или иным образом называя его. Обращениями в этом случае становятся местоимения *хьо* «ты», *шу* «вы», *накъост* «товарищ», *кIентий* «ребята» и т.д. Выделяя обозначенные выше разновидности этикетом вежливости, нужно иметь в виду, что каких-то чётких границ между ними нет, каждая из разновидностей этикетом содержит

в себе элемент другой. Так, например, поздравление, как правило, содержит в себе пожелание, нередко похвалу; с пожеланием нередко сочетается прощение; в приглашении могут содержаться комплимент, похвала, а само приглашение, по сути, является и просьбой и т.п. Однако оформляются эти этикетные по-разному, поэтому и представляют собой большой интерес для лингвистики.

Вместе с тем, в речевом оформлении разновидностей общих для разных языков этикетных наблюдаются и существенные различия. Особенно в этом плане выделяются благодарность, пожелание, просьба, соболезнование. И различие это объясняется не столько этнокультурной спецификой чеченских этикетных формул, сколько тем, что в них отчётливо проступает религиозная составляющая: почти все формулы содержат упоминание Бога. Пожелания по разным поводам, благодарность делаются, как установлено в основной части нашей работы, с апеллированием к Всевышнему, называемому при этом чаще всего словом *Дела*, иногда с упоминанием пророка и святых. В повседневном общении чеченцев такие этикетные коммуникемы преобладают, но с развитием не просто грамотности, а увеличением числа высокообразованных людей у чеченцев в общении не только на русском языке, но и на чеченском появились новые поводы для общения и, соответственно, новые формулы обращения друг к другу. Если, скажем, еще столетие назад поздравления в быту чеченцев ограничивались сдержанными поздравлениями по случаю рождения ребенка (и то, как правило, только рождения сына), достижения им (опять-таки, как правило, мальчиком) совершеннолетия и с религиозными праздниками уразы и курбан-байрама, иногда – с хорошим урожаем, благополучным исходом какого-то происшествия, то в наше время случаев, событий, достижений и др., в связи с которыми у чеченцев принято поздравлять друг друга, много и они весьма разнообразны, и часто нужные поздравительные формулы являются семантическими кальками с русского с добавлением пожеланий, чтобы *Дела* «Бог» даровал те или иные блага: *Декъалво хьо керлачу даржаца! Дала кхин дуккха а кхиамаш хуьлийтийла хъан!* «Поздравляю тебя с новой должностью! Путь Аллах дарует тебе еще много достижений!».

Вместе с тем этикет имеет свою национально- или даже социально-культурную специфику. В различной степени, но обязательно речевой этикет каждого этноса связан с вековыми традициями, обычаями, особенностями быта, образа жизни, вероисповедания, и это хорошо иллюстрируется в лингвокультуре чеченцев, в определенной степени близкой к другим и в то же время отличающейся именно в этой этнокультурной части. При этом традиционные нормы и правила этикетного поведения, в том числе и особенно используемые в нем речевые формулы, относительно или даже весьма устойчивы. Многие формулы сохраняются и после серьезных изменений в общественном устройстве страны, социальной структуре населения. Вместе с тем отражающийся в этикете многовековой, а то и многотысячелетний опыт поколений с течением времени может подвергнуться преобразованию, корректироваться, наполняться новым содержанием, что мы наблюдаем в развитии речевого этикета чеченской и значимой для чеченцев, как и для других народов России, русской лингвокультуры с начала тех преобразований, которые начались с первых десятилетий прошлого века.

Сопоставление формул вежливости чеченского языка с другими национальными, прежде всего с русскими и арабскими, представляет большой интерес в аспекте межкультурной коммуникации. И дело здесь не просто в межъязыковых и межкультурных контактах, а в том, что на протяжении последних двух-трех десятилетий сама языковая ситуация в Чеченской Республике сильно изменилась в сторону повышения уровня двуязычия (при том, что по структуре населения после известных событий республика стала почти моноэтничной) и в реальности мы имеем не только существенный подъём в уровне владения русским языком. В результате выросла частотность употребления чеченцами в своей «смешанной» речи русских этикетом и их использования в собственно чеченской речи. И при этом не прослеживается тенденция к отказу чеченцев от традиционных этикетных формул, хотя и наблюдаются учащающиеся случаи плохого владения ими представителями младшего поколения.

Другая тенденция, которая требует внимания культурологов, социологов, религиоведов и др. и, конечно, лингвистов, – это расширяющееся и углубляющееся

влияние арабского языка и исламской культуры в чеченском обществе. Оно сказывается, в том числе, и на речеповеденческой сфере, о чем свидетельствует появление в речи чеченцев таких формул, которые не встречались ранее или были редки буквально три-четыре десятка лет назад: *Де биеркатие догИйла!* «День да приходит с благополучием!», *Дала гIазот къобалдойла цуьнан!* «Да примет с одобрением Аллах его газават!» и др. Расширение «базы» этикетных формул в чеченском языке, видимо, будет происходить в дальнейшем преимущественно из этого источника.

На речевую культуру чеченцев, в частности и особенно в этикетах вежливости, определенное влияние оказывают, с одной стороны, религиозно окрашенная арабская культура, с другой – речевая культура русского народа. В первом случае это влияние в сфере межличностного, бытового общения, во втором – в основном официального и межкультурного общения, которое в силу сложившихся объективных условий осуществляется на русском языке. В чеченском языке можно выделить и уже вполне освоенные этикемы-заимствования или кальки с арабского или русского языков. Из арабского языка – это обычно прямые заимствования, из русского языка – кальки, и здесь в основном речь идет об этикетах, употребляемых в официальной сфере и в межкультурной коммуникации, а также в особо значимых случаях, таких, как повышение в должности, день рождения и юбилей отдельных лиц или учреждений, получение награды и т.п.

Нами рассмотрены виды этикетных формул чеченской культуры, с уделением особого внимания основной категории речевого этикета – вежливости. Проведенное исследование позволяет утверждать, что категория вежливости в чеченской речевой культуре носит универсальный характер в виде систем речевых формул – приветствий, пожеланий, поздравлений и т.д.

При этом не все, что имеет отношение к речевому этикету, мы выделили как его элементы, имеющие свои обозначившиеся речевые формулы, сложившиеся в течение длительного времени употребления в схожих ситуациях.

Исследование показало, что в чеченском речевом этикете используются те же разновидности соответствующих коммуникем (речевых формул), являющиеся средствами реализации категории вежливости, которые характерны для русской и

иных культур общения. Это обращение, приветствие и прощание, поздравление, пожелание, извинение и просьба о прощении, соболезнование и некоторые другие. В составе самих используемых коммуникем различий между языками нет, различия – в их оформлении и регламентации употребления, в частотности использования тех или иных разновидностей. Однотипные по цели и ситуациям этикемы, могут семантически различаться и быть по-разному оформленными.

В абсолютном большинстве чеченские этикемы носят исконными характер и имеют сложную (составную) структуру. Однословных приветствий, а также прощаний и пожеланий у чеченцев практически нет. В русской речи билингов-чеченцев прослеживается тенденция к расширению употребления русских однословных приветствий.

Термин «обращение», употребляемый обычно как собственно лингвистический, у нас и многих других авторов используется и в лингвокультурологическом значении. Обращения характерны в первую очередь для диалогической речи и уже поэтому представляют несомненный интерес для лингвокультурологии, для исследований в области речевого этикета, речевого поведения людей. Обычно они обращены к какому-либо лицу, реже – к другим одушевленным существам или даже неодушевленным предметам. Обычно это существительные, не распространенные эпитетами или какими-то другими элементами с дополнительными значениями, по лексико-грамматической принадлежности имена собственные (имя, имя и отчество, имя, отчество и фамилия вместе) или нарицательные. Чаще всего это реальный собеседник, но собеседник может быть и воображаемым (в этом случае обращение не обязательно является частью реального диалога).

Широко употребляются обращения в языке художественной литературы и в авторской речи, и в диалогах героев и персонажей, обращены они могут быть как к какому-то лицу, так и неодушевленному предмету и даже отвлеченному понятию. Знание того, как оформляются обращения, какие, если они есть, существуют ограничения, какая форма обращений уместна в общении с людьми разных возрастов, служебного положения и т.д., необходимо для общения и на чеченском языке. Важно, например, что обращения подразделяются на несколько типов в

зависимости от их социальных и ролевых признаков: 1) социально-ориентирующие обращения, называемые также ролевыми. Это, в первую очередь, имена собственные (имя; имя и отчество): *Мохмад, Ахьмад, ИбрахлИм, Зурбек; Марха, Малкан, Сацита; Магомед Ибрагимович; Зинаида Петровна;* и др. 2) гоноративные обращения, каковыми являются вежливые формы обращения. И дети должны знать, в каких случаях употребляются те и другие. Конечно, гоноративные обращения в этом возрасте ученикам вряд ли окажутся нужны, но знание о том, что они отличаются тем, что не только называют, выделяют члена общества, группы, коллектива, но содержат в себе выражение уважения, почтения, оценку положения объекта обращения в обществе, им может пригодиться в скором будущем. Имеется в виду употребление вместе с именем слов, подчеркивающих социальное положение объекта обращения,

Проведенное нами исследование речевого поведения чеченцев и принятых в нем этикетных формул, сопоставленное, в первую очередь, но не только, с русским речеповеденческим материалом, позволяет предположить, что нет определенной зависимости, взаимосвязи между наличием или отсутствием у соответствующего народа письменной культуры и длительных культурных традиций и уровнем культуры общения. Письменность у чеченцев появилась менее ста лет назад, сильно повлиять на культуру общения она не могла, но, как показывают проанализированный нами материал и вытекающие из него выводы по каждой речевой этикете в отдельности, национальные традиции чеченцев в части вербальной коммуникации, в том числе и в особенности в общении с носителями других языков и культур, характеризуются высоким этическим уровнем, основаны на уважении личности как таковой и учете всех особенностей коммуниканта (коммуникантов). Этим можно объяснить, кстати, практическое отсутствие, во всяком случае, минимальность использования в речевом поведении чеченцев не только ненормативной, но вообще грубой, вульгарной лексики. В то же время нужно признать, что письменная культура не может не влиять и на эту область жизни общества. Она расширяет временные и пространственные границы общения, а также служит средством распространения хороших образцов этикетных формул, их оттачивания и

стандартизации. Они стандартны и привязаны (в своём использовании) к стандартным ситуациям.

Сохранение и дальнейшее развитие чеченского речевого этикета без наличия глубокой письменной традиции можно объяснить тем, что у чеченцев социальные отношения чрезвычайно ритуализованы: кто, что, в каких ситуациях и как должен делать выработано и присутствует на уровне почти инстинктов. А все ритуалы, естественно, сопровождаются стандартными речевыми этикетными формулами. Поэтому, благодаря традиционности и ритуальности социальных ситуаций речевой этикет сохраняется и получает дальнейшее развитие. Но письменная традиция все же способствует развитию и сохранению формул речевого этикета. Наличие письменности увеличивает и «механическую» память, в числе прочего, и на этикетные формулы.

Список использованной литературы

1. **Агрессия в языке и речи** : сборник научных статей / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. – Москва : Изд-во РГГУ, 2004. – 281, [4] с. – ISBN 5-7281-0797-4 (в обл.) – Текст : непосредственный.
2. **Акишина, А. А.** Русский речевой этикет : пособие для студентов-иностранцев / А. А. Акишина, Н. И. Формановская. – Москва : Русский язык, 1978. – 186 с. – Текст : непосредственный.
3. **Арсакаева, Х. С.** Комплимент в речевом поведении в русской речи чеченцев-билингвов / Х. С. Арсакаева. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 524–527.
4. **Арсакаева, Х. С.** Основные речевые формулы русского и чеченского этикета / Х. С. Арсакаева. – Текст : непосредственный // Известия Чеченского государственного университета. – 2018. – № 3 (11). – С. 108–115.
5. **Арсакаева, Х. С.** Формулы благодарности в русском и чеченском языках / Х.С. Арсакаева. – Текст : непосредственный // Успехи гуманитарных наук. – 2019. – № 10. – С. 140–145.
6. **Арсакаева, Х. С.** Этикетные формулы и их роль на уроках русского и чеченского языков в начальных классах / Х. С. Арсакаева. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры и образования. – 2022. – № 2 (93). – С. 471–473.
7. **Арсакаева, Х. С.** Этикетные формулы поздравлений и пожеланий в чеченском языке / Х. С. Арсакаева. – DOI: 10.18522/2070-1403-2018-71-6-81-94. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 6. – С. 81–94.
8. **Арсалиев, Ш. М.-Х.** Этнопедагогика чеченцев : монография / Ш. М.-Х. Арсалиев. – Москва : Гелиос АРВ, 2007. – 387 с. – ISBN 978-5-85438-170-3. – Текст : непосредственный.
9. **Арсалиев, Ш. М.-Х.** Этнопедагогика чеченцев в связи с проблемой общности народных педагогических культур вайнахов : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : диссертация на

соискание ученой степени доктора педагогических наук / Шавади Мадов-Хажиевич Арсалиев. – Москва, 1999. – 317 с. – Текст : непосредственный.

10. **Арсалиев, Ш. М.-Х.** Этнопедагогическое наследие чеченцев : монография / Ш. М.-Х. Арсалиев. – Москва : Издательство Московского государственного педагогического университета, 1998. – 286 с. – ISBN 5-7042-0959-4. – Текст : непосредственный.

11. **Арутюнова, Н. Д.** Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы : монография / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1976. – 383 с. – Текст : непосредственный.

12. **ас-Сирджани Рагыб аль-Ханафи.** Милосердие в жизни посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует) / Рагыб аль-Ханафи ас-Сирджани ; [пер. с араб. и прим. Е. Сорокоумовой]. – Нижнекамск : Рисаля, 2012. – 206 с. – ISBN 978-5-905-60704-2. – Текст : непосредственный.

13. **Ахмадов, М.** Нохчийн гиллакх-оьздангалла. 10–11 класс = Чеченская традиционная культура и этика : учебник для 10–11 кл. / М. Ахмадов. – Грозный ; Санкт-Петербург : Седа, 2002. – 287 с. – Текст : непосредственный.

14. **Ахмадова, М. П.** Этикетно-поведенческие нормы / М. П. Ахмадова, З. И. Хасбулатова. – Текст : непосредственный // Чеченцы : монография / [Абдулаева Э. С. и др.] ; отв. ред.: Л. Т. Соловьева, В. А. Тишков, З. И. Хасбулатова ; Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Комплексный науч.-исследовательский ин-т им. Х. И. Ибрагимова. – Москва : Наука, 2012. – ISBN 978-5-02-038030-1. – С. 310-318.

15. **Баталов, А. А.** Особенности русского речевого этикета XX века / А. А. Баталов, Н. Л. Огуречникова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2 (80). – С. 285–290.

16. **Бахаева, Л. М.** Особенности этикетных моделей прощания в чеченской лингвокультуре / Л. М. Бахаева. – Текст : непосредственный // Российский гуманитарный журнал. – 2019. – Том 8. – № 2. – С. 153–160.

17. **Бгажноков, Б. Х.** Адыгский этикет : монография / Б. Х. Бгажноков – Нальчик, 1978. – 160 с. – Текст : непосредственный.

18. **Белоусова, Т. В.** Этикет. Полный свод правил светского и делового общения. Как вести себя в привычных и нестандартных ситуациях / Т. В. Белоусова. – Москва : АСТ, 2013. – 150 с. – Текст : непосредственный.
19. **Берсанов, Х.-А.** Нохчийн къоман гИллакхаш, ламасташ = Традиции, обычаи чеченского народа. – Грозный: ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2012. – 544 с. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.
20. **Берсанова, З. Х.-А.** Чеченский этикет: феномен «нохчалла» : специальность 07.00.07 «Этнология, этнология и антропология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Берсанова Залла Хож-Ахмедовна. – Москва, 1999. – 147 с. – Текст : непосредственный.
21. **Бесолова, Е. Б.** Лингвистическая реконструкция духовной культуры осетин: на материале ритуальной лексики : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бесолова Елена Бутусовна. – Нальчик, 2006. – 352 с. – Текст : непосредственный.
22. **Бетильмерзаева, М. М.** Соотношение мышления и языка в этнической ментальности (на примере чеченского контента «земля»/ «латга») / М. М. Бетильмерзаева. – Текст : непосредственный // Известия Чеченского государственного педагогического института. – 2017. – № 1 (17). – С. 4–12.
23. **Бондаренко, А. А.** Речевой этикет в современной школе / А. А. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Начальная школа. – 2013. № 1. – С. 21–28.
24. **Буралова, Р. А.** Парадигматические и синтагматические свойства чеченских этикетных коммуникем / Р. А. Буралова, Э. А. Хамутаева. – Текст : непосредственный // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа : материалы Международной научно-практической конференции. – Махачкала : АЛЕФ, 2018. – С. 179–182.
25. **Буряк, Н. Ю.** Проблемы исчезновения национальных языков и культур / Н. Ю. Буряк, Ю. С. Жданкина. – Текст : непосредственный // Инновационная наука. – 2015. – № 11. – С. 296–297.

26. **В. фон Гумбольдт.** Избранные статьи по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; [Пер. с нем.]. – Москва : Прогресс, 1984. – 400 с. – Текст : непосредственный.
27. **Введенская, Л. А.** Русский язык и культура речи : учебное пособие / Л. А. Введенская, М. Н. Черкасова. – Ростов на Дону : Феникс, 2004. – 384 с. – Текст : непосредственный.
28. **Вежбицкая, А.** Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицкая. – Текст : непосредственный // Русский язык в научном освещении. – Москва, 2002. – № 2(4). – С. 6–34.
29. **Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации** : материалы Международной научной конференции, Институт лингвистики РГГУ, 23–24 октября 2018 г. / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. – Москва : Политическая энциклопедия, 2018. – 318 с. – ISBN 978-5-8243-2291-0. – Текст : непосредственный.
30. **Вербицкий, А. А.** Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции : монография / А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова. – Москва: ЛОГОС, 2009. – 334 с. – ISBN 978-5-98704-452-0. – Текст : непосредственный.
31. **Верещагин, Е. М.** Язык и культура : монография / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Русский язык, 1976. – 228 с. – Текст : непосредственный.
32. **Верещагин, Е. М.** Язык и культура : монография / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с. – Текст : непосредственный.
33. **Виноградов, В. В.** Язык художественного произведения / В. В. Виноградов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 3–26.
34. **Воронова, А. Т.** О некоторых особенностях обращения в современном русском языке / А. Т. Воронова. – Текст : непосредственный // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – 2014. – № 14 (14). – С. 37–41.
35. **Гаджихмедов, Н. Э.** К вопросу о приветствиях в разных коммуникативных культурах / Н. Э. Гаджихмедов, Т. М. Мусаева, Д. С. Самедов. – Текст :

непосредственный // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. – Вып. 3. – С. 66–69.

36. **Гимбатова, М. Б.** Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начала XX в.) : монография / М. Б. Гимбатова. – Махачкала, 2007. – 346 с. – ISBN 978-5-905784-47-7. – Текст : непосредственный.

37. **Гюльмагомедов, Г. А.** Дагестанские формулы этикета / Г. А. Гюльмагомедов. – Текст : непосредственный // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. – Махачкала, 1998. – № 2. – С. 69–71.

38. **Далгат, Б.** Материалы по обычному праву чеченцев и ингушей / Б., Далгат. – Текст : непосредственный // СМЭ. Вып. 3. – Владикавказ, 1888.

39. **Данилюк, А. Я.** Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России : учебное пособие / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – Москва : Просвещение, 2009. – 23 с. – Текст : непосредственный.

40. **Девкин, В. Д.** О неродившихся немецких и русских словарях / В. Д. Девкин. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 85–97.

41. **Дехган, Х. М.** Речевой жанр «просьба» в современной русской коммуникации: специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дехган Халили Можде. – Москва, 2015. – 212 с. : ил. – Текст : непосредственный.

42. **Джамалханов, З. Д.** Нохчийн мотт. Синтаксис. Педучилищан студенташна. То а йина, арахецна 3-гIа / З. Д. Джамалханов, М. Ю. Мачигов. – Грозный : Нохч-ГIалгIайн книжни издательство, 1985. – 128 с. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.

43. **Джуринский, А. Н.** История педагогики : учебное пособие для студентов педвузов / А. Н. Джуринский. – Москва : Владос, 2000. – 432 с. – Текст : непосредственный .

44. **Земская, Е. А.** Категория вежливости в контексте речевых действий / Е. А. Земская. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка : материалы

конференции. – Вып. 7. Язык речевых действий. – Москва : Наука, 1994. – С. 131–136.

45. **Земская, Е. А.** Категория вежливости: общие вопросы и национально-культурная специфика русского языка / Е. А. Земская. – Текст : непосредственный // Е. А. Земская. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь : монография / Е. А. Земская. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 573–599.

46. **Каменева, О. В.** Моделирование курса речевого этикета для школьников с использованием компьютерных средств: : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : автореферат диссертации на соискание степени кандидата педагогических наук / Каменева Ольга Викторовна. – Москва, 2012. – 22 с. – Место защиты : Рос. ун-т дружбы народов. – Текст : непосредственный.

47. **Кандалинцев, В. Г.** О звательном падеже и расположениях к молитве / В. Г. Кандалинцев. – Текст : электронный // Самиздат. – 2016. – URL: http://samlib.ru/k/kandalincew_w/zvp.shtml (дата обращения 11.03.2022).

48. **Карасик, В. И.** Язык социального статуса : монография / В. И. Карасик. – Москва : Институт языкознания РАН : Перемена, 1992. – 329 с. – ISBN 5-88234-002-0 (в пер.) – Текст : непосредственный.

49. **Кастлер, Л.** Негативная и позитивная вежливость / Л. Кастлер. – Текст : непосредственный // Агрессия в языке и речи : сб. ст. / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. – Москва : Изд-во РГГУ, 2004. – С. 9–18.

50. **Колесов, В. В.** Культура речи – культура поведения : монография / В. В. Колесов. – Ленинград: Лениздат, 1988. – 271 [1] с. – ISBN 5-289-00151-4. – Текст : непосредственный.

51. **Костомаров, В. Г.** Русский речевой этикет / В. Г. Костомаров. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 1967. – № 1 (1). – С. 56–62.

52. **Кронгауз, М. А.** Русский язык на грани нервного срыва : монография / М. А. Кронгауз. – Москва: Знак : Языки славянских культур, 2007. – 229 с. [2] л. цв. ил. – ISBN 5-9551-0176-4 (в пер.) – Текст : непосредственный.

53. **Купина, Н. А.** Правильность речи и основы речевого этикета : учеб. пособие для учителя / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева; Департамент образования Администрации Сверд. обл. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995. – 71, [2] с. – ISBN 5-7529-1329-2. – Текст : непосредственный.

54. **Ларина, Т. В.** Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации: На материале английской и русской коммуникативных культур : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ларина Татьяна Викторовна. – Москва, 2003. – 495 с. – Текст : непосредственный.

55. **Леонтьев, А. А.** Психология речевого общения : специальность 19.00.00 «Психология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Леонтьев Алексей Алексеевич. – Москва, 1975. – 39 с. – Место защиты: Акад. пед. наук СССР, Науч.-исслед. ин-т общей и пед. психологии. – Текст : непосредственный.

56. **Лилов, А.** Очерки быта кавказских горцев / А. Лилов. – Текст : непосредственный // Сборник описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 14. – Тифлис : Упр. Кавказского учебного округа, 1892. – С. 1–58.

57. **Лугуев, С. А.** Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX в.) : монография / С. А. Лугуев ; Российская акад. наук, Дагестанский науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии. – Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 303 [1] с. – ISBN 978-5-905784-92-7. – Текст : непосредственный.

58. **Магомедсалихов, Х. Г.** Благопожелания и проклятия аварцев : тексты, переводы, комментарии = МагIарулазул гъара-рахъиял ва хъамиял : текстал, таржамаби, баянал / Х. Г. Магомедсалихов. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007. – 101 с. – На авар. и рус. яз. – Текст : непосредственный.

59. **Магомедсалихов, Х. Г.** Благопожелания и проклятия аварцев: социо-коммуникативные функции, типология / Х. Г. Магомедсалихов. – Текст : непосредственный // Вестник Владикавказского научного центра. – 2015.– Т. 15. – № 3. – С. 27–35.

60. **Магомедсалихов, Х. Г.** Благопожелания и проклятия как важный аспект в изучении этнопсихологии аварцев / Х. Г. Магомедсалихов. – Текст : непосредственный // Археология, этнология, фольклористика Кавказа : сб. кратких содержаний докладов Международной научной конференции. – Тбилиси : Универсиал, 2007. – С. 247–250.

61. **Магомедсалихов, Х. Г.** Благопожелания и проклятия как факторы толерантности в традиционных аварских обществах Дагестана / Х. Г. Магомедсалихов. – Текст : непосредственный // Этнология, история, археология, культурология : материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. – Санкт-Петербург : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2007. – С. 78–82.

62. **Макаренко, А. С.** Правильно воспитывать детей. Как? / А. С. Макаренко ; ред. и сост. Е. Монусова. – Москва : АСТ, печ. 2013. – 318, [1] с. – ISBN 978-5-17-080396-5– М.: изд-во «Аст», 2013. – 44 с. – Текст : непосредственный.

63. **Маллаева, З. М.** Некоторые речевые особенности ритуала приветствия в дагестанских языках / З. М. Маллаева. – Текст : непосредственный // Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа: материалы Международного симпозиума «Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа». – Тбилиси, 2012. – С. 196–201.

64. **Манджиева, Э. Б.** Формульные выражения традиционного этикета в русской и калмыцкой лингвокультурах : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Манджиева Элина Борисовна. – Волгоград, 2009. – 24 с. – Место защиты: Волгогр. гос. пед. ун-т. – Текст : непосредственный.

65. **Марк Туллий Цицерон** [сайт]. – Текст : электронный. – URL: <https://ru.citaty.net/avtory/mark-tullii-tsitseron/?page=7> (дата обращения 11.12. 2022).

66. **Меликян, В. Ю.** Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032300 - рус. яз. / В. Ю. Меликян ; науч. ред. В.П. Малащенко ; Рост. гос. пед. ун-

т, Лингвист. ин-т.– Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2004. - 287 с. – ISBN 5-8480-0348-3. – Текст : непосредственный.

67. **Михайлова, Е. А.** Проблемы и противоречия воспитания в современной школе / Е. А. Михайлова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2011. – № 2. – С. 121–126.

68. **Моради, М.** Речевой акт «Пожелание», его реализация в ситуациях «Приветствия» и «Прощания» в русском языке / М. Моради. – Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 1. – С. 432–437.

69. **Мусханова, И. В.** Этнопедагогизация формирования личности в образовательном пространстве Чеченской Республики : специальность «Общая педагогика, история педагогики и образования» : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Мусаханова Исита Вахидовна. – Владикавказ, 2012. – 382 с. – Текст : непосредственный.

70. **Никитина, Т. Г.** Этикетные паремии как культурно-исторический источник формирования лингвоэкологического сознания школьников / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалёва. – Текст : непосредственный // Язык и культура : сб. докладов Международной научной конференции, посвященной 85-летию профессора Л. В. Савельевой. – Махачкала : Алеф, 2022. – С. 151–161.

71. **Никишенков, А. А.** Традиционный этикет народов России, XIX – начало XX вв. : монография / А. А. Никишенков ; под ред. Ю. И. Семенова ; Рос. акад. наук. Центр по изучению межнац. отношений ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Старый сад, 1999. – 137 с. – ISBN 5-89930-014-0. – Текст : непосредственный.

72. **Павлова, О. С.** Ценностные ориентации чеченцев и ингушей: источники и детерминанты / О. С. Павлова. – Текст : непосредственный // Культурно-историческая психология. – 2012. – № 2. – С. 78–87.

73. **Павлова, О. С.** Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета : монография / О. С. Павлова. – Москва : Сам полиграфист, 2013. – 555, [1] с. : ил., портр. – ISBN 978-5-905948-90-9. – Текст : непосредственный.

74. **Панова, Н. Ю.** Культура речевого поведения как своеобразное проявление социальной жизни людей / Н. Ю. Панова. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского педагогического института им. А.П. Чехова. – 2008. – № 51. – С. 146–150.

75. **Пелипенко, А. А.** Культура как система : монография / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 376 с. – ISBN 5-7859-0047-6. – Текст : непосредственный.

76. **Пестова, А. Н.** Психолого-педагогические особенности первоклассников / А. Н. Пестова. – Текст : непосредственный // Начальная школа. – 2016. – № 4. – С. 37–39.

77. **Пешковский, А. М.** Русский синтаксис в научном освещении : монография / А. М. Пешковский. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 511 с. ; 1 л. портр. – Текст : непосредственный.

78. **Подласый, И. П.** Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов : учеб. пособие для вузов / И. П. Подласый. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС», 2001. – 364, [1] с. – ISBN 5-305-00038-6. – Текст : непосредственный.

79. **Почепцов, Г. Г.** Теория коммуникации : монография / Г. Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук : Ваклер, 2001. – 651 с. – ISBN 966-543-048-3 (Сер.) – Текст : непосредственный.

80. **Рабаданова, Н. М.** Коммуникативные особенности прощания в разных лингвокультурах (на материалах лакского и немецкого языков) / Н. М. Рабаданова. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. 2015. – № 2. – Ч. 2. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23202> (дата обращения: 26.05.2023).

81. **Рабенко, Т. Г.** Благодарность в жанровом пространстве русской культуры / Т. Г. Рабенко. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского ГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – №1. – С. 81–83.

82. **Ратмайр, Р.** Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры : монография / Р. Райтмар ; [Пер. с нем.

Е. Араловой]. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 272 с. – ISBN 5-94457-078-4. – Текст : непосредственный.

83. **Речевая агрессия в современной культуре** : сб. науч. тр. / Федер. Агенство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Челяб. Гос. ун-т» ; науч. ред. и сост. М. В. Загидуллина. – Челябинск: ГОУВПО «Челяб. гос. ун-т», 2005. – 242 с. – ISBN 5-7271-0723-7 (в обл.) – Текст : непосредственный.

84. **Ризоева, Г. И.** Репрезентация обращения как разновидность реалий в языке и культуре : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ризоева Гулнора Икромовна. – Душанбе, 2020. – 26 с. – Место защиты : Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан. – Текст : непосредственный.

85. **Русская грамматика** : двух томах / редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. – Москва : Наука, 1980. – Текст : непосредственный.

86. **Русский речевой этикет** : учебное пособие / В. Ю. Ниссен, Т. В. Карасева. – Москва : Флинта : Наука, 2011. - 76, [2] с. – ISBN 978-5-9765-1056-2 (Флинта). – Текст : непосредственный.

87. **Русский речевой этикет** : учебно-методическое пособие / сост.: Н. С.Конищева, О. В.Гундяева ; НГТУ. – Нижний Новгород : [б. и.], 2005. – 60 с. – Текст : непосредственный.

88. **Савельева, Л. В.** Лингвоэкология : учебник для академического бакалавриата / Л. В. Савельева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2019. – 206 с. – ISBN 978-5-534-08266-1. — URL: <https://urait.ru/bcode/424720> (дата обращения: 01.02.2024). – Режим доступа: Электронно-библиотечная система Юрайт. – Текст : электронный.

89. **Сайдаев, И. В.** Об этимологии чеченского слова «паччахь» – царь, государь, правитель, и были ли на самом деле у чеченцев князь и холопы / И. В. Сайдаев. – Текст : электронный // Электронный научный журнал «Архонт». – 2021. – Вып. № 1 (22). – С. 68–77. <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-etimologii-chechenskogo-slova-pachchah-tsar-gosudar-pravitel-i-byli-li-na-samom-dele-u>

chechentsev-knyazya-i-holopy/viewer (дата обращения 12.12.2023). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» CYBERLENINKA.RU.

90. **Самедов, Д. С.** К вопросу о речевом этикете / Д. С. Самедов, Т. В. Гамалей, Т. М. Мусаева. – Текст : непосредственный // Вестник Дагестанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2002. – Вып. 3. – С. 62–68.

91. **Середа, Е. В.** Этикетные междометия / Е. В. Середа. – Текст : электронный // Русский язык. – 2006. – № 15 (519). – URL: <https://rus.1sept.ru/index.php?year=2006&num=15> (дата обращения –7.01.2023).

92. **Сиротинина, О. Б.** Хорошая речь / О. Б. Сиротинина, Н. И. Кузнецова, Е. В. Дзякович и др. ; под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротиной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 316, [1] с. – ISBN 5-292-02620-4. – Текст : непосредственный.

93. **Современный этикет и хорошие манеры** : сб. – Москва : Звонница, 2002 (ФГУИПП Курск). - 105, [1] с. – ISBN 5-88093-110-2 (в обл.) – Текст : непосредственный.

94. **Старостин, В. П.** Сострадание как социально-философский феномен : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Старостин Владимир Петрович. – Якутск, 2008. – 169 с. – Текст : непосредственный.

95. **Стернин, И. А.** Русский речевой этикет : монография / И. А. Стернин. – Воронеж : [б. и.], 1996. – 73 с. – Текст : непосредственный.

96. **Студопедия** : [сайт]. – 2018. – URL: https://studopedia.su/19_50673_otseseoobraznosti-sostavleniya-svoda-eticheskikh-norm-povedeniya.html (дата обращения: 07.03.2018). – Текст : электронный.

97. **Сухова, Е. Ф.** Обращения арабского и русского речевых этикетов : материалы для самостоятельной работы, учебно-методическое пособие / Е. Ф. Сухова. – Ч. 2. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2016. – 111 с. – Текст : непосредственный.

98. **Сухомлинский, В. А.** Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания): Педагогическое наследие / В. А. Сухомлинский ;

вступ. ст. О. В. Сухомлинской. – Москва : Педагогика, 1989. – 286,[1] с. – ISBN 5-7155-0145-8 (В пер.) – Текст : непосредственный.

99. **Сухотерина, Т. П.** Гипержанр естественной письменной речи. «Поздравление» как явление фатической коммуникации / Т. П. Сухотерина. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 2 (51). – С. 395–398.

100. **Тарасов, Е. Ф.** Проблемы теории речевого общения / Е. Ф. Тарасов. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2010. – С. 20–26.

101. **Тарланов, З. К.** Языковые константы агульской культуры в межэтническом освещении : монография / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского ГУ, 2021. – 247 с. – ISBN 978-5-8021-3821-2. – Текст : непосредственный.

102. **Текст как явление культуры** : монография / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – Новосибирск : Наука : Сибирское отделение, 1989. – 194 с. – ISBN 5-02-029125-0. – Текст : непосредственный.

103. **Тер-Минасова, С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация : монография / С. Г. Терминасова. – Москва : Слово/Slovo, 2008. – 264 с. – Текст : непосредственный.

104. **Толкач, С. В.** Технология развития навыков речевого этикета у учащихся пятых-шестых классов : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Толкач Светлана Васильевна. – Екатеринбург, 2004. - 21 с. – Место защиты : Ур. гос. пед. ун-т. — Текст : непосредственный.

105. **Турунен, А.** Только после Вас: всемирная история хороших манер : [16+ : пер. с фин.] / Ари Турунен, Маркус Партанен. – Москва : Альпина паблишер, 2019. - 259, [1] с. – ISBN 978-5-9614-1057-0. – Текст : непосредственный.

106. **Фарфоровский, О. В.** Чеченские этюды : (Из дневника этнографа) / С. Фарфоровский. – Ставрополь : тип. Губ. правл., 1912. - 18 с. – Текст : непосредственный.

107. **Фомина, Н. В.** Речевой этикет и работа над ним в начальных классах / Н. В. Фомина. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Том 14. – № 37. – С. 346–349.

108. **Формановская, Н. И.** Английский речевой этикет / Н. И. Формановская, С. В. Шевцова, С. В. Речевой. – Москва : [б. и.], 1993. – 94 с. – Текст : непосредственный.

109. **Формановская, Н. И.** Речевой этикет и вежливость / Н. И. Формановская // Русская словесность. – 2001 – № 3. – С. 67.

110. **Формановская, Н. И.** Речевой этикет и культура общения : монография / Н. И. Формановская. – Москва : Высшая школа, 1989. – 159 с. – ISBN 5-06-000181-4. – Текст : непосредственный.

111. **Формановская, Н. И.** Речевой этикет. Русско-нидерландские соответствия : справочник / Н. И. Формановская, Т. Н. Дренясова. – Санкт-Петербург : Глосса ; Москва : Высшая школа, 1994. – 80 с. – ISBN 5-06-002735-X. – Текст : непосредственный.

112. **Формановская, Н. И.** Речевой этикет: Русско-английские соответствия: справочник / Н. И. Формановская, С. В. Шевцова. – Москва : Высш. шк., 1990. – 94 с. – ISBN 5-06-001456-8. – Текст : непосредственный.

113. **Формановская, Н. И.** Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Рус. яз., 1987. – 156, [2] с. – Текст : непосредственный.

114. **Формановская, Н. И.** Русский речевой этикет: Норматив. социокультур. контекст / Н. И. Формановская. – Москва : Рус. яз., 2002. – 160 с. – ISBN 5-200-03193-1 (в обл.). – Текст : непосредственный.

115. **Формановская, Н. И.** Употребление русского речевого этикета / Н. И. Формановская. – Москва : Рус. яз., 1982. - [1], 193 с. – Текст : непосредственный.

116. **Хабибова, М. И.** Русский речевой этикет в условиях полиэтнического региона : специальность 10.02.01 «Русский язык», 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат на

соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хабибова Макка Исаевна. – Махачкала, 2000. – 23 с. – Место защиты : Дагест. гос. пед. ун-т. – Текст : непосредственный.

117. **Хаймс Х. Делл.** Этнография речи / Хаймс Х. Делл. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике. Выпуск VII : сб. ст. и монографий. – Москва : Прогресс, 1975. – С. 42–95.

118. **Халидов, А. И.** Новые тенденции в динамике развития чеченско-русского двуязычия / А. И. Халидов. – Текст : непосредственный // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 3 (39). – С. 36–43.

119. **Халидов, А. И.** К вопросу о новой тенденции в нормировании русского языка (*бразильский кофе* или *бразильское кофе*?) / А. И. Халидов. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 3 (63). – С. 44–51.

120. **Халидов, А. И.** Новое в национально-русском двуязычии и новые векторы в национально-языковой политике / А. И. Халидов. – Текст : непосредственный // Язык и культура : сб. докладов Международной научной конференции, посвященной 85-летию профессора Л.В. Савельевой, прапраправнучки А. С. Пушкина. – Махачкала : Алеф, 2022. – С. 198–207.

121. **Халидов, А. И.** Русская речь билингвов – региолект или этнолект? / А. И. Халидов. – Текст : непосредственный // Региональный вариант русского языка в условиях билингвизма : материалы Национальной научной онлайн-конференции с международным участием. – Назрань: Кеп, 2021. – С. 33–40.

122. **Халидов, А. И.** Угрозы для русского языка – мнимые и явные // Материалы международной научно-практической конференции «Экология: образование, наука и этнотуризм». Т. I. Владикавказ, СОИГСИ, 2016. С. 63-69.

123. **Халидова, Р. Ш.** Термины приобретенного родства (свойства) в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков / Р. Ш. Халидова, М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Вестник ДНЦ РАН. – 2018а. – № 71. – 77–82.

124. **Халидова, Р. Ш.** Эмоционально-стилистические особенности вокативов в нахско-дагестанских языках, обслуживающих общение супругов между

собой / Р. Ш. Халидова, М. Я. Хачекаева. – Текст : непосредственный // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2018. – № 12 (2). – С. 87–91.

125. **Халимбекова, М. К.** Этикетная лексика в языках различных культур: лезгинском и английском : монография / М. К. Халимбекова. – Махачкала : АЛЕФ, 2012. – 134 с. – Текст : непосредственный.

126. **Хасбулатова, З. И.** Нравственная культура чеченцев «Гиллакх-обздангалла» : монография / З. И. Хасбулатова. – Назрань : Пилигрим, 2007. – 90с.

127. **Хасбулатова, З. И.** Этикет и культура поведения чеченцев как основа нравственной культуры в семейных отношениях в XIX – начале XX в. / З. И. Хасбулатова. – Текст : непосредственный // Культура и цивилизация. – 2018. – Т. 8. – Номер : 2А. – С. 137–144.

128. **Хасиев, С.-М.** Нохчалла. Нохчийн гиллакхех. [О чеченских обычаях] / С.-М. Хасиев. – Грозный: Грозненский рабочий, 2016. – 192 с. – Текст : непосредственный.

129. **Хачукаева, М. Я.** Проявление гендерных различий в речевом этикете нахско-дагестанских языков / М. Я. Хачукаева. – Текст : непосредственный // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи : материалы VI Международной научной конференции, памяти выдающегося кавказоведа, академика А. С. Чикобава (1898-1985). – Махачкала : Алеф, 2018. – С. 377–382.

130. **Хейрандиш, М. С.** Этикет и задачи переводчиков, работающих в политико-дипломатической сфере / М. С. Хейрандиш, Н. Ш. Джоландан, А. Хосейни. – Текст : непосредственный // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 2 (86). – С. 181–187.

131. **Хесед, Л. А.** Типы вежливого и невежливого поведения и их знаковые характеристики : специальность «Русский язык» : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хесед Лидия Александровна. – Москва, 2013. – 26 с. – Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ) – Текст : непосредственный.

132. **Холгова, Г.** Светский этикет : монография / Г. Холгова. – Москва : Международные отношения, 2022. – 136 с. – Текст : непосредственный.

133. **Чанышев, А. А.** Страдание / А. А. Чанышев. – Текст : непосредственный // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Мысль, 2010. – 693 с. – URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/filosofiya/257921-965-v-stepin-novaya-filosofskaya-enciklopediya-tom-tretij-n-s.html#text> (дата обращения 28.01.2023).

134. **Чеченский фольклор** / сост., предисл. и коммент. Ш. А. Джамбеков. – Грозный : Чеч.-Инг. Издат.-полиграф. объединение «Книга», 1991. – 592 с. – ISBN 5-7666-0061-5. – Текст : непосредственный.

135. **Щербашина, И. А.** Формирование речевого этикета как основа развития коммуникативной компетенции младших школьников / И. А. Щербашина. – Текст : непосредственный // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2017. – № 4. – С. 73–78.

136. **Щербинина, Ю. В.** Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина ; М-во общ. и проф. образования Российской Федерации, Московский пед. гос. ун-т. – Москва : URSS, 2006. – 355 с. – ISBN 5-484-00530-2. – Текст : непосредственный.

137. **Этикет** : краткая энциклопедия / отв. ред. Л. Ошеверова. – Москва : Эксмо, 2011. – 254, [1] с. – ISBN 978-5-699-51680-3. – Текст : непосредственный.

138. **Этикет.** – Москва : Айрис-Пресс : Рольф, 1999. – 272 с. – ISBN 5-7836-0058-X. – Текст : непосредственный.

139. **Этикет. Умение жить и вести себя дома, в семье и в обществе.** – Москва : Цитадель-Триада, 1996. – 224 с. – ISBN 5-86344-038-4. – Текст : непосредственный.

140. **Argyle M.** Social Situations / Michael Argyle, Adrian Furnham, Jean Ann Graham. – Cambridge Univ. Press, 1981. – 453 p. – Текст : непосредственный.

141. **Bernstein B.** Studien zur Sprachlichen Sozialisation / B. Bernstein – Dusseldorf, 1972. – 343 S. – Текст : непосредственный.

142. **Brown P.** Politeness: Some Universals in Language usage / P. Brown, S. C. Levinson. – New York: Cambridge University Press, 1987. – 338 p. – Текст : непосредственный.

143. **Grieze Hartmut M.** Sozialisationstheorie und Erwachsenenbildung / Grieze Hartmut M. – Текст : непосредственный // Handbuch Erwachsenenbildung / Weiterbildung. First Online: 18 April 2018. – Ss. 127–144.

144. **Robins R. H.** General Linguistics. An Introductory Survey / R. H. Robins. – London, 1971. – 442 p. – Текст : непосредственный.

Список использованных словарей

145. **Ахманова, О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с. – Текст : непосредственный.

146. **Балакай, А. Г.** Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с. – Текст : непосредственный.

147. **Вагапов, А. Д.** Этимологический словарь чеченского языка / А. Д. Вагапов. – Тбилиси: Меридиани, 2011. – 733 с. – Текст : непосредственный.

148. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – 2-ое изд., исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1. А – З. Санкт-Петербург: издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. – 808 с. – Текст : непосредственный.

149. **Жмуров, Д. В.** Словарь терминов агрессии и насилия. Анатомия жестокости / Д. В. Жмуров. – LAP LAMBERT Academic Publishing , 2011. – 272 с. – ISBN 9783845440873. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/> (дата обращения: 07.02. 2023 г.). – Текст : электронный.

150. **Захаренко, Е. Н.** Новый словарь иностранных слов : 25 тыс. слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – 2-е изд., стереотипное. – Москва : Азбуковник, 2006. – 783 [1] с. – ISBN 5-93786-034-9. – Текст : непосредственный.

151. **Карасаев, А. Т.** Русско-чеченский словарь : 40 тыс. слов / А. Т. Карасаев, А. Г. Мациев. – Москва : Русский язык, 1978. – 728 с. – Текст : непосредственный.

152. **Культура русской речи** : энциклопедический словарь-справочник / Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; [редкол.: Л. Ю. Иванов (отв. ред.) и др.] ; под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – 2-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – 837, [1] с. – ISBN 978-5-89349-389-4 (Флинта). – Текст ; непосредственный.

153. **Лингвистический энциклопедический словарь.** – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с. – Текст : непосредственный.

154. **Мациев, А. Г.** Нохчийн-оьрсийн словарь = Чеченско-русский словарь / А. Г. Мациев. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. – 629 с. – Текст : непосредственный.

155. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Русский язык, 1982. – 816 с. – Текст : непосредственный.

156. **Словарь русского речевого этикета** : Формы доброжелат. обхождения : 6000 слов и выражений / А. Г. Балакай. – 2-ое изд., испр. и доп. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2001. – 670, [2] с. – ISBN 5-7805-0681-7. – Текст : непосредственный.

157. **Словарь русского языка** : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А. П. Евгеньева ; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. – Изд. 3-е, стер. – Москва : Русский язык, 1985-1988.

Т. 1 : А – Й. 1985. – 702 с.

Т. 2 : К – О. 1985. – 736 с.

Т. 3 : П – Р. 1987. – 749 с.

Т. 4 : С – Я. 1985. – 795 с.

158. **Советский энциклопедический словарь.** – Москва : Советская энциклопедия, 1979. – 1600 с. – Текст : непосредственный.

159. **Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / Л. М. Алексеева и др.; под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 694, [1] с. – ISBN 978-5-89349-342-9 (Флинта). – Текст : непосредственный.

160. **Толковый словарь русского языка** : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова ; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : А ТЕМП, 2006. - 938, [3] с. – ISBN 978-5-9900358-6-7 (В пер.) – Текст : непосредственный.

161. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; [Пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева] ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – Изд. 2-е, стер. – Москва : Прогресс, 1986–1987. – 832 с. – Текст : непосредственный.

162. **Халидов, А. И.** Словарь лингвистических терминов чеченского языка = Нохчийн меттаилманан терминийн лугат / А. И. Халидов. – Грозный : Книжное издательство, 2012. – 448 с. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.

163. **Щукин, А. Н.** Лингводидактический энциклопедический словарь / А. Н. Щукин. – Москва : Астрель: АСТ : Хранитель, 2007. – 750 с. – Текст : непосредственный.

164. **Энциклопедический словарь-справочник: выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты** / под ред. А. П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – Москва : ФЛИНТА, 2011. – 480 с. – Текст : непосредственный.

Список использованных источников

165. **Айдамиров, А. А.** Дарц. «Еха буйсанаш» трилогин кхоалгIа роман = Буря. Заключительный роман трилогии «Долгие ночи». – Грозный : Дош, 2006. – 555 с. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.

166. **Айдамиров, А. А.** Еха буйсанаш = Долгие ночи : исторический роман / А. А. Айдамиров. – Грозный : Грозненский рабочий, 2015. – 592 с.– ISBN 978-5-4314-0178-7. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.

167. **Айдамиров, А. А.** Лаьмнашкахь ткъес = Молния в горах : роман-хроника / А. А. Айдамиров. – Грозный : Чечено-Ингушское издательство, 1989. – 560 с. – ISBN 5-7666-0116-6. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.

168. **Байсагуров, С. Ю.** Таймин Биболат. Роман / С. Ю. Байсагуров. – Сольжа-ГIала : Грозненский рабочий, 2014. – 416 с. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.

169. **Бексултанов, М.** Я хьан тухур буйсанна хьан неI. ГулIина проза. I-ра том. = И кто постучится ночью в дверь в твою... Собрание сочинений в 2 томах. Т. 1. / М. Бексултанов. – Сольжа-ГIала: ДОШ, 2004. – 736 с. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.

170. **Нохчийн дийцарш = Рассказы чеченских писателей.** – Сольжа-ГIала : Грозненский рабочий, 2010. – с. 432. – ISBN 978-5-900231-64-8. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.

171. **Нохчийн кIцанаш = Чеченские пословицы** / сост. Р. Ямадаев, Л. Исаев. – Грозный : Книжное издательство, 2003. – 176 с. – Текст : непосредственный.

172. **Нохчийн кIцанаш = Чеченские пословицы** / сост. Т. Б. Джамбекова, Л. М. Ибрагимов. – Грозный : Книжное издательство, 2013. – 208 с.– ISBN 978-5-4314-0061-2. – Текст : непосредственный.

173. **Саракаев Хь.** Толамах тешарца. Повесть, дийцарш / Хь. Саракаев. – Грозный : Нохч-ГIалГIайн книжни издательство, 1987. – 478 с. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.

174. **Сулаев, М. А.** Лаьмнаша ца дицдо = Горы не забывают: проза и поэзия / М. А. Сулаев. – Грозный : Книга, 1990. – 496 с. – ISBN 5-7666-064-х. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.

175. **Цуев Я.** Безаман чевнаш. Дийцарш / Я. Цуев. – Грозный : Книга, 1990. – 462 с. – На чеч. яз. – Текст : непосредственный.